

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА :
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

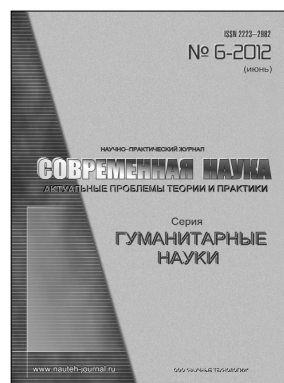
№ 6–2012 (июнь)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной
ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»**Редационный совет**

- В.Л. Степанов** – д.и.н., профессор, Институт экономики РАН
Ю.Б. Миндлин – к.э.н., доцент, Всероссийская государственная
налоговая академия Минфина РФ
Э.Н. Алиева – д.ф.н., профессор, Московский институт
экономических преобразований
А.А. Белик – д. филос.н., профессор, Институт этнологии и
антропологии РАН
М.В. Михайлова – д.ф.н., профессор, МГУ им. М.В.Ломоносова
Я.М. Нейматов – д.п.н., профессор, Фонд развития
инновационных технологий РФ
Н.О. Осипова – д.ф.н., профессор, Московский гуманитарный
университет
В.В. Петрусинский – д.п.н., профессор, Российская Академия
народного хозяйства и государственной службы при
Президенте РФ
Г.М. Пономарева – д.филос.н., профессор, МГУ им.
М.В.Ломоносова
Н.Л. Пушкарева – д.и.н., профессор, Институт этнологии и
антропологии РАН
А.И. Савостьянов – д.п.н., профессор, Московский
педагогический государственный университет
А.Е. Чирикова – д.соц.н., Институт социологии РАН
В.Н. Шаленко – д.соц.н., профессор Российского
государственного социального университета
Н.А. Шведова – д.полит.н., профессор, Институт США и Канады
РАН
С.А. Экштут – д.филос.н., профессор, Институт всеобщей
истории РАН

Издатель: Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр–т, 116–1–10
Тел./факс: 8(495) 755–1913
E–mail: redaktor@nauteh-journal.ru
Http: //www.nauteh-journal.ru
Http: //www.vipstd.ru/nautehЖурнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в
сфере массовых коммуникаций, связи
и охраны культурного наследия.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77–44913 от 04.05.2011 г.

Scientific and practical journal

В НОМЕРЕ:

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ,
ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА,
ПСИХОЛОГИЯ,
СОЦИОЛОГИЯ,
ФИЛОЛОГИЯ,
ФИЛОСОФИЯ

Журнал издается с 2011 года

Редакция:

Главный редактор
В.Л. СтепановВыпускающий редактор
Ю.Б. МиндлинВерстка
VIP Studio ИНФО (www.vipstd.ru)Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Почта России» – 80015В течение года можно произвести
подписку на журнал непосредственно в редакции.Авторы статей
несут полную ответственность за точность
приведенных сведений, данных и дат.При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: Актуальные проблемы
теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии

ООО «КОПИ–ПРИНТ»
тел./факс: (495) 973–8296Подписано в печать 04.07.2012г.
Формат 84x108 1/16
Печать цифроваяЗаказ № 0000
Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2982

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

- О.Ю. Нестерова** – Рождение "Большого Провансальского стиля": Мастер Благовещения из Экса – Бартеlemi Д'Эйк
O. Nesterova – The naissance of the great Provencal style: Master of the Aix Annunciation – Barthelemy d'Eyck3

ИСТОРИЯ

- О.М. Аверичева** – Ревизии делопроизводства земских начальников в Орловской губернии
O. Avericheva – Audits of office-work of zemstvo chiefs in the orol province7

- С.В. Боровиков** – Черемисские (марийские) войны в отечественной и зарубежной историографии
S. Borovikov – Cheremeees' (Mari) wars in the domestic and foreign historiography12

- М.В. Ковалева** – Идеи быстротечности жизни и бренности бытия в европейской культуре XVII века
M. Kovaleova – The ideas of fast pace of life and frailty of social being in the European culture of 17 centuries17

- Н.Н. Лупарева** – Историософия Отечественной войны 1812 г. В сочинениях С.Н. Глинки
N. Lupareva – S.N. Glinka's historiosophy of the war for the fatherland of 181225

- Е.И. Петрова** – Иконописные традиции Древней Руси как памятники культурного наследия современной России и государственная политика в сфере охраны православных святынь
E. Petrova – Icon-painting traditions of Ancient Russ as monuments of a cultural heritage of modern Russia and a state policy in the sphere of protection of the orthodox shrines28

- Т.Ю. Хаустова** – К истории создания летно-исследовательского института и некоторые аспекты его деятельности в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.
T. Khaustova – O history of creation of flight and research institute and some aspects of its activity in days of the Great Patriotic war 1941–194532

- Ю.В. Щедрина** – Вопросы формирования корпуса мировых судей в процессе разработки судебных уставов (1861–1864 гг.)
J. Shchedrina – Problems of forming the corps of magistrates in the process of court statutes' development (1861–1864)38

ПЕДАГОГИКА

- Е.П. Максачук** – Особенности спортивного воспитания в условиях ДЮСШ
E. Maksachuk – Features of sports education in sports school .42

- В.П. Стрильчук** – Роль матери в воспитании сына
V. Strilchuk – The role of mother in education of the son44

- А.Н. Хаустов** – Формирование двигательных навыков на начальном этапе подготовки у детей и юношей, занимающихся боевым самбо

- A. Haustov* – Formation of impellent skills at the initial stage of preparation at children and the young men who are engaged in combat sambo47

- Е.В. Храмова** – Реализация модели развития дидактической компетентности преподавателя вуза
E. Khramova – The development of the model implementation of didactic competence for a high school teacher50

ПСИХОЛОГИЯ

- О.А. Жученко** – Связь личностных особенностей с прогнозированием результативности деятельности в стрессогенной ситуации
O. Zhuchenko – Relationship of personal characteristics with predicting effectiveness in stressful situation53

СОЦИОЛОГИЯ

- К.Б. Сафонов** – Институционализация социальной ответственности бизнеса
K.B. Safonov – Institutionalization of social responsibility of business56

ФИЛОЛОГИЯ

- О.А. Крапивкина** – Я-субъект в условиях юридического дискурса
O. Kravivkina – I-Subject in the Context of Legal Discourse ...60

ФИЛОСОФИЯ

- Д.А. Зотов** – Сущность либерализма: основные подходы
D. Zotov – The essence of liberalism: basic approaches63

- Ш.П. Сайфуллаев** – Суждения о труде и капитале
Sh. Saifullaev – Considerations on labour and capital65

- Ш.П. Сайфуллаев** – Истинная цель труда человека
Sh. Saifullaev – A proper aim of human labour71

- Ш.П. Сайфуллаев** – Научный путь определения труда
Sh. Saifullaev – Scientific pathway of labour's definition75

ИНФОРМАЦИЯ

- Наши Авторы / Our Authors79

- Требования к оформлению рукописей статей, направляемых для публикации в журнале80

РОЖДЕНИЕ "БОЛЬШОГО ПРОВАНСАЛЬСКОГО СТИЛЯ": МАСТЕР БЛАГОВЕЩЕНИЯ ИЗ ЭКСА - БАРТЕЛЕМИ Д'ЭЙК

THE NAISSANCE OF THE GREAT PROVENÇAL STYLE: MASTER OF THE AIX ANNUNCIATION - BARTHELEMY D'EYCK

O. Nesterova

Annotation

This article analyzes the origins of the style of painting of Provence in the middle of the 15th century, which was formed under the influence of "ars nova flandra", and embodied in a complex web of "tradition" and "innovation" that coexist often simultaneously, and create their own French painting in the interpretation of the concept of traditional iconographic schemes.

Keywords: Barthelemy d'Eyck, Enguerrand Quarton, Great Provençal style

Нестерова Ольга Юрьевна

*Искусствовед, преподаватель
ЧОУ ВПО Санкт-Петербургский институт
экономики и управления*

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению истоков живописного стиля, который сложился в 40-е годы в Провансе под воздействием *ars nova flandra*, и воплотился в сложном переплетении "традиций" и "новаторства", которые в анализируемых памятниках сосуществуют, зачастую парадоксально совмещаясь друг с другом, и приводят к созданию собственно французской живописной концепции в трактовке традиционных иконографических схем.

Ключевые слова:

Бартеlemi Д'Эйк, Ангерран Картон, Провансальская школа середины XV века

"В каждом значительном произведении есть что-то уникальное. /.../ Но индивидуальность лучше всего распознается на фоне условностей и традиций, или, иначе говоря, - иконографии и стиля"

M. Мисс

В понятии стиля заложена неустраняемая двойственность ("стиль – далеко не чистый концепт" [1]). Под этим термином одновременно понимаются индивидуальные, "симптоматические" особенности художника, произведения и т.д., и, вместе с тем, – те общие черты, которые объединяют группу произведений, школу, период. Иначе говоря, для каждого конкретного произведения стиль – это "норма", общий фон, на котором уникальность этого произведения воспринимается как новаторство – в том случае, если эти новые черты оказываются значимыми для последователей и, следовательно, могут быть заимствованы, воспроизведены и развиты, в свою очередь становясь новой "нормой" (У.Эко: "идиолект, неповторимый код говорящего, рождает множество имитаций, определяет "манеру", стилистический прием и, наконец, новую норму" [2]). Именно так можно описать процесс формирования "школы". Если при этом не упускать из виду то, что "новое" может быть развито на фоне иной традиции, чем в произведении-"образце", а, кроме того, в каждом конкретном случае реализуется преломляясь через индивидуальность автора, то анализ стилистических особенностей школы может рассматриваться как описание креативно значимых индивидуальных особенностей: так, понятие "большой провансальский стиль XV века" ассоциируется у историков искусства с кругом наиболее ярких произведений Мастера Благовещения из Экса, Ангеррана Картона и рядом вещей, до недавнего времени не имевших твердой атрибуции, в том числе с миниатю-

рами Мастера короля Рене.

Обновление провансальской живописи, к тому времени "погрязшей в рутине интернационального стиля" [8], совершается в Экс-ан-Провансе, городе, который с 1442 года служил главной резиденцией короля Рене, герцога Анжуйского. Именно здесь сложился тот "большой провансальский стиль" (Ш.Стерлинг), первым примером которого служит, как считают исследователи [6], миниатюра "Король-Смерть" из Часослова Эгертона* (1442 г. *Heures de Rene d'Anjou*, Британский музей, Эгертон).

* Часослов выполнен в 1435-1437 гг. для членов семьи Рене Анжуйского.

Только три миниатюры (Святая Гостия, портрет короля Рене и "Король-Смерть") были заказаны королем своему новому художнику взамен существовавших ранее миниатюр на те же сюжеты. Эти три листа значительно отличаются от остальных по своему уровню и фактуре. (см.N.Reynaud. *Barthelemy d'Eyck avant 1450 // Revue de l'Arts*. - 1988. - № 84.

Тем же годом датируется триптих "Благовещение" (Экс-ан-Прованс, церковь Св. Магдалины), который исследователи называют настоящим манифестом радикального переворота, произошедшего в живописи Прованса под воздействием фламандских новшеств. Оба эти произведения принадлежат Бартеlemi Д'Эйку, художнику по происхождению французскому, получившему профессиональное образование во Фландрии, возможно, в мастерской самого Р.Кампена, и с 1442 года принадлежав-

шего к пестрой и космополитичной среде художников, приближенных к королю Рене.

В этой среде, как и в целом во французском искусстве XV века, вопрос соотношения традиций и новаторства осложняется тем, что в качестве таковых может выступать одно и то же явление: так, например, французские иконографические схемы, утвердившиеся к началу XV века, являются новшеством для художника, воспитанного на фламандской традиции, а принципы "ars nova flandra", привитые новому поколению французских художников, становятся отправным пунктом для создания собственного стиля. Поэтому определить собственно "провансальские" особенности Эксского триптиха можно, с одной стороны, попытавшись аналитическим путем разделить разнообразие по происхождению традиции и "новаторства", из которых складывается его стиль и иконография, а с другой стороны – ретроспективно проследить те черты, которые были восприняты и развиты последователями.

Две иконографические схемы "Благовещения", известные во Франции и Нидерландах в первой четверти XV века, опираются на священные тексты, но реализуют противоположный ход мысли: нидерландцы предпочитают описание Св. Бернарда, который характеризует место действия Благовещения как скромную девичью комнату, где уединилась Мария, чтобы принять Бога, и превращает эту комнату в уютно обставленное и заполненное домашней утварью жилище; при этом каждый предмет, каждая обыденная вещь в присутствии Девы Марии наполняется мистическим смыслом, становится символом.

В основе другой иконографической схемы символическое отождествление Девы Марии с храмом* "материализуется" в изображении конкретного церковного интерьера – как считает Э. Панофский, такая композиция является исключительно французской и создана Мастером Бусико [4].

* В разных источниках можно найти сравнение Девы Марии со "священным храмом Бога живаго", "святылицем св. Духа, воздвигнутым мудростью Божией" и т.д.

Одна из таких миниатюр, выполненная в Провансе и находившаяся в собрании Рене Анжуйского, могла быть известна Д'Эйку и представляет собой, по выражению Н. Рейно, "эмбрион" композиции "Благовещения" Д'Эйка: художник почти буквально повторяет асимметричное распределение архитектурных элементов и сохраняет жесткую прикрепленность этих элементов к фронтальной плоскости, но привнесенное Д'Эйком во французскую иконографическую схему нидерландское стремление к достоверности заставляет пространство развернуться по диагонали далеко вглубь, причем самая удаленная точка этой готической аркады отмечается маленькими фигурками, словно только что прошедшими вдоль нее ("типично фламандский способ размещения фигур на заднем плане, чтобы обозначить дистанцию и глубину пространства" [3]). Эти фигурки, несмотря на свою стаффажность, уже вполне индивидуальны и узнаваемы (Д'Эйк на протя-

жение всей жизни будет привержен к одним и тем же типам лиц, характерным движениям и позам персонажей и эти маленькие фигурки неотличимы от позднейших действующих лиц "Книги о сердце, плененном любовью").

На первом плане, перпендикулярно уходящим вглубь линиям перспективы, художник располагает застывших, словно притянутых к земле тяжелыми одеждами Деву Марию и архангела Гавриила, которые по своим пропорциям кажутся более "кампеновскими", чем у самого Флемальского мастера. Фигура Девы Марии является точным повторением кампеновского прототипа, но Д'Эйк заимствует ее в кампеновском "Рождестве", а не в композиции "Благовещения" (наиболее ярким образцом которого может служить "Алтарь Мероде", независимо от того, принадлежит ли он самому Кампену или выполнен по его рисункам одним из последователей).

Можно предположить, что Д'Эйк обращается к иной, чем у Кампена, композиции еще и потому, что в своей работе, написанной до Эксского триптиха – "Святое Семейство у камина" (1437 г., церковь г. Пюи) – уже использовал некоторые ее элементы, хотя и весьма своеобразно: если посмотреть на Деву Марию "Алтаря Мероде" с точки зрения архангела Гавриила, то ее фигура окажется такой же изогнутой в противоположенных движениях, как и фигура Девы Марии Д'Эйка. Если же, прикрыв створки Алтаря под прямым углом к центральному панно, вообразить пространство триптиха Мероде единым, то мы увидим Марию и Иосифа, сидящих в одинаковых позах, развернутых в контрапосте (а донаторы с левой створки будут заглядывать в дверь, расположенную параллельно картинной плоскости, т. е. с точки зрения, совпадающей со зрительской).

Такой разворот точки зрения, использованный Д'Эйком, лишил композицию декоративной плоскостности в построении глубокого пространства и несколько архаичной хаотической перегруженности предметами, зато дал возможность использовать пустую поверхность каминной стенки, а главное, позволил сосредоточиться на извлечении из естественных поз персонажей максимальной гармонии и упорядоченности: эта обширная плоскость словно расчерчена диагональной сеткой, подчиняющей себе каждую линию, движение и даже взгляды четырех действующих лиц сцены.

Именно здесь начинается то "уклонение" (Ш. Стерлинг) от кампеновского стиля, которое приводит к упрощению и своеобразной логизации как в трактовке форм, так и в построении композиции, к освобождению от фламандской "мании символизма" (Н. Рейно): предметы приобретают порой откровенно обыденный характер – такая огромная соломенная шляпа, повешенная на канделябр камина в "Святом Семействе".

Своего рода импульсом, побудившим Д'Эйка уклониться от подражания Р. Кампену, по мнению исследователей, стали "привезенные из Италии, но не из итальянского искусства" [4] впечатления от двух работ Яна ван

Эйка, виденных Бартеlemi во время итальянского путешествия с королем Рене 1436 года – Гентский алтарь и так называемый Триптих Ломеллини, ныне утраченный*.

* Попытки реконструкции Триптиха Ломеллини предпринимаются на основе подробного описания Бартоломео Фацио 1457 г. и копий, выполненных художниками Иосом Амманом из Равенсбурга (центральное панно) и Антонио де Фабриано (створка с изображением Св. Иеронима). См. N.Reynaud. Op. cit.

Если заимствования в отношении центральной сцены "Благовещения" представляются спорными (в качестве таковых Н.Рейно указывает "горизонтальное развитие композиции с двумя персонажами, коленопреклоненными в изокефалии", проем и пейзаж слева, даже лица персонажей, строгие и безмятежные, в которых нет ничего кампеновского, то створки Эксского Триптиха являются "парадоксальным совмещением" (М.Лаклотт) впечатлений от работ ван Эйка – на них появляются пророки Иеремиа и Исайя (вместе с натюрмортом из книг, присутствующими на створках Триптиха Ломеллини), представленные *ad vivum*, но стоящие на цоколе в каменных нишах, словно занимая место гризайльных статуй Гентского Алтаря.

В целом можно сказать что принцип, названный М.Лаклоттом "парадоксальным совмещением", лежит в основе художественного мышления Д'Эйка, который был открыт самым разнообразным влиянием и стремился к поиску новых композиционных решений.

Сам Экссский триптих служит ярким воплощением такого совмещения еще и потому, что на его внешних створках находится композиция "Noli me tangere", гораздо более архаичная по своему решению, чем "Благовещение", но которую, тем не менее, исследователи в настоящее время стремятся приписать самому Д'Эйку, а не его провансальскому ученику [8].

Но, вероятно, ближе к истине находится Ш. Стерлинг, который считает, что участие Д'Эйка ограничивается подготовительным рисунком – этим объясняется не только отсутствие всякого интереса к построению иллюзорного пространства и возврат к орнаментальному фону, но и своеобразная трансформация типа Христа, который, как показывает Стерлинг [7], восходит к Адаму Гентского Алтаря, но, "однажды появившись в Провансе, принимает автохтонный аспект": "глядя на этот грубо сделанный торс, лицо с крупными чертами и огромные уши, просвечивающие сквозь буйную шевелюру, мы ощущаем скачок, который отделяет провансальское видение, склонное к величию формы и патетической экспрессии, от видения фламандского, поглощенного безыскусной реальностью, воспроизведенной с максимальной интенсивностью".

Если проследить дальнейшее преобразование типа Христа (и одновременно – становление провансальского стиля), то через луврского "Христа на кресте" (уже освободившегося от излишнего "величия формы"), мы приходим к произведению, которое наиболее полно воплощает принципы раннего провансальского стиля в его "пост-Д'Эйковском" варианте и является, по выражению К.Тьебо, радикальной манифестацией провансальского "языка", настоящей "идиомой" стиля [8] – речь идет о Буль-

бонском Алтаре (1257 г., Лувр).

Алтарь представляет вариант "Мессы Св. Григория", и трансформация, которую претерпела традиционная композиция этой сцены, позволяет обнаружить еще один (помимо типа Христа) источник, на который мог ориентироваться Бульбонский Мастер – это не что иное, как миниатюра "Король–Смерть" из Часослова Эгертона (что, в свою очередь, отсылает к общему для них обоим прототипу – иконографии "Мужа скорбей"). Схожее композиционное решение – минимальное расстояние между картинной плоскостью предметом изображения – позволяет говорить о самом непосредственном влиянии Д'Эйка на Мастера Бульбонского Алтаря.

Если же к этому сопоставлению добавить Д'Эйковское "Святое Семейство перед камином", то мы обнаружим ряд сближений не менее парадоксальных, чем замеченные Лаклоттом: поза Короля–Смерти, совпадающая с позой "Мужа скорбей", оказывается повторением почти маньеристического изгиба Девы Марии (этот наклон головы – настоящая "мания" ("veritable tic" /Ш.Стерлинг/ Д'Эйка) – легко узнаваем во многих персонажах "Книги о Сердце, плененном любовью"), а вытянутый вдоль каменной стены узкий прямоугольник гроба Христа становится зеркальным повторением каминной полки из "Святого Семейства". Вместе с тем, такое сближение позволяет острее почувствовать дистанцию, разделяющую Д'Эйка и провансальского мастера: вместо почти музыкальной гармонии композиционных линий "Святого Семейства", которая развивается в изоощренной игре дробных складок и мелких деталей, и особенно ощутимой рядом с простотой и спокойствием камина, мы видим аскетический и "жесткий" диссонанс композиции Бульбонского алтаря с ее намеренно неуравновешенной центричностью и столь же контрастным и резким освещением, по своей интенсивности напоминающим свет театрального софита.

Интерес к проблеме освещения, несомненно, привит провансальским художникам Д'Эйк, который, в свою очередь, воспринял его у Р.Кампена с его вкусом к поискам чистого и прямого света, к ясным контрастам, падающим теням и внутренним источникам света.

Но, как подчеркивает Ш. Стерлинг, решение этой проблемы показывает, что именно провансальская живопись извлекла из уроков Мастера Благовещения из Экса и что она противопоставила его эстетике, на три четверти фламандской [7].

Кроме того, решение проблемы освещения, общей для художников Прованса, лучше всего выявляет две стилистические линии, составляющие провансальскую школу. Первая из них, ведущая от миниатюры "Король–Смерть" к Бульбонскому Алтарю, извлекает из фламандского *ars nova* идею репрезентации мистерии веры в осязаемо достоверной сцене, где сакральные персонажи и простые смертные встречаются лицом к лицу, где предметы самоутверждаются в своей материальности; идею построения вокруг фигур пространства такой реальной глубины, что оно оказывается открытым во внешний мир с двух сторон – со стороны зрителя, которого это пространство провоцирует сделать шаг внутрь, и в самой удаленной точке перспективы, там, где в оконном проеме

взгляд различает камни мостовой и прогуливающих прохожих – чудесное явление со всех сторон окружено реальностью.

Но "резкое и беспощадное" (Ш.Стерлинг) освещение Юга, насыщая контрастами света и тени сам обыденный мир, заставляет художника максимально обострить эти контрасты и ощутимость "реальности" чудесного: "Мы оказываемся в самом центре подавляющего и ужасающего своей концентрированностью чуда" – и нельзя быть дальше от фламандской обыденности.

Другое решение проблемы освещения принадлежит А. Картону, создавшему, по словам Ш. Стерлинга, совершенно особое видение, в котором реальность предстает точной и в то же время очищенной от случайностей, а форма стремится к простоте геометрической схемы благодаря резким теням, обнажающим тайное строение каждого предмета [5].

Это видение, названное Стерлингом "провансальским кубизмом", отчетливо проявляется уже в самом раннем известном исследователям произведении Картона – "Рекенском Алтаре". Результатом такого видения является то, что "реальность", освобожденная от случайностей и подробностей, то есть от всего многообразия окружающего мира, превращается у Картона в "simulacrum", в совершенное подобие реальности, замкнутое и самостоятельное, умеющее извлечь из брэнного мира эффекты, необходимые для создания иллюзии материальности мистического видения, но пренебрегающее физической природой этого мира – резкие падающие тени при отсутствии даже самой возможности появления источника света, осязаемая до навязчивости объемность фигур, словно выточенных из дерева, и абсолютная, вплоть до полной симметричности, уравновешенность композиции. Все это заставляет зрителя испытывать тревожащее и смущающее душу чувство предстояния перед совершенством, которое и есть картина божественного видения, не совместимая с преходящей окружающей действительностью. Такова "Авиньонская Pieta" Ангеррана Картона.

Столь явное отличие картоновской концепции от фламандизированного Д'Эйковского стиля заставляет исследователей говорить о необходимости рассмотрения вопроса сотрудничества (Ф. Авриль) и даже конкуренции (Н. Рейно) А.Картона и Д'Эйка.

Ф. Авриль, первым установивший факт совместной работы двух художников над Часословом Моргана (где Картону принадлежат три из десяти миниатюр) и полагающий, что Картон был учеником Д'Эйка и работал по его предварительным рисункам, подчеркивает, что уже в этот период Картон обладал сложившейся индивидуальностью, миновал стадию подражательности и воспринимал некоторые формулы Д'Эйка только подчиняя их своему стилю, уже совершенно мастерскому [3]. Это позволяет Аврилю утверждать, что Д'Эйк и Картон были современниками, питавшимися из одних источников, но использовавшими их по-разному – один остался более близок к своим фламандским корням, другой очень рано выработал счастливый синтез французского темперамента и традиционного живописного образования, полученного во Фландрии.

Н. Рейно, развивая эту мысль, полагает, что именно под влиянием А. Картона формировался средиземноморский характер интенсивного освещения Д'Эйковского "Благовещения" [4]. Однако, если обратиться к поздним работам Д'Эйка, можно увидеть, что предполагаемое влияние вовсе не стало определяющим для стиля художника – его "Благовещение" больше принадлежит провансальской школе, чем самому Д'Эйку.

Собственное же решение проблемы освещения или, скорее, разнообразные эксперименты со светом становятся формальным лейтмотивом миниатюр "Книги о Сердце, плененном любовью". Эти работы Д'Эйка, созданные в середине 70-х годов XV века, позволяют проследить реализацию тех возможностей стиля, которые не могли быть осуществлены в рамках иконографической схемы.

Таким образом, живописный стиль, сложившийся в 40-е годы в Провансе под воздействием *ars nova flandra*, представляет собой сложное переплетение "традиций" и "новаторства", которые у Бартеlemi Д'Эйка сосуществуют, зачастую парадоксально совмещаясь друг с другом, а у Мастера Бульбонского Алтаря и Ангеррана Картона, художников, наиболее полно выразивших принципы двух стилистических линий, составляющих провансальскую школу, воплощаются в создании собственной живописной концепции в трактовке традиционных иконографических схем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Компаньон А. Демон теории. – М. – 2001.
2. Эко У. Отсутствующая структура. – М. – 1999.
3. Avrielle F. En. Quarton – peintre des manuscrits? // Revue de l'Art. – 1977.
4. Reynaud N. Barthelemy d'Eyck avant 1450 // Revue de l'Arts. – 1988. – № 84.
5. Sterling Ch. La peinture française: des primitives. – Paris. – 1938.
6. Sterling Ch. Pieta de Tarascon // Revue du Louvre. – 1966. – № 1–6
7. Sterling Ch. Pieta de Tarascon et peintres Dombay // Revue du Louvre. – 1966. – № 1–6
8. Thiebaut D. Entre Gothique et Renaissance // La peinture française. – P. – 200.

РЕВИЗИИ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА ЗЕМСКИХ НАЧАЛЬНИКОВ В ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

AUDITS OF OFFICE-WORK OF ZEMSTVO CHIEFS IN THE OREL PROVINCE

O. Avericheva

Annotation

In this article the problem of controllability of institute of Zemsky chiefs of the Orel province, operating in the territory of the Russian Empire at the end of the XIX beginning of the XX centuries is considered. The main content of research makes the analysis of audits of office-work of Zemsky chiefs. The author gave considerable attention to comparison of quantity and quality of local and ministerial audits.

Keywords: Zemsky chiefs, audits, provincial presence, Zemsky department of the Ministry of Internal Affairs.

Аверичева Оксана Михайловна
Орловский
государственный университет

Аннотация

В данной статье рассматривается проблема контроля над деятельностью института земских начальников в Орловской губернии, действовавшего на территории Российской империи в конце XIX – начале XX веков. Основное содержание исследования составляет анализ ревизий делопроизводства земских начальников. Значительное внимание уделяется сравнению количества и качества местных и министерских ревизий.

Ключевые слова:

Земские начальники, ревизии, губернское присутствие, Земский отдел Министерства внутренних дел.

Многие современники упрекали институт земских начальников в отсутствии над ним надлежащего контроля со стороны власти. Управляющий земским отделом МВД В.И. Гурко утверждал, что "земские начальники с самого их образования были не только предоставлены сами себе в смысле руководства их деятельностью, но даже не было принято мер к выяснению степени соответствия назначенных лиц возложенных на них обязанностей"[1, с. 183]. Между тем, земские начальники являлись одним из звеньев вертикали власти в схеме: земский начальник – уездный съезд – губернское присутствие – МВД. Согласно "Положению" они подчинялись надзору губернатора и губернского присутствия.

Основной формой контроля над деятельностью земских начальников были ревизии: плановые и внеплановые, местные и министерские. Местные плановые ревизии были наиболее распространенными.

Решение о проведении ревизии могло приниматься как в Земском отделе МВД, так и на местах. Местные ревизии проводились под надзором губернатора, их осуществляли члены уездных или губернского присутствий. Обычно, на административном заседании губернского присутствия утверждалось постановление о ревизии земских начальников, и устанавливались ее сроки. При этом определялось число земских участков подлежащих проверке и их очередность. Отчет о результатах ревизии предъявлялся в присутствие "по возможности" не позднее месяца со дня ее окончания. В среднем, проверка делопроизводства одного земского начальника занимала

2–3 дня, которые предназначались для полного знакомства, проверяющего с самим земским начальником, его камерой, а главное документацией по управлению участком и надзором за должностными лицами.

Местные ревизии были недостаточно объективны и имели ряд существенных недостатков. Во-первых, ревизии проводились одним и тем же ревизором (или группой ревизоров), которые зачастую сами являлись земскими начальниками. Во-вторых, существовала ведомственная заинтересованность проверяющих. Так, один земский начальник не спешил открыто указывать на нарушения другого, который завтра мог прийти с проверкой в его участок. Будучи местными дворянами, они также не желали портить добрососедских, а часто и родственных отношений. В-третьих, при планировании местных ревизий отсутствовала внезапность ее проведения. Наконец, сама форма проведения ревизий была недостаточно эффективной, когда главным показателем добросовестной службы земского начальника становилась грамотно оформленная документация, для чего было достаточно лишь ответственного и грамотного писаря. Следует также отметить, что плановые местные ревизии отличались низкой эффективностью, они, как правило, редко выявляли серьезные злоупотребления, и в основном, ограничивались констатацией незначительных недостатков.

В Орловской губернии местные, плановые ревизии земских начальников проводились регулярно и единообразно охватывали несколько уездов губернии. Так, в среднем за год в Орловской губернии проводились ревизии делопроизводства земских начальников 3–5 уездов,

чего на наш взгляд было вполне достаточно. Такое количество позволяло объективно оценить работу института в целом. Масштабных ревизий, когда за год было проверено 63 земских участка, нами выявлено не было. Скорее всего, они не проводились по двум причинам. Во-первых, из-за дороговизны подобных проверок. Во-вторых, такая масштабная ревизия могла полностью парализовать работу губернского присутствия из-за занятости ее постоянных членов.

Министерские ревизии проводились значительно реже местных и тоже не были масштабными. Вероятно, причины ограниченности проверок заключались в отсутствии на них средств и времени у членов Земского отдела МВД. Интересный материал по данному вопросу дают две крупные министерские ревизии общегосударственного масштаба, проходившие в 1906 г. и 1911 г. охватившие, в том числе и Орловскую губернию.

Министерские ревизии отличались большей объективностью, нежели местные. Прежде всего, из-за того, что проводились они не местными дворянами, а представителями Земского отдела МВД. Проверка со стороны МВД была внеплановой и внезапной. Это было очень важно, так как только такие ревизии могли действительно способствовать освещению постановки крестьянского дела в губернии и наведению в нем порядка.

Существовала специальная программа ревизий, рекомендуемая циркуляром МВД, но она была необязательной для исполнения, проверяющие могли применять ее по своему усмотрению и варьировать содержащиеся в ней разделы. Между тем, данная программа была весьма подробной и включала в себя 4 раздела, которые были детализированы. Недостатком было то, что во время ревизий проверялись лишь формально-делопроизводственные показатели деятельности земских начальников. Между тем, конкретно-практическая часть оставалась не охваченной.

Первым пунктом ревизии было знакомство ревизора с земским начальником и его участком. Информация об уровне образования и служебном опыте позволяла проверяющему оценить степень подготовленности земского начальника к своей деятельности, а размеры и волостной состав участка зачастую определяли его занятость. Важным было проживание земского начальника в пределах вверенного ему участка, тоже касалось и нахождения его камеры. Это обеспечивало главный принцип нововведения, а именно близость к населению, на что так упорывали разработчики "Положения". Некоторые земские начальники из-за отдаленности своих камер от крестьян более чем на 15 верст, в основном рассматривали дела в помещениях местных волостных правлений. Например, земский начальник 1 участка Дмитровского уезда не имел определенной камеры в пределах своего участка, без уважительных на то причин. Этому факту не было

придано значения во время местной ревизии, в то время как проверяющий из Земского отдела МВД признал это одним из главных причин упущений в его деятельности [5, д. 11. л. 31]. Случай проживания земского начальника вне пределов своего участка встретился нам в том же уезде, в 4 участке. Однако, если в первом случае у земского начальника не было на то уважительных причин и даже разрешения губернского присутствия, то земский начальник четвертого участка находился постоянно в разъездах и как отмечалось ревизией "камера его была найдена в отличном состоянии и несмотря на большое число дел, превышающее размер поступления сравнительно с первым участком в два раза, число нерешенных дел почти в три раза меньше" [5, д. 11. л. 26 об.].

В ревизионном отчете обязательно указывалось время нахождения земского начальника в должности, наличие у него выговоров или замечаний по предыдущим ревизиям. В случае наличия таковых, осуществлялась проверка по поводу их устранения. Данная информация была очень важна, так как наличие или отсутствие у земского начальника опыта службы зачастую могло помочь избежать многих порицаний со стороны проверяющей инстанции, в то время как наличие выговоров приводило к обратному. Например, в ревизионном отчете, рядом с краткой личностной характеристикой земского начальника Карачевского уезда А.Н. Цурикова нами была замечена пометка карандашом "Только вступил в должность, принял участок в запущенном виде" [4, д. 716. л. 10]. Аналогичная характеристика была дана земскому начальнику 3 участка Болховского уезда Н.Н. Богдановичу, "всесторонне образованный, недостаточно знаком с условиями крестьянского быта вследствие недавнего поступления его на службу (около двух лет)" [4, д. 716. л. 38 об.]. Таким образом, несмотря на замеченную медленность в делопроизводстве и другие недочеты по службе, деятельность этих земских начальников была признана удовлетворительной.

Вторым пунктом ревизии было знакомство с камерой земского начальника и его делопроизводственной документацией. В камере должны были вестись специальные судебные и административные наряды, в том числе алфавитный указатель к ним, книги, журналы, настольные реестры, список должностных лиц крестьянского самоуправления, регистрироваться входящая и исходящая почтовая корреспонденция. В том или ином виде они имелись у всех земских начальников. Однако, как отмечали ревизоры, зачастую, земские начальники вели текущую документацию настолько небрежно, что "навести в камере справку о положении той или другой из этих бумаг оказалось при ревизии не только затруднительно, но и невозможно" [4, д. 236. л. 24].

Основным показателем эффективности работы земских начальников было движение административных и судебных дел в их участках, а также качество этих реше-

ний.

По роду к административным делам относились жалобы на неправильные приговоры сельских сходов, жалобы на действия должностных лиц крестьянского управления, на невыдачу паспортов, ходатайства об отсрочке окладных сборов по частным срокам, вводы во владения землею, купленную при содействии Крестьянского поземельного банка.

Земские начальники имели разную степень загруженности. Количество дел одних земских начальников исчислялось десятками, других сотнями. Однако, абсолютного решения всех административных и судебных дел практически не наблюдалось. На наш взгляд, земские начальники и не стремились этого сделать из-за отсутствия репрессивных мер со стороны губернского присутствия. Ежегодно оставляя нерешенными определенное количество дел они не получали никаких порицаний со стороны местных контролирующих инстанций.

Существенным недостатком деятельности земских начальников, по результатам ревизий, признавалась медленность их делопроизводства. Исполнение большинства административных дел, требований, объяснений от волостных старшин, а также доставление постановлений и обращение их к исполнению могло длиться месяцами, а в некоторых случаях и годами. Так, земские начальники в среднем разбирали административные дела от 3 месяцев до полутора лет, что нельзя было признать удовлетворительным. Например, ревизия делопроизводства земского начальника 4 участка Болховского уезда обнаружила массу дел, которые долгое время не рассматривались без законных к тому оснований. Например, дело, поступившее 14 октября 1905 г. оставалось без рассмотрения до 5 июня 1908 г., пока сам жалующийся не обратился к земскому начальнику с просьбой о его прекращении [4, д. 80. л. 49.].

Конечно, имели место случаи и более оперативного разбора дел. Так, по делу некоего Володинова производство началось 1 мая и отправлено старшине в день поступления. Донесение поступило 13 мая, а постановление земского начальника состоялось уже 22 мая [5, д. 11. л. 37–37об.]. Однако, такие земские начальники были исключением.

Нередко земские начальники не соблюдали очередность решения административных дел, что, несомненно, влияло на сроки их исполнения. Назначая дела к разбору без соблюдения очереди, менее важные дела разрешались быстрее, а такие дела как допросы свидетелей и поручения уездного съезда могли лежать без движения целые годы [4, д.72. л. 8].

Помимо медленности в решении дел, ревизии вскрывали ошибки допущенные при их рассмотрении. В первую

очередь это касалось незаконных и в целом неправильных решений земских начальников. Так, например, при ревизии делопроизводства земского начальника 1 участка Орловского уезда Т.Д. Матвеева было выявлено, что он прекращал производство дел по жалобам на должностных лиц крестьянского управления, за их служебные проступки лишь ввиду неяви на разбор дела жалобщика и обвиняемого [4, д. 80. л. 11об.].

Имели место и вопиющие случаи нарушения закона, мимо которых не могла пройти даже местная ревизия, более лояльная, чем министерская.

Как было обнаружено ревизией, из 49 дел бывших в производстве одного из земских начальников ко дню ревизии было решено только 42 дела. Из них по 23 делам, (более 50%) постановления состоялись с нарушением закона. Ревизор признал такую деятельность "носящей характер необдуманности, случайности и индифферентности, малополезной для вверенного его надзору и попечению населения" [3, д. 336. л. 104], а губернское присутствие объявило земскому начальнику выговор. Такое наказание нельзя назвать справедливым для человека, чья деятельность была не просто малополезной, а скорее вредной и опасной для крестьян. Тем не менее, подобные лица продолжали оставаться в рядах земских начальников.

Судебная деятельность земских начальников не была успешной, скорее это было их слабым местом. В рассмотрении земских начальников находились как гражданские, так и уголовные дела. Как показали ревизии, количество судебных дел было сравнительно не большим. Тем не менее, многие земские начальники не справлялись даже с такими объемами. Происходило это вследствие разных причин, одной из которых было несоблюдение очереди рассмотрения дел. В среднем, рассмотрение дел происходило в период от двух месяцев до полутора лет. К заключению о медленности можно привести данные из подлинных делопроизводств земских начальников.

Например, исковое прошение поступило к земскому начальнику в 1903 г. и было назначено к разбору на 30 сентября того же года. Без видимых на то причин это дело было отложено. Следующий разбор назначен лишь на 9 июня 1904 г. В деле нет указаний, по которым данное дело могло быть оставлено без рассмотрения на 8 месяцев. Аналогичная ситуация сложилась еще по восьми делам поступившим к земскому начальнику в период с 30 мая по 28 июня, которые были назначены к рассмотрению на сентябрь, октябрь и ноябрь, то есть спустя 4–6 месяцев. Между тем, среди этих дел были такие, от решения которых зависели решения дел, производящихся в других судебных учреждениях. Однако, ни в одном из подлинных производств по указанным делам, не приведено законных причин, по которым то или другое дело не могло быть разрешено.

Земским начальникам Орловской губернии были свойственны серьезные недочеты по ведению судебной канцелярии. Так, постановления и резолюции большинства земских начальников были слабо и необстоятельно мотивированы, тоже касалось и протоколов по разбору дел, которые не всегда были написаны подробно. Процессуальные правила соблюдались не всеми земскими начальниками. Проверяющие отмечали отсутствие в протоколах судебных заседаний отметок о явке или неявке сторон и свидетелей, число и месяц заседания и т.д. [4, д. 72. л. 10]. Некоторые земские начальники вовсе не вели протоколы отдельно по каждому делу. Все, показания, сторон и свидетелей, они заносили прямо в книгу решений [4, д. 716. л. 13]. Однако, местные ревизоры не относили это к существенным недостаткам, в то время как оформление документации отражало правовой и культурный уровень земских начальников. Конечно, в такой ситуации лучшими земскими начальниками становились бывшие мировые судьи. По мнению проверяющих, из просмотра их решений и приговоров видно, "что сами дела решаются безукоризненно" [5, д. 11. л. 37об.], а резолюции и решения мотивированны. Несомненным достоинством одного из таких земских начальников можно считать то, что за 16 лет его службы в участке ни разу не было применено телесное наказание [5, д. 11. л. 37].

Таким образом, все замечания по судебной и административной части делопроизводства земских начальников можно отнести к трем пунктам. Во-первых, медленность в рассмотрении и решении дел. Во-вторых, наличие множества нарушений в порядке рассмотрения дел. В-третьих, неаккуратность в ведении канцелярии.

Третьим пунктом ревизии было знакомство проверяющего с управлением участком и надзором земского начальника за должностными лицами крестьянского самоуправления. Особое внимание уделялось эффективности продовольственного и податного дела, взиманию платежей, следуемых Крестьянскому банку, а также участию земских начальников в деле землеустройства. Помимо этого ревизор проверял учреждения мелкого кредита, опеки и порядок надзора за ними, а также деятельность волостных судов и правлений.

Например, надзор за деятельностью должностных лиц волостного управления заключался в проверке введения канцелярии, а именно входящих и исходящих журналов, своевременного исполнения бумаг и выдачи паспортов. Ревизии выявляли значительное промедление в исполнении бумаг во всех волостных правлениях. Они могли оставаться неисполненными до шести месяцев, особенно это относилось к взысканию денежных сборов с отдельных крестьян [3, д. 421. л. 6об., 22об.].

Ревизоры, отмечали слабость надзора и недостаточность руководства действиями должностных лиц со стороны земских начальников.

Для установления надзора за деятельностью волостных судов земские начальники, кроме личного посещения, в основном, требовали представления им списков дел, назначенных на каждое заседание и ведомости о количестве вошедших в законную силу решений, приведенных и не приведенных в исполнение. Между тем, такой порядок признавался ревизорами нецелесообразным и как следствие неудовлетворительным. Так, по спискам дел, представляемым земским начальникам нельзя было определить ни правильности решений волостного суда, ни успешности их решения. В то время как составление таких списков только увеличивало работу делопроизводителя волостного суда. Что касается ведомостей, то из производств земских начальников не было видно, чтобы ими принимались какие-либо меры к понуждению должностных лиц к успешному исполнению решений и к привлечению виновных к ответственности.

Типичные упущения земских начальников в вопросе надзора за должностными лицами крестьянского самоуправления и вверенными им участками заключались в отсутствие сведений о том, проводили ли земские начальники ревизию подведомственных им крестьянских учреждений и волостного суда. Зачастую, особых протоколов ими не велось. Все свои замечания земские начальники в лучшем случае, отмечали в книгах волостного правления и суда [4, д. 72]. Также было обнаружено отсутствие у большинства земских начальников, требуемых актов формального обследования селений участка [4, д. 236. л. 14].

Четвертым и последним пунктом ревизии было общее заключение ревизирующего о состоянии участка по полученным им данным. Несмотря на массу недостатков и замечаний по делопроизводству земских начальников, а также подведомственным им волостным правлениям и судам, местные проверяющие признавали их деятельность удовлетворительной. Конечно, это не касалось случаев вопиющей безответственности со стороны земских начальников. Например, когда земский начальник проявлял полное безразличие к своей деятельности и интересам местного населения. Однако, в таких случаях земским начальникам давалось три месяца на исправление допущенных недочетов [4, д. 716. л.32], но они не всегда спешили их устранять. Предложение сделать земскому начальнику замечание или выговор были для губернского присутствия крайней мерой, которая использовалась в исключительных случаях.

Между тем, при министерских ревизиях, когда в кратких справках о проведенных проверках, наоборот, земским начальникам давались весьма красноречивые характеристики. Например, относительно земского начальника 2 участка Трубчевского уезда было замечено, что он "не особо способный и быстро соображающий человек. Немудрено поэтому, как в делах его камеры, так и по участку оказались существенные недочеты" [6, д. 40а.

л. 50]. Были и положительные отзывы о земских начальниках Орловской губернии, хотя их было и значительно меньше, чем отрицательных. Так, во время ревизии помещика управляющего Земским отделом МВД Стефановича было обращено внимание на земского начальника 4 участка Дмитровского уезда Г.С. Вишневого. Ко времени проверки он состоял в своей должности уже 15 лет, и был в своем роде "ветераном" института. Вот как отзывался о нем ревизор: "Вишневский пользуется большим авторитетом среди населения, вследствие своей отзывчивости, энергии и постоянных разъездов. Бесспорно, лучшим в уезде он считается по единогласному признанию всех своих товарищей земских начальников и предводителя. Весьма характерно, что во время ревизии они просили оценить их деятельность не принимая в сравнение работу Вишневого, как исключительную"[5, д. 11. л. 41об–42].

Обращаясь к оценке деятельности земских начальников, приходится признать, что главный ее недочет состоял не в том, что они проявляли какой-то ничем не сдерживаемый произвол по отношению к местному населению, а в том, что они были склонны к медлительности и бездействию. Как отмечал один из постоянных членов губернского присутствия, "причину медленности в разрешении дел следует искать не в особенностях того и другого участка, а в бездеятельности земских начальников, в отсутствии всякой планомерности" [4, д. 72. л. 11]. По состоянию их делопроизводства, а также подведомственных волостных правлений и судов, положение которых в участке служило верным показателем отношения земского начальника к своим обязанностям, следует признать, что земские начальники Орловской губернии ис-

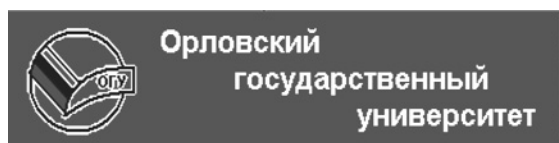
полняли возложенные на них функции недостаточно эффективно и с большой долей индифферентности.

Наконец, сама форма контроля над деятельностью земских начальников также носила формальный и поверхностный характер. Происходило это по разным причинам. Во-первых, лица, на которых был возложен законом этот надзор, то есть уездные предводители дворянства, за редкими исключениями не только его не осуществляли, но всемерно его избегали по той простой причине, что подведомственные им земские начальники были одновременно и теми лицами, от которых в значительной степени зависело само избрание уездных предводителей. Таким образом, контролирующая инстанция становилась косвенно зависимой от проверяемой, из-за чего всякая ревизия теряла смысл. Во-вторых, зачастую предводители и непременные члены присутствий осуществляющие ревизию делопроизводства земских начальников, а именно ее судебной части, сами не имели специального юридического образования. По этому поводу можно привести мнение одного из современников реформы 1889 г., который оценивая судебную компетенцию местных администраторов писал, что "у подобных предводителей далеко не всегда имеются надлежащие образование и знания по судебной части, без которых контроль – пустой звук" [2, с. 18]. Командированный в Орловскую губернию для ревизии губернских учреждений сенатор А.И. Лыкошин даже заключил, что ответственность за ошибки и недочеты в деятельности земских начальников должны были понести местные губернские присутствия. По его мнению, слабый надзор, плохое руководство и инструктирование земских начальников и привело к сложившемуся положению [6, д. 40а. л. 20].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. 810 с.
2. Даневский В. П. По поводу предстоящей реформы нашего судопроизводства. М., 1896. 68 с.
3. ГАОО. Ф. 35. "Орловское губернское присутствие". Оп. 1.
4. РГИА. Ф. 1291. "Земский отдел МВД". Оп. 31.
5. РГИА. Ф. 1291. "Земский отдел МВД". Оп. 32
6. РГИА. Ф. 1291. "Земский отдел МВД". Оп. 412

© О.М. Аверичева, (avericheva57@gmail.com), Журнал «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики»,

ЧЕРЕМИССКИЕ (МАРИЙСКИЕ) ВОЙНЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

CHEREMEES' (MARI) WARS IN THE DOMESTIC AND FOREIGN HISTORIOGRAPHY

S. Borovikov

Annotation

The various points of view of the Russian, Soviet and foreign historians about the liberation movement of Mari people against Moscow's conquest by Ivan IV, whose military expansion was carried out in the time of the creation of colonial empires, are considered in article.

Keywords: Cheremees' (Mari) wars; historiography; Russia; XVI century.

Боровиков Сергей Владимирович

*Ярославский государственный университет
имени П. Г. Демидова, исторический факультет,
кафедра музееологии и краеведения*

Аннотация

В статье рассматриваются различные точки зрения российских, советских и зарубежных историков по поводу освободительного движения марийского народа против московского завоевания при Иване IV, чья военная экспансия осуществлялась в эпоху создания колониальных империй.

Ключевые слова:

Черемисские (марийские) войны; историография; Россия; XVI век.

В числе вооруженных конфликтов, в которых участвовала Россия на протяжении XVI столетия, были так называемые Черемисские (марийские войны), от названия противостоявшего московским захватам народа Поволжья. Периодизация: I Черемисская война (1552–1557 гг.), II Черемисская война (1571–1574 гг.), III Черемисская война (1581–1585 гг.). Эти события шли во время борьбы с европейскими государствами за выход к Балтийскому морю, а также столкновений с Османской империей (Турция), Крымским ханством, Ногайской ордой и позже – начала освоения Сибири. В советское время утверждалось, что Иван Грозный проиграл, ведя войну на два фронта – на юге и северо-западе. Но был еще и третий, не уступавший в значимости и опасности, черемисский. В том числе под его влиянием русское правительство было вынуждено срочно прекратить Ливонскую войну, заключив Ям-Запольское перемирие с Речью Посполитой (Польша и Литва) в 1582 г., а затем в 1583 г. пойти на унижительные условия Плюсского соглашения со Швецией, чтобы перебросить освободившиеся в Прибалтике военные силы против мятежников.

Не все было так однозначно, как пытались преподнести за аксиому отдельные историки. Их мнения противоположны, но заслуживают внимания и критики. Что касается отличия советского периода от дореволюционного, то, начиная с 30-х гг. XX века в изучении Поволжского конфликта стали преобладать эпизоды классовой борьбы угнетенного местного населения не столько против Москвы, сколько со своими же феодалами и было обозначено четкое влияние на эскалацию со стороны "иностраных агентов". А присоединение к России являлось добровольным, этносы самоопределились, это отсылало к концепции существования самого Советского Союза.

В 1870-х гг. Г. И. Перетяткович отмечал, что русские

воеводы в своей борьбе с восставшими особенное внимание обращали на князей, мирз и сотенных, как на руководителей, потому не щадили их и старались истребить поголовно. Между самими инородцами те, которые желали восстановления спокойствия, тоже ловили мятежных начальников, приводили к русским воеводам и умерщвляли перед глазами последних. Эти восстания были усмирены лишь тогда, когда были уничтожены все главные казанские бунтовщики. С самого начала они старались укрепиться в стране, очень хорошо известной им, чем, по сознанию своих противников умели пользоваться с большой для себя выгодой. Главным поприщем для деятельности являлась река Волга, преимущественно там встречались суда, на которых всегда было чем поживиться, промышленные и зажиточные русские села, грабежом которых вознаграждались их собственные разорения от московских войск и риск предприятия.

Против мятежников был воздвигнут Козьмодемьянск, возле высокого кургана, на котором устроили главный сторожевой маяк для наблюдения за черемисскими движениями в нагорной стороне. Правительство строило города и населяло их русскими людьми, чем, по дошедшим до нас известиям, главным образом и добилось замирения этого беспокойного края [6].

У С. М. Соловьева другой взгляд, подчас категоричный, на эту проблему – истощенный войной турок с персами, крымский хан мог вредить Москве, только поджигая волнения между черемисами. На Средней Волге и Нижней Каме "дикие народы", "бусурманы", делали последние отчаянные усилия, чтобы высвободиться из-под русского подданства [7].

Дело в том, что еще в XIX веке появились первые исследования, дополнявшиеся затем многочисленными статьями в периодической печати, в том числе и в XX

столетии, даже в СССР в 1920–е гг. о том, что народы Поволжья обладали развитой культурой и не могли являться отсталыми, это опровергало тезис о необходимом насаждении московского протектората, а затем и господства.

Н. И. Костомаров подчеркивал, что было нужно много труда, чтобы усмирить беспокойные племена. Но учреждение в 1553 г. казанской епархии послужило важным залогом господства русской стихии в ново-покоренном крае. Иными словами, вместо традиционных верований навязывалось христианство. Черемисы, с начала покорения Казани, не хотели повиноваться русской власти, беспрестанно восставали, единодушно поднялись за свою свободу и вели войну с упорством. Воеводы с ратями посылались одни за другими и долго не могли укротить черемисов, которые защищались в дремучих лесах, не хотели и слышать о платеже наложенного на них ясака, а при случае делали набеги и разорения. Для укрощения черемисов Борис Годунов занялся своим любимым делом – постройкой городов на берегах Волги [4].

Русские создали укрепленные пункты Цивильск (1589 г., на месте чувашского поселения), Уржум (1584 г., на месте марийского племенного городка), Малмыж (1584 г., на месте резиденции малмыжских князей), Козьмодемьянск (1583 г., на правом, горном берегу Волги), Царево-Кокшайск (1584 г., Царев-город на Кокшаге, ныне – Йошкар-Ола, столица Республики Марий Эл), Царево-Санчурск (1584 г.) и Яранск (1591 г., на месте марийского поселения) для защиты от набегов воинственных черемисов.

Наличие у многих городов марийских названий (Шанчара, Яранг, Малмыж, Кукарка, Какшар) свидетельствует о том, что не все из них были основаны русскими. Но после подавления восстания марийцам не разрешалось в них селиться. Более того, они должны были освобождать территорию вокруг городов в радиусе до пяти верст.

Д. И. Иловайский выводил, что давние связи с казанскими татарами и привычка к подчинению последним не могли быть порваны вдруг. Часть многочисленной казанской знати рассеялась по окрестным народам и, заодно с их князьями и старейшинами, стала поднимать их к бунту против Москвы; к этому удобный повод давали сборы ясака, сопровождаемые иногда разными обидами и своєюводем со стороны ратных людей. Особенно сильные мятежи производили луговые черемисы. Первые действия воевод против мятежников были не всегда удачны; силы, оставленные в Казани и Свияжске, оказались недостаточны для укрощения всего края. В Москве на время не обратили должного внимания на трудное положение, потому что бояре вопреки поручению государя отложили вопрос о "Казанском деле" и занялись кормлением. Вождь луговых марийцев Мамич-Бердей был захвачен в плен горными черемисами, которых он тщетно пытался поднять к бунту, и отвезен в Москву. После того усмирение мятежа пошло успешно, в особенности благодаря энергичным распоряжениям казанского наместника князя Петра Шуйского. Отряды подвергли Луговую сторону страшному опустошению, брали в плен только жен-

щин и детей, истребляли мужчин, разгромив это беспокойное племя.

При царе Федоре Ивановиче в Казанской земле свирепствовало сильное восстание черемисов, подстрекаемых крымскими татарами и Ногайской ордой. Это было усмирено не столько военной силой, сколько щедрыми подарками и обещаниями [1].

В. Н. Татищев сообщал, что в декабре 1552 г. боярин и воевода князь Петр Шуйский послал из Свияжска Бориса Салтыкова разыскать луговых и горных черемисов, напавших на Волге на гонцов, гостей и "боярских людей" с припасами. "Воров" нашли на Цивиле, одних там же и повесили, других перед Свияжской крепостью, всего казнили 74 человека, их имущество раздали истцам.

В марте 1553 г. луговые люди прогнали собиравших ясак Мисиря Лихорева и Ивана Скуратова. Воеводы послали Василия Елизарова, с ним казаков и Ивана Ершова со стрельцами. Черемисы разбили их наголову и убили 350 стрельцов и 450 казаков. После поставили себе город на реке Меше, в 70 верстах от Казани. Из Свияжска Петр Шуйский отправил на них воеводу Бориса Салтыкова, с ним "детей боярских" и горных людей. В то время были "великие снега". Черемисы разгромили Салтыкова, взяв в плен его самого и 200 человек, убив 36 "сынов боярских", 50 "людей боярских" и 170 горных.

В августе 1554 г. из Казани боярин князь Михаил Глинский с товарищами на луговых изменников отправили местных князей и от всех арских (удмурты) и побережных людей с нагорными, а также Дмитрия Кушелева. Казанцы солгали, изменили царю, на черемисов не пошли и сложились с ними, а верных государю многих побили, напали на рыболовов на Каме, на сенокос подступили к Казани.

В марте 1555 г. луговые люди ходили на Арскую сторону и татарские села, но стрельцы в острогах отбивались пищальями. Князь Михаил Воротынский с товарищами прислал из Свияжска Федора Баскакова, который отправил на луговую сторону воевать 700 горных людей на лыжах. Внезапная атака закончилась успешно. В апреле 1555 г. пешие черемисы из леса напали на сторожевой полк князя Василия Токмакова и были разбиты наголову.

Осенью 1555 г. на Мамич-Бердея и его сообщников государь послал свою рать: в Большом полку бояре и воеводы князь Иван Мстиславский и Даниил Романович; в Передовом Захарий Петрович и Михаил Воронов; в Сторожевом Михаил Морозов и Василий Сицкий; для посылок Иван Яковлев, Иван Меньший Васильев сын Шереметьев, Василий Токмаков.

В марте 1556 г. приехали к государю с горной стороны сотник Ахтыш с товарищами и привезли с собой изменника лугового князя Мамич-Бердея. Они рассказали, что тот приходил на них войной с 2000 человек, но осажденные с ним сговорились, чтобы якобы заодно изменить и взяли его к себе. Поймав, перебили 200 луговых людей и привели того к царю. Государь отблагодарил горных черемисов великим жалованьем и облегчил им ясак. А Мамич-Бердей вспоминал, что убил ногайского царя и его людей за неказание помощи и соединился с арскими,

пошел на горную сторону отводить от великого князя, но там обманули, товарищей побили, самого поймали.

В мае 1557 г. из Казани, Чебоксар и Свияжска Иван Шуйский послал воевать на луговых, которые всю зиму и весну приходили на горную сторону и арские места, "детей боярских", во главе – князя Иосифа Лаврова с товарищами, стрельцов, своих и горных людей. Черемисов разбили наголову. Их начальника Ахметека взяли живым. После луговые люди прислали "бить челом" о своих винах, чтобы государь смилостивился над ними и учинил в холопстве, как и горных и ясак велел брать, как прежние цари. Царь послал в Казань и Свияжск своего стряпчего Семена Ярцова, а луговых людей велел пожаловать, вины их простить и к правде привести. К Ивану IV приехали сотские Абыз с товарищами и дали присягу. А к черным людям царь послал "сына боярского" Образца Рогатова, и они все присягнули. Луговые люди все соединились и поклялись быть им и их детям неотступными от государя навеки и ясак платить сполна [8].

Войска Ивана Грозного иногда терпели поражения от повстанцев, проявляли жестокость по отношению к местному населению соразмерно сопротивлению, но сведения вносят коррективы в тезис о "русской оккупации" – несомненно, присутствовал коллаборационизм у самих марийцев, не являвшихся единым народом и при случае предававших друг друга и поклонявшихся поработителям-москвитам, некоторые черемисы даже помогали карателям.

У М. М. Щербатова следующая трактовка: прибавление московских войск не возбранило мордву и черемисов взбунтоваться в 1552 г., изменяя России и соединяясь с казанцами. Воеводы учинили великое опустошение в селениях изменивших народов, разбили их в сражениях и разогнали. Наконец вероломные племена от страха российского оружия поддались государю. Черемисы привозили в государевы станы множество хлеба, меду в дары или на продажу, так что все воинство не только без всякой нужды, но и с избытком продолжало свой поход. Царь Иван IV справедливо не доверял столь часто бунтовавшим мордву и черемисам и не хотел иметь их при своих войсках, использовал для расчищения путей и строительства мостов ради удобного похода, хотя другим образом, в самом деле, они способствовали успеху начатого предприятия. Хотя прямо сказать, это более было разбойническое нападение, чем бунт, но при новом покорении этой страны, разнящейся законом, верой, языком и обычаями, всякое малое возмущение могло произвести важные последствия. Эти народы от грабительства обратили себе всегдашний прибыль. Против них был послан князь Микулинский, который взял в плен 6 тысяч мужчин и 15000 женщин, разорил город Меш. Бунт продолжался 6 лет и был укрощен воеводой Иваном Шереметевым, который разбил и рассеял врагов, проник даже до Башкирии.

Черемисы, выбрав себе царя и пользуясь непроходимыми лесами и болотами, где находились их жилища, воевали против России. Наученные военному искусству российские ратники, познавшие уже все пути страны, в

которой столь долгое время воевали, частыми поражениями и опустошением наносили противникам беспрестанный вред. Наконец отчаяние черемисов дошло до такой степени, что они перестали бороться едино.

М. М. Щербатов утверждал – не осталось известий, что за волнения были в Казанской земле в 1571–1574 гг., насколько далеко они простирались и чем были прекращены. Но через Разрядные книги видно, что стояла немалая опасность: многочисленные войска в пять полков под главным начальством князя Ивана Мстиславского отправились в Муром для похода против мятежников по наказу царя.

Что наиболее беспокоило Ивана Грозного во время переговоров с поляками и шведами по окончанию Ливонской войны, так это казанские и окружные люди, которые, невзирая ни на непрерывные над ними победы, ни на частые учиненные им прощения, не переставали питать своей ненависти к России; оказавшийся малый бунт показывал общее неприятие. Наряд новых войск по повелению царя включал в себя 5 полков под общим командованием Ивана Мстиславского, остальными начальниками определили Федора Шереметева, Дмитрия Хворостинина, Михаила Салтыкова, Ефима Бутурлина, Меркула Щербатова.

Продолжавшийся бунт казанских народов весьма беспокоил Бориса Годунова; когда знатнейшие бояре были повелителями войск, то самовластие фаворита исчезало; а ради этого, пока еще не открылись его намерения, он старался укротить внутреннее смущение, и ни чем иным не мог воспользоваться, как послать сильные войска на Казань, что по совету царя Федора Ивановича и сделал; однако они не были отправлены под главными воеводами, их начальник был окольничий князь Дмитрий Елецкий, искусный в обращениях для разных переговоров, к чему много раз привлекался. Ему уповательно были даны такие наставления, чтобы, дав великие выгоды бунтующим народам, это междоусобие прекратить. Такое положение нельзя порицать; лучше уступить для унятия внутренней войны, чем привести народы в отчаяние. Зная Федора Ивановича, они сами отказались от своего бунта и покорились с раскаянием; от российского государя получили большое жалованье: однако, для воспрепятствования, чтобы впредь таких мятежей не последовало, было велено в Черемисской земле построить города, которые являлись тогда же и крепостями [10].

Н. М. Карамзин повествовал, что воевода Борис Салтыков, выступив зимой из Свияжска против мятежников с отрядом пехоты и конницы, тонул в глубоких снегах: неприятель на лыжах окружил его со всех сторон; в долговременной беспорядочной битве россияне падали от усталости. Бунтовщики, гордясь победами, думали, что господство России уже кончилось в их стране. Иван IV вспомнил тогда мудрый совет опытных вельмож не оставлять Казани до совершенного покорения всех ее "диких" народов. Уныние при Дворе было столь велико, что некоторые члены Царской Думы ("Избранной Рады") предлагали навсегда покинуть эту бедственную землю и вывести войска оттуда.

Иван Мстиславский и Михаил Глинский воевали с луговыми черемисами, захватили 1600 именитых людей, князей, мурз, чиновников татарских и всех умертвили. Воеводы и сановники, действуя ревностно, неутомимо, получили от государя "золотые", награду того времени: ими украшали свою грудь вместо орденских крестов. Мамич-Бердей, отрубив голову ногайскому царю, насадил ее на высокое дерево и сказал: "Мы взяли тебя на царство для войны и победы; а ты со своей дружиной умел только объедать нас! Теперь да царствует голова твоя на высоком престоле!" Луговая земля дольше всех упорствовала в мятеже. Россияне пять лет не опускали меча: жгли и резали. Без пощады губя "вероломных", Иван Грозный награждал "верных". Им давали землю, пашню, луга и все нужное для хозяйства. Наконец усилия бунтовщиков ослабели; вожди их погибли все без исключения, крепости были разрушены, другие (Чебоксары, Лаишев) вновь построены русскими и заняты стрельцами.

Общий бунт в 1581 г. внезапно вспыхнул в земле луговых черемисов, столь опасный и жестокий, что казанские воеводы никак не могли усмирить его. Встревоженный государь в октябре 1582 г. послал к ним войско с князем Елецким; узнав, что восстание не утихает, велел идти туда из Мурома полководцам князьям Ивану Воротынскому и Дмитрию Хворостинину. Новые вести еще более устрешили Москву: узнали, что крымский хан Мехмет-Гирей, вопреки мирной грамоте, сносится с черемисскими мятежниками и готов устремиться на Россию. Надлежало действовать всеми силами: отрядили войско к Каме; другое под начальством князей Федора Мстиславского, Курлятева, Шуйских, заняло берега Оки; третье плыло на судах Волгой к Свяжску. Хан не дерзнул вступить в Россию; но бунт Черемисский продолжался до конца жизни Ивана IV с удивительным остервенением: не имея ни сил, ни искусства для стройных битв в поле, эти свирепые "дикари", озлобленные, вероятно, жестокостью царских чиновников, резались с московскими воинами на пепле своих жилищ, в лесах и вертепах, летом и зимой; хотели независимости или смерти. Для стеснения мятежников воевода князь Туренин основал тогда крепость Козьмодемьянск.

Борис Годунов более умом, чем мечом, смирил мятежников, уверив их, что новый царь Федор Иванович, забывая старые преступления, готов миловать виновных в случае искреннего раскаяния; они прислали старейшин в Москву и дали клятву в верности. Тогда же Годунов велел строить крепости на Горной и Луговой стороне Волги и заселил их россиянами, и тем водворил тишину в этой земле, столь долго для Москвы бедственной [3].

В "Очерках истории СССР" отмечается, что местная знать, подстрекаемая крымскими усилиями, неоднократно организовывала против Русского государства враждебные выступления и после подавления восстаний 1552–1557 гг. не раз поднимала мятежи, добиваясь отторжения Казани и Астрахани и превращения их в отдельные государства под протекторатом Турции. Главари движения в Среднем Поволжье пытались использовать недовольство "черных людей" действиями русской адми-

нистрации, их стихийное сопротивление сборщикам ясака и поднять их на борьбу за отделение от России, вели переговоры с ногайскими мурзами – претендентами на роль казанских ханов. Однако отчетливо проявилась противоположность интересов: "черные люди" не поддержали сепаратистов, расправляясь с ними, и признали власть московского правительства.

Нашествия на Русь в 1571–1572 гг. крымского хана Девлет-Гирея послужили толчком к взрыву очередных мятежей в Поволжье. Здешняя аристократия действовала в соответствии с общим планом вассала турецкого султана. Предусматривалось захватить юго-восточные владения Русского государства при помощи ногайцев, князя черкасского и сил бывших Казанского и Астраханского царств, при поддержке со стороны польского и шведского королей. Развернулось движение луговых мари-йцев, которое перекинулось на Каму, где к нему примкнули удмурты, башкиры. Оно было подавлено только в 1574 г. Часть знати оставалась верной русским властям, которые добились выдачи организаторов восстания.

Сопrotивление среди луговых мари снова возобновилось в 80-х гг. XVI в. В это время образовалась коалиция Турции и Польши против России. Турецкий султан пытался обосноваться в Закавказье, вел сношения с казахским и узбекским правителями, ногайскими мурзами, казанскими и астраханскими бунтовщиками. Усилил свою активность и крымский хан. В 1584 г. это движение было ликвидировано [5].

Б. Н. Флоря указывал, что нападениям подвергались не только окрестности занятой русскими войсками Казани, но и уезды Мурома и Нижнего Новгорода. На протяжении нескольких лет в Казанский край посылали войска во главе с наиболее видными воеводами. Они рассеивали скопления восставших, сжигали их селения, захватывали пленников. Затем выборные предводители мятежников приносили присягу на верность и обязывались платить дань, а после ухода московских войск все начиналось сначала. В конце концов, удалось добиться подчинения Казанского края. На такой исход событий важное влияние оказали два обстоятельства. Во-первых, черемисы, жившие на Горной стороне Волги и подчинявшиеся русской власти еще до взятия Казани, остались лояльными и приняли участие в военных действиях на московской стороне. Во-вторых, восставшие не получили сколь-нибудь серьезной внешней поддержки от Ногайской орды.

Одновременно с походом Девлет-Гирея на Москву в 1571 г. в Поволжье началось восстание против русской власти. Положение было очень серьезным. Поражение русской армии в войне с татарами могло привести к потере Поволжья, и Русское государство снова оказалось бы под угрозой нападения и с юга, и с востока, как в годы малолетства Ивана IV.

Зимой 1581–1582 гг. восстали горные черемисы. В то время, когда воеводы выступили из Новгорода в "зимний поход" на шведов, из Чебоксар против восставших была отправлена трехполковая рать. Это войско черемисы разбили. Желая прекратить волнения, ставившие под

угрозу исполнению его планов, царь принял черемисских посланцев и согласился удовлетворить их требования, но в это самое время началось восстание Луговой стороны. В октябре 1582 г. в Поволжье против мятежников была отправлена рать уже из пяти полков. Иван Грозный приказал публично бить палками всех воинов, которые в 1582 году были разгромлены черемисами. Знатных воевод князей Ивана Воротынского и Дмитрия Хворостинина, которые из-за "великих снегов" не смогли дойти до места назначения, царь приказал одеть в женское платье и заставить крутить жернова и молоть муку [9].

Австрийский историк XX века А. Каппелер заключал, что Москва перешла от агрессивной к гибкой политике. Здесь напрашиваются два объяснения: во-первых, в 1553 г. тяжелая болезнь царя привела к внутриполитическому кризису, вследствие чего он все меньше обращал внимание на своих советников. Традиционно прагматичная политика государства вновь взяла верх над агрессивной нетолерантной церковью. Во-вторых, события в завоеванном Казанском ханстве побуждали к воздержанию. После вывода московских войск татары и, прежде всего, черемисы восстали против чужеземного господства и предприняли попытку восстановить свою независимость рядом мятежей, которые длились пять лет. Подавить их Москве удалось лишь многочисленными военными походами и политикой "кнута и пряника" только в 1557 г.

Следует различать два основных направления московской политики. Репрессивный вариант имел целью заверить лояльность новых подданных, это было важнейшим. Восстания и далее последовательно подавлялись военной силой. Так было в 1570–1572 и 1581–1584 гг., когда восстали татары и черемисы. Одновременно Москва заложила систему крепостей для контроля над этими землями и предотвращения нападений извне. Поводом к этому стали постоянные набеги крымских татар и ногайцев, а также османский военный поход на Астрахань в 1569 г. [2]

"Черемисские войны" XVI века были национально-освободительным движением. Карательные отряды русских войск руководствовались полученными приказами и проводили истребление мятежников, наводя порядок огнем и мечом, сжигая все на своем пути, жестоко подавляя сопротивление. Эти события означали окончательное покорение Марийского края, установление и упрочение здесь административной власти Москвы. Историография данного вопроса разнообразна, в ней существуют дискуссионные вопросы, в особенности о степени воздействия российской колонизации на поволжских народов, проблеме их борьбы за суверенитет. Обсуждение еще далеко от завершения, поэтому необходима дальнейшая научная разработка в современных условиях существования многонациональной Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иловайский Д. История России [Текст]. В 5 т. Т. 3. Московско-царский период. Первая половина или XVI век. / Д. Иловайский. – М.: Типография М. Г. Волчанинова, 1890. – 720 с.
2. Каппелер А. Россия как полиэтническая империя: Возникновение. История. Распад [Текст] / А. Каппелер; пер. с нем. Х. Назаркевич, науч. ред. М. Крикун. – Львов: Изд-во Украинского Католического Университета, 2005. – 360 с.
3. Карамзин Н. М. История государства Российского [Текст]. В 12 т. Т. 8. / Н. М. Карамзин. – Изд. 2-е, испр. – СПб.: Типография Н. Греча, 1819. – 179 с. Т. 9. – СПб., 1821. – 300 с. Т. 10. – СПб., 1824. – 168 с.
4. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей [Текст]. В 2 кн. Кн. 1. / Н. И. Костомаров. – СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1912. – 596 с.
5. Очерки истории СССР [Текст]. В 9 т. Т. 5. Период феодализма. Конец XV–начало XVII в. / под ред. А. Н. Насонова, Л. В. Черепнина, А. А. Зимина. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 961 с.
6. Перетяткович Г. Поволжье в XV и XVI веках (очерки из истории края и его колонизации) [Текст] / Г. Перетяткович. – М.: Типография Грачева, 1877. – 335 с.
7. Соловьев С. М. Сочинения [Текст]. В 18 кн. Кн. 3. Т. 6. История России с древнейших времен. / С. М. Соловьев; отв. ред. И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриев. – М.: Мысль, 1989. – 783 с.
8. Татищев В. История Российская [Текст]. В 3 т. Т. 3. / В. Татищев. – М.: АСТ: Ермак, 2005. – 860 с.
9. Флоря Б. Н. Иван Грозный [Текст] / Б. Н. Флоря. – М.: Мол. гвардия, 1999. – 403 с.
10. Щербатов М. История Российская от древнейших времен [Текст]. В 7 т. Т. 5. От начала царствования царя Ивана Васильевича до кончины царя Федора Ивановича и до избрания в цари Василия Ивановича Шуйского. Ч. 1. От начала царствования царя Ивана Васильевича до покорения царства Астраханского. / М. Щербатов. – СПб.: Императорская Академия наук, 1786. – 557 с. Ч. 2. От покорения Астрахани до начала завоевания царства Сибирского. – СПб., 1789. – 447 с. Ч. 3. – 326 с. Т. 6. От начала царствования царя Федора Ивановича до его кончины. Ч. 1. От восшествия на престол царя Федора Ивановича до убийства царевича Дмитрия. – СПб., 1790. – 363 с.

ИДЕИ БЫСТРОТЕЧНОСТИ ЖИЗНИ И БРЕННОСТИ БЫТИЯ В ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ XVII ВЕКА

THE IDEAS OF FAST PACE OF LIFE AND FRAILITY OF SOCIAL BEING IN THE EUROPEAN CULTURE OF 17 CENTURIES

M. Kovaleova

Annotation

The article explains the ideas of fast pace of life and frailty of social being which spread in Europe in the 17th century, using works of art and literature as the examples.

Keywords: The European culture of 17 centuries, fast pace of life, frailty of social being.

Ковалева Марина Вячеславовна
ФБГОУ ВПО
"Госунiversитет – УНПК",
г. Орел

Аннотация

Статья, используя примеры из искусства и литературы, освещает настроения быстротечности жизни и бренности бытия, охватившие европейское общество в XVII в.

Ключевые слова:

Европейская культура 17 в., быстротечность жизни, бренность бытия.

XVII век в Западной Европе был временем расцвета абсолютных монархий, периодом мощных сдвигов в экономической, социальной и политической сферах жизни национальных европейских сообществ от феодализма к капиталистическому строю. При этом "при всей специфике их проявления в рамках отдельных стран и этнополитических общностей" все процессы "носили в своей подоснове подлинно общеевропейский, континентальный характер" [1, С.8]. Процессы, связанные с зарождением капитализма, ломали старый уклад жизни. Войны, эпидемии и смерть оставались частыми гостями в бытии людей. В результате этого в душах многих европейцев возникало ощущение нестабильности мира, тщетности всех упований, пронизанности жизни смертью, краткости существования, падения нравов, разрушения традиций, гибели величия родины. Человек обращался к вечности, к Богу, но часто не ощущал облегчения. Распространёнными были настроения одиночества и отчаяния перед лицом непонятного, враждебного и равнодушного мира.

Идеи бренности и быстротечности бытия распространились не только в таких охваченных кризисными явлениями странах, как Испания, Германия и Италия, но и в благополучной Голландии, идущей на подъём Франции.

В XVII в. большое влияние на культуру Европы оказывала Испания, католическая страна, постепенно утрачивающая былое могущество. Ещё в 1620 г. она была сильной империей, которой принадлежали богатые колонии в Южной Америке и Филиппины. Некоторое время в руках Испании находились португальские колонии в Бразилии и на Дальнем Востоке. В Европе империя владела Фландрией, Франш-Конте, графством Шароле, Милан-

ским герцогством, Неаполем и Сицилией. [6, С. 24–25] Вступив в Тридцатилетнюю войну с имперскими амбициями, Испания вышла из неё, практически лишившись флота. Это послужило знаком к тому, что она более не в состоянии крепко удерживать свои владения. В 1648 г. Испания окончательно признала суверенитет Голландии, а в 1668 г. – Португалии. Правда, в 1652 г. ей удалось вернуть Каталонию, отошедшую двенадцать лет назад под власть Франции. Три года спустя морская экспедиция, снаряжённая английским лордом-протектором О. Кромвелем, захватила испанскую колонию – остров Ямайку. Сражаясь в союзе с французами, в 1658 г. англичане взяли важный испанский порт в Европе – Дюнкерк. По Пиренейскому миру 1659 г. Франция отторгла у Испании Руссильон, Артуа и другие владения в Нидерландах. Неотвратимая гибель величия родной страны, усугублённая нарастанием кризисных явлений в экономике и внутренней политике, привела к тому, что в Испании стали усиливаться идеи бренности бытия и беспомощности всех земных упований.

Образ смерти и острое ощущение трагичности существования всегда занимали заметное место в культуре Испании. В значительной мере культ страданий насаждался церковью. Предельным реализмом всегда отличались испанские произведения искусства, изображающие пытки и казни святых и мучеников. Даже картины грядущего небесного триумфа не скрывали тяжесть предшествующих концу мук. На картине "Смерть св. Антония" барселонского живописца А. Виладомат-и-Мональт (1678 – 1755) (Музей изобразительных искусств Будапешта) разбитый предсмертным параличом и потерявший речь Антоний смотрит в небо уже почти равнодушным взглядом, в глубине которого, однако, пробуждаются

смысл и надежда, вызванные видением спешащих к его ложу радостных ангелов с венком и пальмовой ветвью. Однако это видение недоступно глазам двух сидящих у его ложа монахов, один из которых целует бессильную руку, а второй отвернулся, не в силах вынести вид страдающий святого.

Смерть в Испании приручалась. Её присутствие вокруг и постоянная близость подчёркивались, с целью заставить человека задуматься о том, с чем он придёт в иной мир, насколько готов отвечать за свои земные дела. Однако постоянное напоминание о пределе жизни не могло полностью исключить страх небытия. Желанием преодолеть трепет перед грядущим концом проникнут сонет Луиса де Гонгоры (1561 – 1627) "В могилы сирые и мавзолеи...". Поэт полагает, что лишь максимальное приближение к созерцанию того, чего страшится душа, а именно брэнного праха внутри молчаливых гробниц и картин ада, способно дать человеку мужество.

Постепенно на идеи индивидуальной брэнности в испанском обществе начали накладываться настроения, связанные с мыслями об уходящем величии испанского государства. Франсиско де Кеведо (1580 – 1645), крупнейший сочинитель того времени, писал:

*Я стены оглядел земли родной,
Которые распались постепенно,
Их утомила лет неспешных смена,
И доблесть их давно в поре иной.*

(Пер. П. Грушко)

Образы разрушенной страны, дома, погнутой шпаги из одного сонета дополняются щемящим ощущением поглощения всего вечностью в другом стихотворении:

*О жизнь моя, мне душу леденя,
Как ты скользишь из рук! И нет преграды
Шагам твоим, о смерть! Ты без пощады
Неслышную стопой сотрёшь меня.*

(Пер. И. Чежеговой)

Зримым воплощением этих идей в живописи стало полотно "Сон рыцаря" Антонио де Переды (1611 – 1678) (Академия де Сан Фернандо, Мадрид). На нём изображён молодой, богато одетый кавалер, спящий, опустив голову на руку. Перед ним находится стол, ломающийся от зримых символов его мечтаний: глобус означает завоевания и географические открытия, доспехи и дорогое оружие – военные подвиги, лавровый венок – славу, книга – отличие в науках, деньги – богатство, карты – удачу, драгоценности – успех у женщин, театральная маска и ноты – искусства. Посреди этих вещей находятся напоминающие башню позолоченные часы, которые отсчитывают минуты быстротекущей жизни, и безымянные человеческие черепа, свидетельствующие о бесплодности усилий сохранения о себе памяти. Стоящий за столом ангел с крыльями держит надпись: "Время ранит, быстро летит и поражает насмерть". Устрашающим призывом к покая-

нию стали два полотна, выполненные Хуаном Вальдесом Леалем (1622 – 1690) для помещения в церкви братства Милосердия при одноимённом госпитале. Они были созданы по заказу одного из видных членов братства, Мигеля де Маньяра (1627 – 1679), богатого человека, который после утраты в цветущем возрасте нескольких своих родственников и любимой жены, решил обратиться к делам милосердия. На первой из них смерть в виде скелета с саваном, гробом и косой под мышкой в одной руке, попирая ногами символы светской и духовной власти, тушит свечу, символизирующую человеческую жизнь. Над свечой расположена латинская надпись: "Во мгновение ока". На второй изображены ужасные в своём реализме разверстые гробы, в одном из которых покоится, сжимая посох, епископ, а в другом – рыцарь ордена Калатравы. Сверху, освещённая мистическим светом, рука Христа держит весы, на одной чаше которой находятся символы греха и приверженности к мирской жизни в виде животных (козёл, свинья, собака), а на другой – церковные символы спасения (крест, молитвенник, предметы причастия). Весы находятся в равновесии. Не простое следование церковным нормам, а активное милосердие могут склонить чашу весов в сторону спасения. Внизу, крупными буквами, – мораль картины: "Конец земной славы".

С изобретением часов люди острее осознали бег времени. Луис Каррильо де Сотомайор (1585/6 – 1610), поэт и офицер галерного флота, сравнивает в одном из своих сонетов движение времени с полётом птицы, бегом быстрой лани, ускользящим туманом, сливает его в единое понятие с суетным и обманчивым бытием. Невозможность остановить бег времени вызывает у поэта чувство оцепенения и одновременно смирения. [7, С.404] Часы – зримое воплощение времени. Часы с вделанной в них лампадкой наводят Габриэля Боканхера–и–Унсурта (1608? – 1658) на размышления о хрупкости и краткости жизни:

*Вот облик нашей жизни, он двулик:
В часах горящих, в цифровой лампадке, –
Под ветром времени мгновенья кратки,
Как трепетные лепестки гвоздик.*

(Пер. П. Грушко)

Часы в виде человека, опустившегося на одно колено под тяжестью циферблата, являются центром композиции натюрморта А. де Переды из Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Хрупкость и чистоту запятнанной жизни здесь воплощают стеклянная и белая фарфоровая посуда. Брэнность олицетворяют раковины и расколотые орехи.

Чувство неустойчивости и непрочности окружающего мира отзывалось в душах испанцев экзистенциальным ощущением одиночества и заброшенности. В глазах Педро Кальдерона (1600 – 1681) вид небесных светил тёмной ночью наводит на мысль о бесконечной малости человека. Его пьеса "Жизнь есть сон" положила начало

рассмотрению в литературе барокко земного бытия как неподлинного, кажущегося.

Усталость охватывала испанцев XVII в. посреди социальных и политических баталий своего времени. Даже короли ощущали её. Филипп IV в одном из сонетов сравнивает себя с гонимым кораблём, желанной гаванью для которого является смерть. "Несть числа таким стихам в то время, и беды людей отливаются в общие места поучительной христианской риторики, – отмечает А. Якимович. – Именно так и должны писать образцово разочарованные люди, выполняя ритуал разочарования". [8, С.237]

Культурное влияние Испании нашло благодатную почву в Германии, измученной Тридцатилетней войной (1618 – 1648). Недаром знаменитая речь, которую обращает к миру бегущий от него Симплициссимус, герой самого знаменитого немецкого романа XVII в., написанного Г. Гриммельсгаузеном, является заимствованием из сочинения испанского писателя Антонио Гевары: "Прощай, мир! Ибо на тебя нельзя ни положиться, ни надеяться; в твоей обители уже исчезло прошлое, уплывает из рук настоящее, а будущее никогда не приходит, наипостоянейшее рушится, наикрепчайшее разлетается в прах и наивечное приемлет свой конец..." [5, С.510] Война не только разорила страну, но и переместила прежние экономические пути. Согласно Вестфальскому миру 1648 г., выходы к Северному морю перешли к Голландии, а выходы к Балтийскому морю – к Швеции. Сельское хозяйство также было отброшено назад. В среде крестьян преобладало крепостное состояние. В стране закрепилась политическая раздробленность. [1, С. 22] Хаос на земле и нескончаемая цепь испытаний порождала представление о мире как бесконечном круговороте. Неизвестный немецкий поэт писал: "Ты – замкнутый навеки круг / Бессчётных радостей и мук..." (Пер. Л. Гинзбурга)

При этом каждый элемент структуры мира необходим. Его утрата повлечёт за собой гибель всей системы. Мир непознаваем, и человеку остаётся лишь смириться с ним таким, каков он есть:

*Покуда миром правит бог,
Навечно тьме и свету быть,
Ни пыток вечных не избыть,
Ни вечных не избыть усад...
Навечно – рай. Навечно – ад.*

(Пер. Л. Гинзбурга)

Осмысление вечности и места человека в мире – одна из центральных проблем немецкой поэзии XVII века. Поэт Иоганн Рист (1607 – 1667) ощущает вечность как "время без времени", одна попытка осознать которое, как меч, сверлит ему грудь. Она подвижна. В вечности стихает любое горе и боль, в ней теряются окружающие поэта бедствия войны. [7., С.214 – 215] Другой поэт, Ганс Абшатц (1646 – 1699), увязывает понятие вечности с течением времени. Ей присущи безмерность и непостижимость. Жизнь – всего лишь точка в океане вечности, и со

смертью человек переходит туда, "где нет конца пути". [7, С.276] Пауль Флеминг (1609 – 1640) указывает, что человек, живя внутри временного процесса, не в состоянии осознать его значения и уловить тенденции дальнейшего развития. Он различает эпохи значимые и бесславные. Эпохи рождаются и умирают, подобно людям. При этом человек не только продукт времени, но и его активный творец, которого, тем не менее, в конце ждёт уход в небытие. А что было бы, если бы случилось так, что некто обрёл бы бессмертие и был награждён знанием всех искусств и наук, богатством и властью? По мнению Флеминга, обладание всем этим посреди печалей мира уподобило бы жизнь "счастливец" пустому шару, ничто. [7, С.218 – 219]

Для Юстуса Георга Шоттеля (1612 – 1676) время человеческой жизни – непрерывная цепь пустой суеты и тщетных упований, перед лицом которого смешны любые человеческие страсти:

*Вечно страждем, вечно злимся,
Жить стремимся, суетимся,
Вечно просим, сердце мучим,
То, что просим, не получим...*

(Пер. Л. Гинзбурга)

Что принадлежит человеку перед лицом вечности, быстротекущего бытия? "Мгновение одно", – отвечает Андреас Грифиус (1616 – 1664). Человек – гость на земле, чья душа заполнена глупыми страстями, а мысли – сменяющимися друг друга заблуждениями. Ничего он не может взять с собой из этой жизни – ни титул, ни славу, ни имущество. Всё, что от него может остаться – это добрая слава, но и в том Грифиус сомневается: "Мир – это пыль и прах, мир – пепел на ветру./ Всё бrenно на земле. Я знаю, что умру./ Но как же к вечности примкнуть себя заставить?" (Пер. Л. Гинзбурга)

Христиан Гофмансвальдау (1617 – 1679) жизнь уподобляет вспышке молнии во мраке и чумному бараку, где человек заперт бедой. Выход из этого прикрытого лживой роскошью и ложным величием мира лежит для души в вере, в стремлении достигнуть блаженства созерцания божьего рая. [7, С.252]

В стихотворении, посвящённом смерти маркграфини Баденской, Георг Рудольф Векерлин (1584–1653) использует "цепь сравнений", передавая ощущение бrenности человеческой жизни через её уподобление недолговечным явлениям природы, духовной и социальной жизни:

*Зачем же ты уходишь прочь,
Как дождь, как снег, как день, как ночь,
Как дым, пыль, прах, как луч заката,
Как зов, стон, крик, плач, возглас, смех,
Боль, страх, успех и неуспех,
Как жизнь, как время, – без возврата?!*

(Пер. Л. Гинзбурга)

Всё уничтожающему бегу времени великий немецкий поэт Мартин Опиц (1597 – 1639) противопоставляет вечную жизнь поэтического слова и мысли. Его вариант стихотворения о "негорящих рукописях" звучит так:

*Кто со временем поспорит?
Не пытайтесь! Переборет!
Всех и вся в песок сотрёт!
Рухнет власть и та и эта.
Но одно лишь: песнь поэта –
Мысль поэта – не умрёт!*

(Пер. Л. Гинзбурга)

В Германии получил распространение натюрморт, связанный с поучительными идеями напоминания о быстротечности жизни и неминуемости расплаты за грехи после смерти. Одним из ярких представителей этого направления является Георг Флегель (1566 – 1638). В "Натюрморте с десертом" (Мюнхен, Старая Пинакотекa) он противопоставляет в качестве доброго и злого начал попугая и мышь. Попугай, сидящий на дальнем конце дорожкой китайской тарелки, наполненной фруктами и орехами, является символом хранителя добрых принципов. Прозрачный бокал с чистой водой намекает на добродетельную жизнь. Белая гвоздика напоминает о смерти Христа на кресте, а виноград – о таинстве Евхаристии. Символом Христа выступает и грецкий орех. Мышь, олицетворяющая зло, не интересуется высокими материями. Её больше привлекают сладкие конфеты. Мотив отступничества, предательства Иисуса Иудой присутствует в виде разбросанных на переднем плане монет.

Георг Флегель, **Натюрморт с десертом**
Дерево, масло. 22 x 28 см, Мюнхен, Старая Пинакотекa

Идею противопоставления в натюрморте двух начал поддерживает и франкфуртский живописец, позднее переехавший в Утрехт, Абрахам Миньон (1640 – 1679) в "Натюрморте с белкой и щеглом". На фоне роскошного фруктового изобилия, содержащего элементы намёков на бренность бытия в виде пятен гнили и раскрытых чашков, показаны белка и щегол.

Щегол клювом вытаскивает маленькое ведёрко на цепочке, которым он черпал чистую воду из стеклянного стакана. Расположенный выше, он олицетворяет непорочную душу, тянущуюся к добродетельной жизни и заслужившую спасение. Зло в картине воплощено в белке,

Абрахам Миньон, **Натюрморт с белкой и щеглом.**
Холст, масло, 80,5 x 99,5 см, Государственный музей, Кассель.

Абрахам Миньон, **Ваза с цветами.**
Холст, масло, 87 x 68 см, Эрмитаж, Санкт Петербург.

которая со средних веков считалась символом дьявола, а, кроме того, в силу природной привычки делать запасы, служила удобным образом для изображения стяжателя. В данном случае, белка олицетворяет грешника. Коло-

кольчик на её шее – символ глупости. Белка грызёт грецкий орех, воплощающий в себе образ Христа. Возможно, художник намекает на легенду, в которой глупец променял душу на пустой орех. [12, Р. 200]

В "Вазе с цветами" (Эрмитаж, Санкт Петербург) грешник-белка, презрев отпущенные ей пределы свободы и, бросив разгрызенный грецкий орех, решает проявить личную волю. Она дёргает за цепочку, которой привязана к вазе с пышным букетом. Из гуци цветов взлетают вверх бабочки – чистые души. Белке же грозит наказание: накренившаяся ваза неминуемо утянет её вниз.

Италия в XVII в. оставалась раздробленной. Её север и юг находились под властью Испании. Испанское влияние ощущалось в Тоскане и Генуе. Мелкие государства – Парма, Пьяченца, Модена, Реджио – сохраняли видимость независимости. Наиболее самостоятельную политику вели республика Венеция и герцогство Савойя. Важную роль в духовной и финансовой жизни играло Папское государство, упадок которого начинается после 1640 года. К. Брис отмечает, что во второй половине XVII в. "соперничество между государствами внутри Италии практически прекратилось". [3, С. 272] Основные военные действия за зоны влияния на её территории проходили между Испанией и Францией. Районами столкновения их интересов стали Пьемонт, Генуя, Мантуя. В начале XVII в. северная Италия ещё оставалась передовым индустриальным регионом. Однако на протяжении столетия её экономика приходит в упадок. Вслед за севером идёт сокращение производства на юге. Блестящие культурные богатства Италии, накопленные к XVII в., блеск её дворцов, продолжающийся расцвет искусств не сразу дают понять современникам, что величие родины уходит в прошлое. Однако созерцание былого великолепия приводит наиболее чувствительных из них к мыслям о преходящем характере всех земных событий. Не последнюю роль здесь играет и ощутимое влияние на разные стороны итальянской жизни испанской культуры. Для отражения настроения быстротечности бытия и тщетности всех упований итальянские поэты используют традиционный образ часов. Чиро де Перс (1593 – 1663) обращается к изображению песочных часов. Их верхняя и нижняя часть олицетворяют для него колыбель и могилу, а хрупкость стекла – недолгий человеческий век. Поэта завораживают механические часы, безжалостным движением шестерёнок дробящие время на части. [7, С. 453 – 454] Джован Леоне Семпронио (1603 – 1646) слагает стихи о водяных часах. Заточенная в стеклянный корпус вода напоминает ему воды Стикса – реки забвения, из глубины которой "бессильны всплыть былые времена и годы". [7, С. 481] Подобно немецким современникам, он задаётся вопросом о сущности самого человека, и также определяет его через недолговечные и скоропреходящие явления: "Я тополиный пух, морская пена, / Стрела – пронёсся вихрем и исчез, / Туман, который тает постепенно. / Я дым, летящий в глубину небес...". (Пер. Е.Солоновича)

Федерико Меннини (1636 – 1712), неаполитанский

врач и литератор, задумывается над сущностью человеческого бытия, листая страницы книги:

*Страницы, из которых узнаю
Так много я, бросаю вызов Лете
И дальше мудрость понесут свою –
Тем, кто нуждаться будет в их совете*

Внезапно, посреди приятного досуга, его поражает мысль о том, что предметам суждено более длительное существование, чем живым существам:

*На этом ложе, где в объятьях сна
Я от себя как будто отлучаюсь,
Другой уснёт в другие времена.
Я неотступной думой огорчаюсь:
Безжизненным предметам суждена
Большая жизнь, а я, увя, скончаюсь!*

(Пер. Е.Солоновича)

Поэт Томмазо Гавдьюзи (годы жизни неизвестны) в своих стихах размышляет об уравнивающей силе смерти для всех сословий, всех судеб. [7, С. 498] Зрительным воплощением этой мысли может служить картина Гверчино (1591 – 1666) "И я есть в Аркадии" (Национальная галерея древних искусств, Рим).

Гверсчино. **И я есть в Аркадии.** 1618 – 1622.

Холст, масло. 82 x 91 см, Национальная галерея древних искусств, Рим

На ней жители идиллической страны пастухов обнаруживают череп. Внезапно посреди счастливого и беспечного существования на них пахнуло холодом смерти. Впрочем, зритель быстро отвлекается от главной идеи полотна, переключаясь на виртуозное живописное исполнение картины. [10, Р. 58] Все-таки чрезмерно трагические сюжеты были не характерны для культуры Италии. Именно поэтому неприятие современников вызвала картина неаполитанского художника Сальватора Розы (1615 – 1673) "Бренность человеческая" (Музей Фитцвильяма, Кембридж).

Сальваторе Роза, **Бренность человеческая**
Холст, масло. . 199 x 134 см, Музей Фитцуильяма, Кембридж.

Неаполь – территория, издавна ощущавшая сильное испанское влияние. В нем проживал великий испанский художник Рибера. Картина, итальянская по исполнению, по внутреннему содержанию ближе к испанской культуре. В композиции "Бренности человеческой" господствует крылатая Смерть. Посреди древних развалин с геральдическими животными она придерживает свиток, на котором дитя, сидящее на коленях прекрасной женщины, выводит тростниковым пером слова: "Зачатие – грех. Рождение – боль. Жизнь – тяжелый труд. Смерть – необходимость". Слева находятся ещё двое детей. Один из них пытается разжечь факел как символ страстных желаний, за которыми человек гонится в течение своей краткой жизни, другой – пускает мыльные пузыри, являющиеся символом хрупкости бытия. Под камнем, на котором сидит женщина, зритель видит большую сову, птицу – предзнаменование болезни и смерти.[10, Р.60]

Удивительно, что мотивы бренности бытия нашли широкое признание в наиболее успешной и передовой в XVII в., да к тому же ещё и протестантской стране – Голландии. В период её подъёма Дирк Рафаэлисон Кампхёйзен (1586 – 1627) – ремонстрантский священник из Флётена, чья жизнь была полна превратностей и скитаний, сочиняет обращение к миру, близкое по настроению к про-

щальной речи Симплициссимуса, героя Гриммельсгаузена: "Мир! Как ты летуч! / Беглое виденье! / Словно зыбких туч / Видоизмененье! / Как туман морской! / Как беседы с эхом! / Счастье сменится тоской, / Слёзы – смехом". Всякое явление в его глазах – сплошное единство противоположностей: "Вот цветёт цветок / И пчелу дурманит, / Но его росток / Вскорости завянет. / Вот лиса в лесу / Носится беспечно; / Но затравят и лису бессердечно". Сквозь величие и славу правительств Кампхёйзен прозревает их падение: "Вот земная власть. / Как она державна! / Суждено ей пасть / Низко и бесславно". Печальный конец ожидает не только гордецов, думающих о своём благе, но и благородных героев: "Те, кто шли путем дерзаний / Ради счастья всех вокруг, / Ожидают приказаний / От своих недавних слуг!"

Ощущая себя брошенным в мире, тем не менее поэт ощущает себя свободным от любых привязанностей к нему и выражает надежду, что страдания приближают его к спасению: "Я брожу сейчас / Брошен и оставлен, / Но на этот раз / От забот избавлен: / Не принадлежит / Мне ничто на свете; / Пусть другой посторожит / Клады эти. / Суету сует отринув / И томление земли, / Я господних паладинов / Вижу, веруя, вдали". (пер. В.Топорова)

Поэт Ян Янсон Стартер (1593 – 1626) – один из немногих, кто осознаёт причину неустойчивости и быстрых изменений вокруг, а именно – переход к капиталистическому строю, и отмечает новое нравственное явление у своих современников: "Новое время больно слепотой, / Высшим кумиром поставя богатство..." Вывод из этого, правда, делается в соответствии с религиозными взглядами своего времени. Капитализм плох не из-за своих жёстких перегибов, особенно бросавшихся в глаза в такой с виду богатой стране как Голландия, а потому, что увлечение земным, а именно торговлей, с вытекающими отсюда стремлением к наживе и обману, приведёт к наказанию со стороны Бога, о котором современники забывают в своем влечении к обогащению: "Процвело повсюду зло, / Подло всё и лживо – / Не к добру, что в мире / Царствует нажива!" (пер. Е. Витковского)

В подобном роде рассуждает и другой поэт – Виллем Годсхалк ван Фоккенброх (1630/36 – 1674/75). Для него мир – скопление текучих явлений, подобных морским приливам и отливам. В нём человеку не суждено удержать ни прошлого, ни настоящего. Удача в жизни – игра Фортуны, неверный сон. Единственная надёжная точка опоры, о которой человек не должен забывать среди превратностей земли – Бог.[7, С.552] Уподобляет бытие сну и Ян Лёйкен (1649 – 1712): "Сну подобно бытие – / Мчится, как вода в ручье". Для него человеческое тело – непрочная тюрьма, которую в будущем ждёт "одна лишь тьма". (Пер. Е. Витковского)

В живописи идеи бренности и быстротечности бытия нашли своё воплощение в натюрморте и жанровой картине. Существовал специальный натюрморт "vanitas" –

"суета". Примером его может послужить "Суета" Рахел Рэйс (1664 – 1750) (Музей Жана д'Абовилля). На тёмном фоне из разбитого сосуда, закопанного в землю, тянутся цветы. Среди них анемоны – цветы смерти. Отцветающие и упавшие тюльпаны – символы бренности и хрупкости жизни. Рядом пустая масляная лампа – олицетворение конца, и череп, увитый венком из плюща и фруктов, что символизирует бессмертие духа. [9, Р. 54] Часто в бытовых натюрмортах предметы имели аллегорический смысл. Великолепная серебряная и китайская посуда олицетворяла богатство, лимоны – красоту, ветчина – чувственные радости. О бренности всего земного напоминали часы, источенные червями раковины, брошенные, наполовину съеденные завтраки и брошенные курительные трубки. Символический смысл имеет "Натюрморт с омаром" Абрахама ван Байерена (1620/1621 – 1690) (Мюнхен, Старая Пинакотекa): "Ключ к его разгадке дают маленькие часы на краю стола. Смысл картины приблизительно таков: дары моря, плоды и бокалы с вином символизируют радости жизни. Но это продолжается не вечно, ибо время течёт, не оставиваясь. Инструмент, отсчитывающий время, как бы призывает зрителя соблюдать умеренность в наслаждении этими благами жизни". [4, С. 12]] Не забывать о душе посреди суетного времяпровождения призывает Питер Клас (1597 – 1660) в натюрмортах "Трубки и жаровня" (Эрмитаж), "Натюрморт с кружкой пива, трубкой и колодой карт" (Собрание Г.Г. Тиссен–Борнемиса). Отто Марсеус ван Скрик (ок.1619 – 1678) использует для той же цели изображения растений, насекомых и пресмыкающихся. Чертополох в его картинах напоминает о страстях Христа, который принёс себя в жертву ради спасения человечества. Змея воплощает символ грехопадения. Негативный смысл несут ящерицы и жабы. Бабочки – аллегория воскресения, победы добра над злом. [9, Р. 271] Примером изображения размышлений о быстротечности бытия в жанровой картине может служить работа Яна Вермеера (1632 – 1675) "Женщина, взвешивающая жемчуг". По мнению ряда исследователей, героиня, смотрящая на находящиеся в равновесии пустые весы, предаётся одному из духовных упражнений, рекомендованных Игнатием Лойолой, суть которого состояла в мысленном взвешивании своих шансов на спасение.[10, Р.61] Эту мысль подтверждает картина с изображением Страшного суда, находящаяся на заднем плане.[2, С.29]

Идеи бренности и быстротечности бытия затронули и идущую на подъём Францию. Правда, здесь они лишлись известной доли мистицизма, свойственной испанской и немецкой культуре, назидательности, присущей голландцам, зато приобрели рационализм и скептицизм, свойственный французам.

Поэт Матюрен Ренье (1573 – 1613), обращаясь к образу мира, использует новейшие знания в области астрономии о вращении Земли вокруг Солнца. При этом он осознаёт это вращение как бессмысленное кружение: "Мир – сумасшедший дом, мы кружим вместе с ним./ Ты

Отто Марсеус ван Скрик (ок.1619 – 1678).. **Куст чертополоха.**
Саратовский государственный художественный музей им.А. Н. Радищева

мнил, что выиграл, а не проигрался в дым" (Пер. В. Левика). Жак Валле де Барро (1599 – 1677) неустойчивость земных судеб уподобляет сну: "Как снятся ночью сны, так снится, что живёшь..." Жан-Оже де Гомбо (1570? – 1673) сравнивает мир с морем, где между бурями человек может слышать лживые голоса сирен, привлекающих его к чёрной бездне, которая ждёт в итоге каждого. [7, С.661]

Скептицизм французских авторов выражается в том, что они чаще, чем их современники из других стран, сомневаются в загробном блаженстве. Жан Оврэ (ум. 1622), рассуждая о сущности бунтующего и гордого человека, сначала традиционно для поэзии барокко сравнивает его с дымом и цветком, бурлящим потоком, чьего исчезновения ждёт чёрная бездна, тенью ночного сновидения, а в конце приходит к необычному выводу: "Коль умер человек – он умер навсегда./ Подмостки бытия, покинув, не вернётся". (пер. М. Кудинова) Для него мир – такая же неустойчивая система, как и для других современников:

*... Нет, нет, для нас искать опоры в этом мире
Есть то же, что поймать орла в небесной шире,
Что в утлой лодочке пуститься в океан,
Висеть на волоске, бежать по скользкой льдине,
Цепляться за траву, ловить мираж в пустыне
И удержать в сетях клубящийся туман.*

(Пер. Э. Шапиро)

Клод де Бло (1605? – 1655), такой же скептик в отношении религии, видит выход в гедонистическом подходе к жизни:

*Тот свет – химера. Этот свет –
Хитросплетенье всяких бед.
Так пей, люби, не бойся смерти.
Сам позаботься о себе,
И да поможет бог тебе,
Пока тебя не взяли черти.*

(Пер. М. Кудинова)

Идеи бренности в французской живописи имеют место, но они редки и носят скорее рациональный, чем эмоциональный аспект. Практически не встречаются натюрморты, посвящённые суете. Одним из немногих, но выразительных образцов является "Натюрморт с черепом" Ф. де Шампenea (1602 – 1674)

Филипп де Шампень, **Натюрморт с черепом.**
Дерево, масло. 28 x 37 см Ле Ман, Музей изящных искусств

(Музей изящных искусств, Ле Ман). Он аскетичен и прямолинеен. Три предмета выстроены в ряд: тюльпан, означающий цветение жизни, коричневый от времени череп и песочные часы, неумолимо отсчитывающие время. [10, P.57] Пьер Миньяр (1612 – 1695) помещает символы быстротечности бытия – карманные часы и выдуваемый из соломинки мыльный пузырь в портрет маленькой дочери Людовика XIV – Марии – Анны де Бурбон (Версаль). [10, P.63]

Жорж де Латур (1593 – 1652) использует символы бренности в "Кающейся Марии Магдалине" (Собрание Райтсмана, Нью-Йорк). Святая сидит в тёмной комнате,

Пьер Миньяр **Девочка, пускающая мыльные пузыри** (Портрет Марии-Анны де Бурбон), 1674б Холст, масло., 132 x 96 смб Версаль

смотря вверх зеркала – символа суеты, в котором отражается свеча, означающая время, пожирающее жизнь. У свечи лежат свёрнутые в жгут бусы, олицетворяющие отречение от жизни в мирском богатстве. [10, P.59]

В разной мере идеи бренности и быстротечности бытия затронули ведущие страны Западной Европы в XVII в. Эти настроения отразили, трудности переживаемые людьми того времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барг, М. А. Великая английская революция в портретах её деятелей. / М. А. Барг. – М.: Мысль, 1991.
2. Берницева, В. Вермеер. / В. Берницева. – М.: Директ – Медиа, 2011
3. Брис, К. История Италии. / К. Брис. – СПб: Евразия, 2008.
4. Гогенцоллерн фон, Иоганн Георг. Шедевры Старой Пинакотеки. Каталог. / Иоганн Георг фон Гогенцоллерн. – М.: Советский художник, 1984.
5. Гриммельсгаузен, Г.Я. К. Симплициссимус. / Г. Я. К. Гриммельсгаузен. – М.: Эксмо, 2007.
6. Делюмо, Ж. Цивилизация Возрождения. / Ж. Делюмо. – М. – Екатеринбург: АСТ – У-Фактория, 2008.
7. Европейская поэзия XVII в. / сост. И. Бочкарёва, Ю. Виппер и др. – М.: Художественная литература, 1977.
8. Якимович, А. Художник и творец Диего Веласкес. / А. Якимович. – М.: Советский художник, 1989.
9. Impelluso, Lucia. Nature and its Symbols. / Lucia Impelluso. – J. Paul Getty Museum, 2004.
10. Giorgi, Rosa. European Art in the Seventeenth – century. / Rosa Giorgi. – J. Paul Getty Museum, 2008.
11. Sitherland Harris, Ann. Seventeenth – century art and architecture. / Ann Harris Sitherland. – London, Laurens King publishing Ltd, 2005.
12. Schneider, Norbert. Still Life. / Norbert Schneider. – Taschen, 2003.

ИСТОРИОСОФИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 г. В СОЧИНЕНИЯХ С.Н. ГЛИНКИ

Лупарева Надежда Николаевна

К.ист.н., преподаватель

*Воронежской государственной
медицинской академии им. Н.Н. Бурденко*

S.N. GLINKA'S HISTORIOSOPHY OF THE WAR FOR THE FATHERLAND OF 1812

N. Lupareva

Annotation

The article is devoted to the memoirs of S.N. Glinka about the War for the Fatherland of 1812. The memoirs of the famous conservative are interesting, because of being the only memoirs, written by conservative author, and because of containing the appraisal of the War in the context of Russian and world history. The Glinka's interpretation of a battle between Russian Empire and Napoleonic France represented it as a battle between "sinful" rationalism and the values of the veneration of God, recognition of human's minds limitation, tradition and experience.

Keywords: Conservatism, liberalism, the War for the Fatherland, people's war, messianic policy.

Аннотация

Статья посвящена воспоминаниям С.Н. Глинки об Отечественной войне 1812 г. Мемуары известного консерватора интересны тем, что являются единственным произведением такого рода, написанным консервативным автором, и что в них дается оценка событий 1812 г. в контексте российской и всемирной истории. Столкновение Российской Империи и наполеоновской Франции трактуется автором в христианском контексте, как противостояние "греховного" рационализма и ценностей богопочитания, признания ограниченности человеческого разума, традиции и опыта.

Ключевые слова:

Консерватизм, либерализм, Отечественная война, народная война, мессианиззм.

Отечественная война 1812 г. и заграничные походы русской армии 1813–1815 гг. оставили неизгладимый след в душе современников и породили большое количество мемуарной литературы. Одним из мемуаристов Отечественной войны и последовавших за ней военных кампаний явился Сергей Николаевич Глинка – известный в первой четверти XIX в. литератор, журналист и один из наиболее видных представителей консервативно-националистического лагеря.

Для С.Н. Глинки, как и для многих его современников, Отечественная война – это целая эпоха и центральное событие жизни. В своих мемуарах Глинка писал: "Для меня продолжается еще 1812 год. Спасение Отчества успокоило мое сердце, но я отжил для радостей земных" [1, с. 259]. Знавший Глинку с 1812 г. С.Т. Аксаков, так вспоминал о встрече с ним в конце 1815 г.: "При первом взгляде мне кинулось в глаза какое-то особенное выражение в лице Сергея Николаевича Глинки, которого я прежде не замечал: как бы след прожитого необычайного времени; это выражение сохранилось навсегда" [2, с. 22]. Осмысление войны началось еще на страницах "Русского вестника" [3, с. 391–401], журнала консервативно-националистической направленности, который Глинка издавал в 1808–1824 гг. Так или иначе он обращался к этой теме в различных произведениях на протяжении всей жизни. Но среди его работ есть две книги, которые наиболее полно и отчетливо раскрывают восприятие Глинкой 1812 года в контексте российской и всеобщей истории. Это "Записки о 1812 году Сергея Глинки, первого ратника Московского ополчения", изданные в 1836 г., и появившиеся годом позже "Записки о Москве и о заграничных происшествиях от исхода 1812 года до половины 1815 года". В них со свойственной стилю Глинки эмоциональностью, с большим чувством изложены все подробности военного времени: детально описаны

сражения и движения войск, изображены подвиги русских воинов и полководцев (причем эти изображения зачастую полностью повторяют аналогичные в "Русском вестнике" за 1813–1816 гг.), показаны людские судьбы в это непростое время, страдания обеих воюющих сторон. Неслучайно "Записки о 1812 году" явились одним из основных источников для написания знаменитого романа Л.Н. Толстого "Война и мир" [4, л. 5 об. – 6]. Однако самое ценное в этих воспоминаниях, на наш взгляд, то, что это одни из немногих мемуаров, в которых предпринята попытка историософского осмысления событий 1812–1813 гг. Важным кажется и то, что эти воспоминания – единственное произведение такого рода, написанное консерватором царствования Александра I. Между тем, до сих пор эти работы Глинки не удостоивались серьезного внимания исследователей. В данной статье мы попытались восполнить этот пробел.

С.Н. Глинка рассматривает катастрофу, постигшую человечество в 1812 г., с точки зрения провиденциализма. Эта война, страшная, вовлекшая в свой круговорот десятки народов, с точки зрения автора, не что иное, как урок Провидения всем странам, где нет "задушевного быта человеческого", основанного на христианской морали [1, с. 91]. Согласно Глинке, это естественное следствие распространения атеистической идеологии Просвещения, пропагандировавшей всесилие человеческого разума. Результатом этого учения стала "безбожная" Французская революция. Олицетворением революции и того идеологического ряда, который стоял за ней, явилась фигура Наполеона Бонапарта, поэтому Глинка уделяет ему пристальное внимание. Стремление Наполеона к всемирному господству он трактует как проявление эгоистической этики просветительской философии: это человек, ослепленный личными "страстями" и мечтами [1, с. 240]. Глинка выделяет в Наполеоне две ипостаси: с

одной стороны, это великий полководец; с другой – "человек суда Божия" [6, с. 197]. Характерна эволюция личности Наполеона, предложенная Глинкой. Юный Бонапарт был добродетелен и чужд светского общества [6; 200]. Но его многочисленные военные победы, одобренные лестью ближайшего окружения, убедили его в собственном всемогуществе, в результате чего он, сперва приняв титул императора, а затем загорелся идеей всемирного обладания [6, с. 206–218]. В этом заключается трагедия Наполеона как личности: Глинка признает, что он был гениален, но его гений заключался в таланте законодателя, неслучайно, созданное им Уложение было принято и Людовиком XVIII [6, с. 251]. Но самоуверенность, стремление к неограниченной власти и лесть сподвижников, которая возвела его "на одну чреду с волею Всетворящего" [6, с. 298], сбили его с предназначенного ему пути [6, с. 253]. Вот почему он стал орудием "суда Божия" [1, с. 131–135]: сокрушительное ниспровержение его планов должно было стать лучшим "уроком смирения силы человеческой" [1, с. 246], способным вернуть людей к мысли о всемогуществе божественного промысла. Глинка утверждает, что Бог лишил Наполеона разума в наказание за недовольство тем многим, что он уже имел. Навязчивая идея императора покорить Россию и взять Москву, с точки зрения Глинки, являлась проявлением "суда Божия" над Наполеоном и той рационалистической и материалистической идеологией, которую он олицетворял [1, с. 133–134].

1812 год – это урок и для России, внутри которой возникло как бы второе государство "с иными нравами, обычаями, мнениями и действием мыслей" [1, с. 24, 119–120], продиктованными Западной Европой и просветительской идеологией. Сама дата для Глинки глубоко символична: в истории страны это "второй двенадцатый год". В этом также видна "тактика Провидения", которое напоминает России о "первом двенадцатом годе" – 1612 г. [1, с. 24–25]. Аналогия этих двух эпох для автора абсолютно очевидна. В "наш двенадцатый год", так же как и в "первый", перед Отечеством стоял один вопрос – "быть или не быть земле Русской на лице земли" [1, с. 270]. В 1612 г. Россия спаслась только единением всего населения, основанном на религиозной общности и предполагающем верность Богу, Царю и Отечеству. Поэтому цель Провидения, с точки зрения Глинки, заключается в обращении всей России к национальной почве, в пробуждении "русского духа", для Глинки означавшего, прежде всего, гармоничное сосуществование всех сословий русского общества и их духовное единство [1, с. 49–50, 101–108, 119–120, 232–233, 269–270, 275–276]. Отсюда эсхатологическое толкование московского пожара. Автор убежден, что Москву сожгли и не русские, и не французы; Москва не была оставлена, она была "отдана на суд Божий": "тут огонь небесный. Горели палаты, где прежде кипели радости земные, стоившие и многих и горьких слез хижинам. Клубились реки огненные по улицам, где рыскало тщеславие человеческое на быстрых колесницах, также увлекавших за собою быт человечества. Горели наши неправды, наши моды, наши пышности, наши проски и подыски" [1, с. 78–79].

Победу России в войне, с точки зрения Глинки, обеспечило, во-первых, то, что нравственная правда была на

ее стороне, т.к. Россия вела войну оборонительную, а не захватническую [1, с. 192–194]. Во-вторых, народный характер войны. Выше уже упоминалось о воспоминаниях С.Т. Аксакова, который говорил, что Глинка изначально надеялся на народную войну [2, с. 23]. С.Н. Дурылин утверждал, что записки Глинки о 1812 г. "посвящены одной теме: народной войне. Основная мысль Глинки в том, что ни усилия правительства, ни искусство полководцев, ни мастерство дипломатов, а единодушный и повсеместный народный отпор был причиной гибели Наполеона... Глинка любовно выискивает, тщательно отмечает в своих "Записках" все факты, в которых особенно ярко проявляется основная особенность войны 1812 г., что ее вел и довел до победы народ" [7, с. 18]. Причем С.Н. Дурылин под народом подразумевал исключительно непривилегированные социальные слои. Однако для Глинки это понятие шире. Он действительно значительное место уделяет описанию подвигов выходцев из простонародья, прежде всего крестьян, подчеркивая тем самым, что без них победа могла не состояться [1, с. 44–47, 76–77, 111–119, 285–290]. "Записки о Москве и о заграничных происшествиях" в качестве эпиграфов предваряют три цитаты: М.И. Кутузова: "Русские крестьяне истинные, почтенные сыны Отечества"; Екатерины II: "Народ русский отличается силою, догадкою, умом"; обращение Ж.–Б. Лессеписа к Наполеону, относящееся ко времени пребывания французов в Москве: "Я сулил золота мужикам, а они наотрез мне сказали: хоть головы сними с нас, мы не отыщем ни хлеба, ни мяса, ни овса, ни сена" [6, Вступление]. Однако ничуть не меньшее внимание Глинка уделяет подвигам русского офицерства [1, с. 57–63, 177–191, 223–226], выдающихся полководцев М.Б. Барклая-де-Толли [1, с. 36–40, 236–240, 296–319], М.И. Кутузова [1, с. 34–36, 40–41, 65–67, 100–101, 177–189, 236–240, 251–252, 296–319] и многих других. Для автора народная война – это война всех сословий русского общества, сплотившихся перед угрозой завоевания, и вклад каждого из них в победу над войсками Наполеона в равной степени важен. Не случайно Глинка акцентирует внимание на обращении его современников к временам и именам Минина и Пожарского, "мясного продавца" и князя, спасших Россию от гибели в начале XVII в.

Это обращение важно еще и потому, что как бы сближает два столетия, и 1612 г. проявляется в 1812 г. Глинка постоянно проводит параллель между этими событиями. Так, и в тот, и в другой двенадцатый год Смоленск стал первой жертвой неприятеля [1, с. 107–108, 217–220, 275–276]. 23 августа "наши предки" сражались в стенах Москвы, а современники назначили место решающей битвы; таким образом, это "достопамятный день двух веков", когда над Россией "засветилась заря избавления". И в тот, и в другой "двенадцатый год" англичане первыми вызвались в союзники русским [1, с. 49–50, 232–233]. Посещение Москвы Александром I в июле 1812 г. Глинка сравнивал с избранием на царство Михаила Федоровича Романова [8, с. 291]. Таким образом, в 1812 г. ожил "самобытный дух русский". Все население сплотилось вокруг одной мысли – "Бог и Отечество" [1, с. 179, 268–269]. Народ объединился в одну семью во главе с отцом-монархом [9, с. 243].

Правда, в отличие от 1612 г., война 1812 г. "должна была сочетаться с войною заграничною" [6, с. 13–14]. Так как в России после отражения нашествия "продолжился прежний обыкновенный ее быт; а в Европе все было необычайно. Уверенный в России, Александр знал, что она отстоит себя и устоит; знал он также по прозорливой дальновидности и сберегал в себе силы свои, чтобы бороться в Европе с целым политическим миром Европейским, где каждое лицо вправе было думать, что оно вполне изучило весь ход жизни мира своего. А тут и явилась эпоха, не существовавшая дотоле на лице земли... Но в Европе XIX столетия, известен был каждый ее шаг; все было исследовано, все было на чертежах географических, все было в тысячах книг; все, кроме того, что написано было в книге Провидения. И так Александру I одному, собственными усилиями ума своего надлежало убедить умы Европейские, что они не все еще видели, не все знали. Борьба была сильная и упорная... против всезнания самолюбивого; против тщеславия высокомерного и притязательного; и эта борьба была и сильнее и труднее борьбы с целым нашествием вооруженным" [6, с. 264–265]. Таким образом, если Наполеон выступал олицетворение западно-европейской атеистической, рационалистической и материалистической морали, то Александр I был выразителем иной духовности, основанной на покорности воле Всевышнего и вере в его всемогущество. И если первый был орудием "суда Божия", то второй был призван способствовать нравственному перерождению Европы: "Десница Провидения крепит Царя Северного: она сокрушит пред ним все преграды; она проявит очам его невидимое. И изумленная Европа увидит, что тот, кто не перелетал за вершины гор заоблачных, тот, кто не заносил оружия в пески знойные, кто не величался счастливою своею звездою, тот новый вождь внезапно укрепитя опытом (курсив мой – Н.Л.) и преобразит в Европе Европу Наполеонову... На что Царю Северному содействие ума постороннего: его Бог ведет" [6, с. 92–93].

Таким образом, события 1812 г. были восприняты С.Н. Глинкой как осуществление идеального для него общественного устройства, к которому он призывал в "Русском вестнике": сильного монархического государства с четкой социальной иерархией, где все жители были скреплены одной духовностью, основанной на православии. На какое-то время они способствовали укреплению его консервативных взглядов. Так, в "Записках о 1812

годе" он писал, что война заставила его мечтать о том, что, во-первых, "сближение дворян с крестьянами к взаимной обороне Отечества сблизит их и на поприще жизни нравственной, и что, не посвящая их в философы, они, по крайней мере, уступят им чреду людей". Во-вторых, "что владельцы тысячей душ, брося прихоти мод столичных и городских, заживут в поместьях своих, чтоб от различных управлений не гибли имущества и не страдали наши почтенные питатели рода человеческого и Отечества, то есть земледельцы". В-третьих, "что уничтожение всепожирающих мод и перемена безжизненного воспитания сроднят души всех сословий и вдохнут в них новое бытие" [1, с. 91–92]. Однако сразу по окончании Отечественной войны Глинка с горечью констатировал возрождение всех тех общественных пороков, против которых он боролся на страницах "Русского вестника", прежде всего, подражание западно-европейским культурно-поведенческим моделям [6, с. 116–123]. Не случайно, после изложения своих мечтаний военных лет он с грустью пишет: "Утопия! Утопия! Мечта! Мечта!" [1, с. 92]. Это разочарование породило известный пессимизм относительно реалистичности его прежних воззрений и способствовало эволюции его взглядов, начиная с 20-х гг. XIX столетия в сторону либерализма.

Тем не менее, в "Записках о 1812 году Сергея Глинки, первого ратника Московского ополчения" и "Записках о Москве и о заграничных происшествиях от исхода 1812 года до половины 1815 года", Глинка отразил основные ценности консервативной идеологии: приоритет опыта, традиции и религии, апологетику сильного монархического государства, признание необходимости общественного неравенства и др., которые он считал отличительными чертами русской национальной идентичности. Все они противопоставлялись краеугольным принципам либерализма, ассоциировавшегося с западными государствами. Одновременно можно сказать, что в этих работах Глинкой была высказана внешнеполитическая концепция, носившая ярко выраженный мессианский характер: Россию автор рассматривал не просто как носительницу особой духовности, она, с его точки зрения, могла и должна была способствовать распространению этой духовности на западно-европейские страны, способствуя тем самым их нравственному возрождению. Этот мотив ярко проявил себя в российской общественно-политической мысли второй половины XIX столетия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глинка С.Н. Записки о 1812 году Сергея Глинки, первого ратника Московского ополчения / С. Н. Глинка. – СПб.: Тип. Рос. акад., 1836. – 401 с.
2. Аксаков С.Т. Литературные и театральные воспоминания (1812–1826) / С.Т. Аксаков // Собрание сочинений: в 5 т. / С.Т. Аксаков. – М., 1966. – Т. 3. С. 5–142.
3. Колюпанов Н. Биография А.И. Кошелева / Н. Колюпанов. – М.: Тип. Грачева и комп., 1889. – Т. I. Кн. 2. – С. 373–410.
4. [Евдокимов И.В.] Сергей Николаевич Глинка (жизнь и деятельность). Исследование // РГАЛИ. Ф. 1246. Оп. 1. Ед. хр. 121. 237 л.
5. Кулешов В.И. История русской литературы / В.И. Кулешов. – М.: Академич. проект : Фонд "Мир", 2005. – 800 с.
6. Глинка С.Н. Записки о Москве и о заграничных происшествиях от исхода 1812 года до половины 1815 года. С присовокуплением статей: 1) Александр I и Наполеон; 2) Наполеон и Москва / С. Н. Глинка. – СПб.: Тип. Рос. акад., 1837. – 370 с.
7. Дурьлин С.Н. Русские писатели в Отечественной войне 1812 года / С. Н. Дурьлин. – М.: Наука, 1943. – 123 с.
8. Уортман Р.С. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. / Уортман Р.С. – М.: ОГИ, 2004. – Т. 1. – 605 с.
9. Русское Чтение, издаваемое Сергеем Глинкою. Вып. 3. – СПб.: Тип. Штаба Отд. корпуса вн. стражи, 1845. – С. 144–256.

ИКОНОПИСНЫЕ ТРАДИЦИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ, КАК ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ОХРАНЫ ПРАВОСЛАВНЫХ СВЯТЫНЬ

ICON-PAINTING TRADITIONS OF ANCIENT RUSS
AS MONUMENTS OF A CULTURAL HERITAGE
OF MODERN RUSSIA AND A STATE POLICY
IN THE SPHERE OF PROTECTION
OF THE ORTHODOX SHRINES

E. Petrova

Annotation

The last 20 years everywhere in our country occurs a process of revival of orthodox temples and monasteries, and at the same time revival of ancient icon-painting traditions. The main role in this process plays the state policy and those measures and laws which are accepted for the purpose of protection of orthodox monuments, their restoration and further operation. In 2004 in the State register of monuments of history and culture are more than 80 thousand objects of a cultural heritage the majority of which need complete and/or partial reconstruction first of all buildings, and then – wall painting and icons.

Keywords: Icon-painting traditions, monuments of a cultural heritage, federal laws, legislative acts, federal programs.

Петрова Евгения Игоревна

*Аспирант кафедры
новейшей отечественной истории
Ярославского государственного
университета им. П.Г. Демидова*

Аннотация

Последние 20 лет в нашей стране повсеместно идет процесс возрождения православных храмов и монастырей, а вместе с тем возрождение древних иконописных традиций. Основную роль в данном процессе играет государственная политика и те меры и законы, которые принимаются с целью охраны православных памятников, их восстановления и дальнейшей эксплуатации. По состоянию на 2004 г. в Государственном реестре памятников истории и культуры насчитывалось более 80 тыс. объектов культурного наследия, большинство из которых нуждаются в полной и /или частичной реконструкции в первую очередь самих зданий, а затем – настенной живописи и иконостасов.

Ключевые слова:

Иконописные традиции, памятники культурного наследия, федеральные законы, законодательные акты, федеральные программы.

Минувший XX век оставил за собой на месте величайших русских святынь голые стены полуразрушенных храмов и монастырей. То, чем Россия спасалась на протяжении более тысячи лет в тяжелые годы гонений и войн, было уничтожено в одночасье. Лишь последние 20 лет в истории страны отмечены необычайным расцветом православных храмов и монастырей, возрождающихся повсеместно после 70 лет забвения. Вместе с ними возрождаются и древние иконописные традиции и школы. Основную роль в данном процессе играет государственная политика и те меры и законы, которые приняты с целью охраны православных памятников, их восстановления и дальнейшей эксплуатации.

Следует отметить, что древнерусская иконопись как отдельное направление искусства является наследием Древней Руси, нуждающемся в восстановлении и сохранении. Это памятники древнерусской культуры, демонстрирующие высокий художественный уровень мастеров. Современная иконопись – продолжение иконописных традиций древних школ – сегодня является единственной возможностью восстановить утраченное храмовое искусство.

Охрана памятников истории и культуры в современной России осуществляется на основании Конституции Российской Федерации, федерального законодательства в сфере культуры (охраны исторического наследия) и принятых в соответствии с ним нормативно-правовых актов субъектов РФ. Особую роль в защите памятников исторического наследия, расположенных на землях поселений в пределах городской черты, исполняет градостроительное законодательство, которое призвано защитить памятники истории и культуры от необратимых изменений и утрат в ходе градостроительного развития и новой застройки городских территорий.

Многие памятники истории и культуры расположены в больших и малых городах России, в которых порой происходит перепланировка старых кварталов, снос ветхих зданий, строительство новых объектов. В составе таких кварталов могут оказаться и памятники истории и культуры с их территориями и охранными зонами. Нередко при восстановлении исторических памятников игнорируются архитектурно-исторические особенности построек [1]. Появляются так называемые "новоделы". В крупных городах происходит массовое сокращение числа подлинных памятников истории и культуры путём замены их не

более или менее точные копии из современных строительных материалов, что отмечалось в докладе Правительству Российской Федерации "Архитектура России. Состояние и перспективы развития", подготовленном Российской академией архитектуры и строительных наук в 2002 г. [2]. Требования Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ о необходимости проведения по объектам культурного наследия научной реставрации с привлечением для ее выполнения специалистов-реставраторов, зачастую игнорируются, что приводит к подмене ремонтно-реставрационных работ работами по коренной реконструкции объектов культурного наследия.

Объектом исследования является традиционная храмовая живопись (иконы) верхневолжского региона как памятник культурного наследия Древней Руси. Предметом исследования являются законодательные акты в области сохранения культурного наследия России, а также программы по его сохранению и законы РФ в данной сфере. Цель исследования – изучить комплекс мер по сохранению объектов культурного наследия (в частности храмовое искусство и его традиции) с точки зрения законодательства.

Сегодня иконописная традиция проявляет устойчивую тенденцию к возрождению. По состоянию на 2004 г. в Государственном реестре памятников истории и культуры насчитывалось более 80 тыс. объектов культурного наследия. Почти половина из них – объекты федерального значения (в том числе, около более 18 тыс. объектов археологического наследия, отнесенных к этой категории историко-культурного значения ст. 4 Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ "Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации"), а остальные – регионального значения [3].

Система государственных мер в сфере охраны объектов культурного наследия была сформирована еще в 1960-х–1970-х гг. За последние 20 лет значительные экономические и социальные изменения, произошедшие в России, потребовали коренной модернизации существующей системы. В современной России политика в сфере охраны памятников культуры (в том числе храмов и их художественного убранства) последние годы характеризовалась передачей значительной части полномочий в этой области регионам. Стала активно разрабатываться идея целевого программного финансирования, которая предполагала реализацию наиболее значимых проектов в сфере культуры. Государство официально отказалось от монополии в сфере культуры и перешло к долевному участию в реализации конкретной политики [4].

Постановлением Правительства РФ от 26.06.1995 г. было утверждено Положение "Об основах хозяйственной деятельности и финансирования организаций культуры и искусства" [5]. В нем оговаривались источники поступления денежных средств и цели, на которые можно расхо-

довать средства, выделяемые бюджетом, имущественное положение учреждений культуры, порядок их создания и реорганизации.

Указом Президента России от 01.07.1996 № 1010 "О мерах по усилению государственной поддержки культуры и искусства в Российской Федерации" было учреждено 100 грантов Президента РФ для поддержки творческих проектов общенационального значения в области культуры и искусства [6]. Сегодня одна из самых значимых премий в России, является Премия Центрального Федерального округа в области литературы и искусства. В 2010 г. впервые Лауреатом Премии стала иконописная мастерская Ярославля, получившая диплом III степени за произведения церковной живописи – списки с икон Успенского собора города Ярославля [7].

Федеральный закон от 11 августа 1995 г № 135-ФЗ "О благотворительной деятельности и благотворительных организациях" рассматривал условия взаимодействия учреждений культуры и спонсоров, занимающихся благотворительной деятельностью [8]. Законодательство предусматривает право граждан создавать организации в области культуры. Это способствовало тому, что в настоящее время в России существуют не только государственные, но и частные учреждения культуры. Условия их создания, деятельности и реорганизации предусматривались Федеральным законом от 12.01.1996 № 7-ФЗ "О некоммерческих организациях". Кроме того, этот Закон предусматривал ряд льгот для организаций, действующих в сфере культуры [9].

Важным шагом на этом пути стало принятие ФЗ № 73 от 25.06.2002 г. "Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации": основной задачей в сфере культурного наследия является обеспечение сохранности объектов культурного наследия всех видов и категорий, включая осуществление их государственной охраны, сохранения, использования и популяризации в соответствии с законодательством [10]. В пункте 2 ст. 15 Федерального закона от 25 июня 2002 г № 73-ФЗ "Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации" прописано Положение о Едином государственном реестре объектов культурного наследия. Единый реестр представляет собой государственную информационную систему, включающую в себя банк данных, единство и сопоставимость которых обеспечиваются за счет общих принципов формирования, методов и формы ведения реестра [11]. Также утверждено Положение о государственном контроле в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, утверждённым постановлением Правительства РФ от 31 декабря 2009 г. № 1204 "Об утверждении Положения о государственном контроле в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов

культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации" [12].

Кроме того, в областях Верхнего Поволжья действуют следующие региональные законодательные акты, направленные на охрану объектов культурного наследия:

- ◆ Закон Ярославской области от 5 июня 2008 г. № 25-з "Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации на территории Ярославской области" [13];
- ◆ Закон Владимирской области от 6 апреля 2004 г. № 21-ОЗ "Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) Владимирской области" [14];
- ◆ Закон Костромской области от 28 сентября 2011 г. № 114-5-ЗКО "О внесении изменений в статьи 13 и 19 Закона Костромской области "Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры), расположенных на территории Костромской области" [15];
- ◆ Закон Костромской области от 28 сентября 2011 г. № 115-5-ЗКО "О внесении изменения в статью 17 Закона Костромской области "О музейном фонде Костромской области и музеях в Костромской области" [16];
- ◆ Постановление губернатора Костромской области от 04.03.2005 № 100 "О концепции областной целевой программы "Историко-культурное, природное и духовное наследие Костромской области" (до 2020 года)" [17].

Кроме законодательных актов в России получили развитие различные программы, направленные на сохранение и возрождение памятников культуры. Так в 2001 г. была принята Федеральная целевая программа "Культура России (2001–2005 годы)". Была увеличена доля федерального бюджета в финансировании значимых проектов. В нее включены комплексные целевые проекты, связанные с развитием крупных исторических и религиозных центров. Обозначены вопросы правового, научного и информационного обеспечения отрасли в целом [18].

В 2005 г. было принято постановление о создании Совета по взаимодействию с организациями творческих работников при Министерстве культуры и массовых коммуникаций РФ, которое давало возможность ведущим представителям художественной интеллигенции принимать участие в разработке государственной политики в сфере культуры [19].

В 2006–2011 гг. действовала Федеральная целевая программа "Культура России". В целях ее реализации возобновлена работа Координационного Совета по культуре, на заседаниях которого обсуждаются важнейшие вопросы отраслевого развития, региональные проблемы. В число ключевых мероприятий ФЦП "Культура России" в 2006–2011 гг. вошли Ремонтно-реставрационные работы Георгиевского собора XX в. в городе Гусь-Хрустальный (Владимирская область), Суздальский кремль, Путевой дворец в г. Твери и ряд других [20].

Кроме федеральных, разрабатывались и региональные программы развития культуры. Несомненным их плюсом является то, что они имеют возможность учитывать местную. Наиболее важные и значимые мероприятия региональных программ финансируются федеральным бюджетом. Здесь следует особо отметить празднование 1000-летия города Ярославля в 2010 г. В рамках празднования юбилея города под эгидой Российской академии художеств и Российской академии наук прошел Научно-образовательный форум "Сохранение и возрождение духовного и культурного наследия России. 1000-летию Ярославля посвящается", в рамках которого проведены научная конференция, круглые столы, открытые мастер-классы и создание монументального памятного произведения-манускрипта. Завершился проект открытием выставки современного храмового искусства "Русское возрождение" в Успенском соборе [21].

Созданная в 1965 г. Всероссийская общественная организация "Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры", стала первой неправительственной структурой в сфере сохранения наследия, объединив в своих рядах не только краеведов-любителей, но, прежде всего, специалистов: архитекторов, историков, искусствоведов, музейных и архивных работников, реставраторов, инженеров-технологов, археологов. При Центральном Совете и региональных отделениях работу по различным направлениям сохранения материального и духовного наследия ведут около 200 секций и комиссий. В 2004 г. специалистами градостроительной и реставрационной секций Центрального Совета оказывалась научно-консультативная помощь, проводилось рецензирование документации, а также подготовка экспертных заключений по проектам памятников истории и культуры, расположенных в городах верхневолжья: Ярославской, Тверской и Владимирской областях. Проводились заседания, на которых рассматривались проекты зон охраны исторических городов, ансамблей садово-паркового искусства, проекты реконструкции, реставрации [22].

В целом, рассматривая сферу охраны памятников культуры в исследуемый период, следует отметить, что учреждения культуры получили в 90-е годы XX века большую самостоятельность: была осуществлена децентрализация управления, значительная часть функций передана в ведение региональных органов власти, где управленческие решения принимаются с учетом специфики и потребностей региона. Что касается верхневолжского региона, программы и законодательные акты, принимаемые главами региональных центров, направленные на сохранение памятников культуры – в частности хра-

мовой живописи – принимаются повсеместно, но, к сожалению, ввиду недостатка финансирования их недостаточно.

Частные благотворительные Фонды в соответствии с Федеральным законом от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ "О благотворительной деятельности и благотворительных организациях" являются сегодня основной движущей финансовой силой в сфере восстановления памятников культуры. При этом, разумеется, государство оставляет за собой законодательную инициативу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Игнатова О. "Квадрат" за рубль // Российская газета. Центральный Федеральный округ. <http://www.rg.ru/2011/11/24/pamyatniki-site.html>
2. Доклад правительству российской Федерации "Архитектура России. Состояние и перспективы развития" // Национальный центр опеки наследия. <http://www.ntrust.ru/public.cms?eid=689221>
3. Объекты культурного наследия // Памятники истории и культуры народов Российской Федерации. <http://kulturnoe-nasledie.ru>
4. Доклад правительству российской Федерации "Архитектура России. Состояние и перспективы развития" // Национальный центр опеки наследия. <http://www.ntrust.ru/public.cms?eid=689221>
5. Постановлением Правительства РФ от 26.06.1995 г. положение "Об основах хозяйственной деятельности и финансирования организаций культуры и искусства" // Справочная правовая система Консультант Плюс. <http://www.consultant.ru/about/software/cons/>
6. Указом Президента России от 01.07.1996 № 1010 "О мерах по усилению государственной поддержки культуры и искусства в Российской Федерации" // Справочная правовая система (СПС) Консультант Плюс. <http://www.consultant.ru/about/software/cons/>
7. Ярославская иконописная мастерская "Ковчег" стала лауреатом Премии Центрального федерального округа в области литературы и искусства // Официальный сайт иконописной мастерской "Ковчег". <http://iconkovcheg.com/topics/99>
8. ФЗ от 11 августа 1995 г № 135-ФЗ "О благотворительной деятельности и благотворительных организациях" // СПС Консультант Плюс. <http://www.consultant.ru/about/software/cons/>
9. ФЗ от 12.01.1996 № 7-ФЗ "О некоммерческих организациях". // СПС Консультант Плюс. <http://www.consultant.ru/about/software/cons/>
10. ФЗ № 73 от 25.06.02 "Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ" // СПС Консультант Плюс. <http://www.consultant.ru/about/software/cons/>
11. Приказ от 27 февраля 2009 г. № 37 об утверждении положения о Едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации // СПС Консультант Плюс. <http://www.consultant.ru/online/base/?req=doc;base=LAW;n=87318>
12. Постановление Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2009 г. № 1204 "Об утверждении Положения о государственном контроле в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации" // СПС Консультант Плюс. <http://www.consultant.ru/about/software/cons/>
13. Закон Ярославской области от 5 июня 2008 г. № 25-з "Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации на территории Ярославской области". <http://www.regionz.ru/index.php?ds=83978>
14. Закон Владимирской области от 6 апреля 2004 г. N 21-03 "Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) Владимирской области". <http://www.regionz.ru/index.php?ds=83978>
15. Закон Костромской области от 28 сентября 2011 г. № 114-5-ЗКО "О внесении изменений в ст. 13 и 19 Закона Костромской области "Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры), расположенных на территории Костромской области". <http://www.regionz.ru/index.php?ds=83978>
16. Закон Костромской области от 28 сентября 2011 г. № 115-5-ЗКО "О внесении изменения в ст. 17 Закона Костромской области "О музейном фонде Костромской области и музеях в Костромской области". <http://www.regionz.ru/index.php?ds=83978>
17. Постановление губернатора Костромской области от 04.03.2005 № 100 "О концепции областной целевой программы "Историко-культурное, природное и духовное наследие Костромской области" (до 2020 года)". <http://www.regionz.ru/index.php?ds=83978>
18. Постановление правительства Российской Федерации от 14 декабря 2000 г. № 955 Федеральная целевая программа "Культура России (2001–2005 годы)" // СПС Консультант Плюс. <http://www.consultant.ru/online/base/?req=doc;base=LAW;n=29975>
19. Постановление от 30 июня 2004 г. № 321 об утверждении положения о министерстве здравоохранения и социального развития РФ // СПС Консультант Плюс. <http://www.consultant.ru/online/base/?req=doc;base=LAW;n=112992>
20. Постановление правительства РФ от 8 декабря 2005 г. № 740 ФЦП "Культура России (2006–2011 годы)" // СПС Консультант Плюс. <http://www.consultant.ru/online/>
21. Сайт 1000-летия города Ярославля. <http://1000letie.ru/>
22. Полякова М.А. Охрана культурного наследия России – М.: Дрофа, 2005.

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ЛЕТНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941-1945 гг.

TO HISTORY OF CREATION OF FLIGHT AND RESEARCH INSTITUTE AND SOME ASPECTS OF ITS ACTIVITY IN DAYS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR 1941-1945

T. Khaustova

Annotation

Author in article examines the questions of education and activity of Flight and Research Institute in days of the Great Patriotic War. The special attention is given to researches and Institute tests in 1941–1945, and also to a contribution which was brought by employees and pilots of Institute in the Victory over Germany.

Keywords: Great Patriotic War, history of aviation, Stakhanovo's settlement, Zhukovsky, Moscow region, Flight and Research Institute, TSAGI

Хаустова Татьяна Юрьевна
Московский государственный
гуманитарный университет
имени М.А.Шолохова

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы образования и деятельности Летно-исследовательского института в годы Великой Отечественной войны. Особое внимание уделяется исследованиям и испытаниям Института в 1941–1945 гг., а также вкладу, который внесли сотрудники и летчики ЛИИ в Победу над фашистской Германией.

Ключевые слова:

Великая Отечественная война, история авиации, поселок Стаханово, Жуковский, Московская область, Летно-исследовательский институт, ЦАГИ.

История Летно-исследовательского института неразрывно связана с историей Центрального аэрогидродинамического института. Еще в 1919 году Н.Е.Жуковский обратился во Всероссийский Совет народного хозяйства с предложением организовать в ЦАГИ* "Летный отдел".

* В 1919 году ЦАГИ еще базировался в Москве.

Такое подразделение было создано, став в итоге Отделом эксплуатации, летных испытаний и доводок (ОЭЛИД) ЦАГИ. После реорганизации подразделение, которое отвечало за разработку методов летных испытаний, за их организацию и проведение, получило название "8-й отдел", который базировался на территории, прилегающей к Центральному аэродрому в Москве. Несомненно, это было весьма удобно, поскольку конструкторы, испытатели, эксплуатационники и другой вспомогательный персонал находились в постоянном контакте друг с другом. Но близость аэродрома к городской застройке и его небольшие размеры заставила руководство страны в апреле 1935 года принять решение о постройке специального испытательного аэродрома, который бы находился за пределами Москвы, но был легко доступен.

В Постановлении Совета Труда и Оборона от 26 августа 1936 года уже были утверждены "объем и сроки строительства научно-исследовательских лабораторий и сухопутного аэродрома ЦАГИ на Раменском участке" [1, с.7] вблизи Центрального аэрогидродинамического института.

В 1939 году советское командование было весьма встревожено развернутой милитаризацией Германии. Понимая, что СССР сильно отстает от нее в плане развития авиационной промышленности, в стране было ускорено строительство новых заводов, ОКБ, разработка новых самолетов и более мощных двигателей. В то время на авиационных заводах были цеха летных испытаний, а в нескольких ОКБ – летно-доводочные подразделения. Но этого действительно было мало. Была необходимость иметь такой орган, который бы помогал промышленности в кратчайшие сроки доводить опытные объекты до серийного производства. И именно Летно-исследовательский институт "при полном развертывании своей производственной базы, лабораторий, аэродрома и при полном штате коллектива должен осуществлять эту задачу" [2].

И в 1940 году группа ведущих ученых ЦАГИ во главе с А.В.Чесаловым и летчиком-испытателем М.М.Громовым обратились к И.В. Сталину с просьбой о необходимости создания специализированного научного центра, который бы отвечал за методы летных исследований и испытаний и был в состоянии не только проводить сложные исследования, но и оказывать помощь летно-испытательным подразделениям ОКБ и т.д. Данная просьба Сталиным была удовлетворена, и 13 июня 1940 года вышло постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) об организации института летных исследований НКАП. Позже согласно этому постановлению приказом наркома авиационной промышленности А.Шахурина № 104 от 8 марта 1941 года* было утверждено "Положение об институ-

те летных исследований НКАП" и выделении институту средств, необходимых для осуществления всех возложенных на него данным положением задач от 28 марта 1941 года.

* Этот день считается Днем рождения ЛИИ.

В Постановлении Совнаркома и Положении речь идет об Институте летных исследований, аббревиатура которого обозначает ИЛИ. В русском языке слово "ИЛИ" означает: толи будет, толи нет, т.е. какую-то неопределенность. Поэтому было решено букву "Л" перенести на первое место и называть научный центр Летно-исследовательским институтом – ЛИИ. [3]

Место, выбранное для размещения научно-экспериментальной базы ЛИИ оказалось не самым удачным: с одной стороны территория института упиралась в Москва-реку, с другой – в дачный поселок Кратово, с третьей – в село Новорождественное. Еще в 1939 году здесь, в поселке Стаханово (ныне – город Жуковский), был сооружен аэродром, два ангара и взлетно-посадочная полоса, длиной около двух километров.

Как говорил А.В. Чесалов в своем обзорном докладе по работам ЛИИ на конференции Народного Комиссариата обороны в 1942 году, "...первоначально Институт представлял собою конгломерат лабораторий и отделов, выделенных из ЦАГИ, где эти лаборатории были в значительной мере в загоне, благодаря специфики их работы. Это относится к лабораториям: винто-моторной группы, вооружения и спецоборудования. В ЦАГИ они являлись в значительной мере чужеродными телами, так как не были органически связаны с основной тематикой этого Института" [2].

Первым директором Института был назначен выдающийся летчик-испытатель, Герой Советского Союза М.М. Громов*.

* Громов Михаил Михайлович (1899–1985) – сов. лётчик, генерал-полковник авиации (1944), профессор (1937), Герой Советского Союза (1934). В Советской Армии с 1918. В 1940–41 нач. ЛИИ. Во время ВОВ был командиром авиадивизии, командующим ВВС фронта, командующим Воздушными армиями. С 1944 начальник Главного управления боевой подготовки фронтовой авиации, в 1946–49 зам. командующего Дальней авиацией, затем (до 1955) на руководящей работе в МАП. Награжден 4 орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, 4 орденами Красного Знамени, орденами Суворова 2-й степ., Отечественной войны 1-й степ., 3 орденами Красной Звезды, медалями. Имя Громова присвоено Лётно-исследовательскому институту.

При нем были освобождены корпуса туберкулезного санатория от больных, где и разместились новые лаборатории ЛИИ. Из ЦАГИ в ЛИИ была переведена значительная часть сотрудников 8-го отдела и ряда других подразделений, всего около 1500 человек. ЛИИ было передано 50 единиц летной техники. Состоял институт из научных лабораторий, летной части и хозяйственных подразделений.

В составе руководства ЛИИ и его подразделений бы-

ли А.В.Чесалов, А.Б.Юмашев, М.А.Тайц, В.С. Ведров, А.П.Чернавский, Н.С. Строев, Д.И.Антонов, И.Ф.Козлов, С.И.Турецкий, Л.Л.Тартаков, Н.Т.Коробан, Д.М.Мирский, М.С.Егоров, И.В.Остославский, В.Ф.Юргенс и другие. Многие из сотрудников приезжали на работу из Москвы. Например, М.М.Громов и А.Б.Юмашев, также проживающие в Москве, до Института добирались так: прилетали из Москвы утром и возвращались вечером на самолетах Ме-108, УТ-2 или У-2.

Приближалась война. И, несмотря на то, что до войны с Германией оставалось несколько месяцев, за этот короткий срок было сделано немало для становления нового института.

Были проведены исследования факторов, определяющих хорошие пилотажные качества самолета с точки зрения летчика. Эти исследования и заложили основу отечественной авиационной эргономики (Ю.К.Станкевич). Также огромное значение имели разработка метода определения характеристик бокового движения самолета, выполненная тем же Станкевичем, и анализ устойчивости продольного движения самолета с автопилотом, проведенный В.А.Котельниковым.[1,с.10]

Таким образом, можно сказать, что рождение и формирование ЛИИ пришлось на суровые годы Великой Отечественной войны, которая в корне изменила характер работы института. Уже в начале войны около ЛИИ и рядом находящегося ЦАГИ с наступлением темноты можно было наблюдать полеты осветительных ракет и САБов – светящихся авиационных бомб. Руководство ЛИИ усилило охрану и были приняты меры "к еще большей бдительности" [4,с.281], по защите предприятия от возможных вражеских акций. Был ужесточен режим допуска на территорию.

"Однажды вечером, когда начало смеркаться, мы возвращались из Наркомата на машине. Приближаясь к институту, мы заметили, что около Москвы начали мелькать вспышки огоньков. Это был первый налёт немцев на Москву" [4,с.281], – пишет в своих воспоминаниях М.М.Громов. Тогда же в Институте из летчиков-испытателей была организована эскадрилья ночных истребителей в составе авиации ПВО Московского военного округа, возглавил которую А.Б.Юмашев*.

* Юмашев Андрей Борисович (1902–88) – советский лётчик-испытатель, генерал-майор авиации(1943), Герой Советского Союза (1937). В 1940–41 зам. начальника ЛИИ. Уч. Отечественной войны. В ходе войны был командиром авиаполка, командиром авиакорпуса, зам. командующего воздушными армиями. С 1944 начальник управления истребительной авиации Главного управления боевой подготовки ВВС, с 1946 в запасе. Юмашеву присуждена медаль де Лаво (ФАИ). Депутат ВС СССР 1937–1946 гг. Награжден 2 орденами Ленина, 5 орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1-й степени, орденом Красной Звезды, медалями.астник Великой Отечественной войны. В ходе войны был командиром авиаполка, командиром авиакорпуса, зам. командующего воздушными армиями. С 1944 начальник управления истребительной авиации Главного управления боевой подготовки ВВС, с 1946 в запасе. Юмашеву присуждена медаль де Лаво (ФАИ). Депутат ВС СССР 1937–1946 гг. Награжден 2 орденами Ленина, 5 орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1-й степени, орденом Красной Звезды, медалями.

Самолеты усиленными темпами стали приводить в боевое состояние. Помимо эскадрильи была основана рота охраны аэродрома, состоявшая из инженеров и техников ЛИИ.

В своих воспоминаниях М.М.Громов пишет, что тактика немцев была "довольно симптоматична" [4,с.281], так как налетов на ЛИИ и ЦАГИ они не совершали, а бомбили Москву. Михаил Михайлович, чувствовал, что находится не в своей тарелке, он хотел заняться чем-то другим. И однажды таковой случай ему представился: "Я услышал, что СССР может получить в США четырёхмоторные бомбардировщики "Боинг-21" – "летающие крепости" [4,с.281], – пишет Громов. По этому поводу он обратился к наркому авиационной промышленности А.И. Шахурину, а тот в свою очередь к Сталину, который дал согласие на передачу ЛИИ А.В.Чесалову*.

* Чесалов А.В. (1898–1968) – советский учёный в области аэродинамики и лётных испытаний самолётов. Генерал-майор ИАС (инженерно-авиационной службы, 1944), доктор технических наук (1959), заслуженный деятель науки и техники РСФСР (1943). Один из основателей ЛИИ. В период 1943–47 года – начальник ЛИИ. Разрабатывал методику лётных испытаний самолётов и авиадвигателей, вибраций самолёта в полёте. Обучался полётам, участвовал в лётных испытаниях и дважды был вынужден аварийно покинуть самолёт. Участник подготовки рекордных полётов М.М. Громова, В.П. Чкалова, В.С. Гризодубовой и др. В годы Великой Отечественной войны проводил работу по лётным испытаниям и совершенствованию боевых самолётов. Лауреат Государственной премии СССР (1943). Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1-й степени, Трудового Знамени и Красной Звезды.

Так М.М.Громов возглавил делегацию в Америку за самолетами, после чего перешел на работу в Министерство авиационной промышленности. Институт тогда возглавил все же полярный летчик, Герой Советского Союза В.С.Молоков, а через два года начальником ЛИИ стал Чесалов. Таким образом, Лётно-исследовательский институт "стал базой для разработки методов лётных испытаний в области аэродинамики, аэроупругости, силовых установок и бортового оборудования" [5].

В своей статье А.Д.Миронов отмечает, что "специфика деятельности ЛИИ состоит в том, что результаты его работы в значительной мере определяются составом и использованием располагаемого самолетного парка" [5]. Так, по сохранившимся журналам регистрации полетов удалось определить тот самолетный парк, которым располагал в то время Институт.

Весной, непосредственно перед войной, Институт насчитывал около 60 единиц лётной техники, которую условно можно разделить на несколько подгрупп:

- ◆ новейшие боевые самолеты (Миг-3, Як-1, Пе-2);
- ◆ самолеты предыдущего поколения (СБ, У-2, И-15, И-153);
- ◆ несколько видов немецких самолетов, закупленных у Германии в 1939 году;
- ◆ новые опытные самолеты, которые были разра-

ботаны в тех ОКБ, в которых не было возможности испытывать их самостоятельно;

- ◆ летающие лаборатории, созданные в Центральном аэрогидродинамическом институте.

Перед войной количество испытательных полетов составляло – 400–500 в месяц. Так, например, тренировочные полеты на У-2 выполнялись вплоть до 21 июня 1941 года. Из-за нападения немцев ненадолго пришлось прекратить полеты. Так, не было полетов 22, 23 и 24 июня. А уже 25 числа был совершен первый полет военного времени. Его выполнил летчик Шелест на десантном планере ДТ-2. 26 июля на самолете Пе-2 Галлаем, Мироновым и Троицким был совершен полет "по исследованию причин преждевременного срыва потока на крыле при больших углах атаки" [5]. Продолжались тренировочные работы. По сравнению с довоенным временем количество испытательных полетов увеличилось вдвое. Так Лётно-исследовательский институт работал в первые дни войны.

Но уже в июле 1941 года, по решению Государственного комитета обороны, началась эвакуация предприятия, которая несколько "выбила Институт из колеи, лишила базы, заставила людей и аппаратуру разбросать по разным заводам и филиалам" [2]. В июле 1941 года состоялся первый выезд эшелона и перелет ряда самолетов в Казань, позже в октябре–ноябре – в Новосибирск. В Стаханове остался лишь небольшой коллектив Института, члены которого, в основном, выполняли роль связных, а так же некоторые срочные работы. Так в 1941 году через руки данных сотрудников прошло около 130 самолетов.

Сотрудникам, эвакуировавшим ЛИИ, пришлось пережить очень большие трудности. Одними из активных организаторов эвакуации были П.С.Анищенков и М.А.Тайц*, начальник аэродинамической лаборатории, которым на время эвакуации пришлось приостановить все свои исследования.

* Тайц Макс Лазаревич – Несмотря на огромную загруженность, Макс Аркадьевич делал все возможное, чтобы завершить начатую им еще в ЦАГИ работу по определению лётных характеристик самолетов с поршневыми двигателями с наддувом и винтом изменяемого шага, в которой так теперь нуждалась наша промышленность. Во время войны эта работа широко использовалась при испытаниях, связанных с улучшением лётных характеристик самолетов и при их контроле с целью поддержания на необходимом уровне. Большое значение имела в те годы работа по определению влияния различных технологических и конструктивных факторов на лётные характеристики самолета. Это было вызвано тем, что большинство эвакуированных на восток страны авиационных заводов нередко работали там под открытым небом и использовали далеко не кондиционные материалы при изготовлении деталей самолета и двигателя. По инициативе и под научным руководством Тайца Николаем Сергеевичем Строевым была выполнена эта важная работа, которая потом стала его кандидатской диссертацией. В 1944 году под общим руководством Тайца было выпущено 2-е издание "Руководства для конструкторов". Деятельность М.А. Тайца во время войны была высоко оценена нашим правительством: он был награжден орденом Отечественной войны 1-ой степени, орденом Ленина и медалью "За оборону Москвы".

В Казани и Новосибирске продолжались летно-экспериментальные работы и теоретические исследования. Необходимо было поддержать на достигнутом уровне крупносерийное производство самолетов, усовершенствовать их летные и боевые качества, внедрить в производство и эксплуатацию новые улучшенные образцы самолетов. Для оперативного участия в этих работах по решению Госкомитета обороны в феврале 1942 года в поселке Стаханово создали филиал ЛИИ. А начиная с весны того же года из-за сокращений филиалов в Казани и Новосибирске ЛИИ постепенно возвращается на свою старую базу в поселок Стаханово. Основой для работы Института стал приказ Народного Комиссара, который ориентировал силы всех Научно-исследовательских Институтов на повышение боевых качеств серийных самолетов. Вся работа шла в тесном контакте с ОКБ и ЦАГИ.

В 1942 году работы велись главным образом по линии истребительной авиации. Каждый серийно выпускаемый на заводе самолет проходил сдаточные испытания. Они проводились летчиками завода и летчиками военной приемки. При таких испытаниях проверяли главным образом работоспособность самолета, двигателя, оборудования и вооружения. Частично оценивались и летные качества. При этом могли остаться незамеченными ухудшение летных характеристик самолета, вызванное различными производственными дефектами.

В связи с этим по решению Наркома авиационной промышленности были введены вначале ежемесячные, а затем и ежеквартальные выборочные контрольные испытания одного из самолетов каждого серийного завода из числа принятых "по бою" и установленных на "линейку готовности" к отправке. Проведение испытаний возлагалось на ЛИИ. Начальником института на заводы были командированы наиболее опытные ведущие инженеры. После того, как методология контрольных испытаний была разработана ЛИИ и изданы инструкции, испытания стали проводиться на заводах. За ЛИИ был сохранен контроль за их проведением. Но для проведения особо значимых испытаний к ОКБ часто прикомандировывались летчики-испытатели Института. Контрольные испытания, проводившиеся в течение всей войны, обеспечило сохранение высоких боевых качеств серийных самолетов. Такие испытания в ЛИИ прошло много типов боевых самолетов: Як-1, Як-3, МиГ-3, ЛаГГ-3, Ла-5, Ил-2, Ил-10, Пе-2, Пе-3, Ил-4, Ер-2, Ту-2 и другие. Производились исследования отечественных планеров, иностранных самолетов, получаемых по лендлизу, трофейных машин немецкого производства, опытных боевых машин (Ар-2, ТиС, ДИС и т.д.), а также большой группы десантных планеров. Особую сложность представляли испытания на больших углах атаки и в штопоре самолетов УТИ-4, ЛаГГ-3 и Пе-2.

В этих работах участвовали известные летчики-испытатели С.Н.Анохин, М.Л.Галлай, В.Л.Расторгуев, Л.И.Тарощин, В.П.Федоров, И.И.Шелест, В.Н.Юганов,

Н.В.Адамович, М.К.Байкалов, И.М.Пашковский и другие.

Самолеты, поступающие в Институт на испытания, обладали огромным количеством недостатков. Специалистам ЛИИ приходилось в кратчайшие сроки решать такие проблемы как: недобор скорости, дальности, небольшое расстояние работы радиосвязи, охлаждение двигателей, плохая работа карбюраторов и т.д. Хотелось бы отметить несколько испытаний, проведенных инженерами и испытателями института. Это в первую очередь разработка системы "холодного запуска" самолета (т.е. летчикам перед вылетом при низких температурах в зимнее время не нужно было долго прогревать двигатель), которая достигалась путем добавления определенного количества бензина в двигательное масло самолета перед его выключением. Также в 1942–1943 гг. в Институте была разработана система "подачи в бензобаки "нейтральных" (выхлопных) газов двигателей, превысившие боевую живучесть самолетов" [5]. Была снижена опасность взрыва самолетов в случае его повреждения при боевых действиях и т.д.

Таким образом, среди огромного числа работ, проведенных Летно-исследовательским институтом следует особо выделить следующие:

- ◆ весь комплекс работ по контрольным испытаниям, в ряде случаев значительно увеличивший летно-боевые свойства самолетов только за счет своевременного улучшения качества производства;
- ◆ решение вопросов о запуске холодных моторов в зимнее время;
- ◆ разработка прицельного приспособления для бомбометания, автоматически решающего задачу о выборе угла прицеливания и автоматически сбрасывающего бомбу, что приводит к большому уточнению бомбометания и сильно понижает требование к квалификации штурмана;
- ◆ комплекс работ по улучшению, упрощению и повышению надежности электро- и радиооборудования самолета, проведенных в промышленности и инструктаж по правильной эксплуатации радиооборудования в 1, 3, 6 и 15 Воздушных армиях;
- ◆ комплекс работ по устранению ряда эксплуатационных, производственных и конструктивных дефектов. [2]

Исследования проводили даже в самых неожиданных направлениях. Так, на большинстве самолетов были зафиксированы отказы бортового оборудования. Их причины были выявлены, ими оказались механические разрушения элементов проборов. П.Л.Ерухимович и И.К. Жигелев выяснили, что основной причиной поломки является то, что амортизация шасси всех самолетов была разработана в расчете на более или менее ровные бетонные взлетно-посадочные полосы, но в основном эти полосы были грунтовые, неровные. Было решено просто изменить количество жидкости, заливаемой в амортизатор, и

давление воздуха в нем, ввиду чего амортизация на самолетах стала мягче и поломки сократились.

Эксплуатация самолетов на грунтовых аэродромах также вызвала проблему быстрого выхода из строя двигателей под воздействием пыли. В итоге исследований, специалисты ЛИИ и ЦАГИ создали образцы воздушных фильтров, которые не снижали мощности двигателя в полете.

По словам А.В. Чесалова "работа по повышению эксплуатационных и летных качеств самолетов, неизбежно поднимающая вопрос о самолете, как о целостном комплексе, очень сильно сплотила Институт, как единую организацию. Вместо конгломерата отдельных лабораторий мы сейчас имеем целый единый Институт, лаборатории и отделы которого находятся в тесном деловом контакте. В значительной мере пришлось пересмотреть методику летных испытаний именно с точки зрения увязки отдельных раздробленных испытаний отдельных агрегатов и испытаний всего самолета, как комплексного целого, в котором слиты воедино: планер, мотор и оборудование" [2]. Но также Чесалов отмечал и ряд недостатков ЛИИ, которые мешали выполнению возложенных на ЛИИ задач. Он считал, что необходимо было увеличить мощность института по следующим направлениям:

- ◆ усилить основной костяк руководящих исследовательских работников и состава вспомогательных работников в 2–3 раза; расширить самолетный парк*;

* В 1942 году ряд работ был затянута или не произведен из-за нехватки материальной части, запасных моторов и частей, а еще ряд работ приходилось проводить на чужой площадке.

- ◆ расширить производственную базу, главным образом по линии квалифицированных рабочих в 8–10 раз;

- ◆ расширение производственной площади Института и рабочих зданий*;

* В 1942 году использовалось всего 30% от всей площади института, не смотря на то, что объем работ был гораздо больше.

- ◆ создание новых лабораторий для научной разработки вопросов эксплуатации.

В то время как ЛИИ был в эвакуации, аэродром обустроивался. В 1941 году на аэродроме ЛИИ были установлены кинотеодолиты Kth-41 фирмы "Аскания" и создана первая в стране кинотеодолитная база для определения взлетно-посадочных характеристик самолетов и определения аэродинамических погрешностей измерителей скорости и высоты полета. Средства СОН-3, СОН-4 и Kth-41 были опробованы на первом полигоне под Ташкентом в 1944–1945 гг., который был создан для летных испытаний крылатой ракеты генерального конструктора В.М. Челомея, сбрасываемой с самолета ТБ-3. У истоков этих работ стояли сотрудники ЛИИ.

Однако уже в октябре 1941 года жизнь в поселке за-

метно оживилась. Аэродром ЛИИ заняли части авиации дальнего действия генералов В.А. Лебедева и Г.С. Счетчикова. Службы аэродрома обеспечивали работу этого боевого соединения. В ангарах и подсобных помещениях разместили авиационно-ремонтные мастерские, в которых производили ремонт боевых самолетов авиационных войсковых частей. В связи с этим немцы предпринимали попытки вывести аэродром из строя, путем сброса фугасных и зажигательных бомб. Но, как правило, серьезных последствий эти попытки не имели.

А после полного возвращения ЛИИ из эвакуации в 1943 году к его работе прибавляется решение комплекса вопросов, связанных с освоением больших высот полета. Аэродром стал работать с колоссальной нагрузкой.

Ученым и летчикам, работающим в Институте, нередко приходилось выполнять различные задания высшего командования. Например, в ноябре 1944 года стало известно, что в Ровенской области на одном из аэродромов приземлился немецкий летчик на новом истребителе с двигателем воздушного охлаждения. Наше командование теперь отслеживало за появлением на фронте новых образцов военной техники противника. Туда тут же была отправлена делегация авиационных специалистов, которой и было поручено разобраться с этим самолетом. От ЛИИ были отправлены М.А. Тайц, А.В. Чесалов, В.Я. Молочаев и летчик-испытатель С.Ф. Машковский. После допроса немецкого летчика и осмотра самолета было установлено, что это новый тяжелый истребитель "Фоке-Вульф-А-9", который предназначался для борьбы с английскими бомбардировщиками и по своим характеристикам уступал нашему новому истребителю "Ла-5ФН".

Как только наша делегация покинула аэродром, на следующий день по нему бендеровцами, которые узнали о пребывании там представителей из Москвы, был нанесен удар. Но они опоздали ровно на один день. Нашим специалистам хватило времени на определение характеристик этого истребителя и рекомендаций по методам борьбы с ним.

Так же, нельзя не отметить, что одним из направлений деятельности Летно-исследовательского института были испытания и доводка боевых самолетов, поступающих на вооружение Соединенных Штатов Америки и Великобритании. Были исследованы такие самолеты как: истребители Аэрообра, Таннерболт, Мустанг, Харрикейн, бомбардировщики Москито, Бостон, Либереитор, Стирлинг.

Итак, за годы войны в Летно-исследовательском институте в поселке Стаханово было испытано и исследовано более 500 боевых самолетов и десантных планеров, разработаны методические рекомендации по проведению испытаний для серийных заводов и ОКБ. Что касается летно-испытательной деятельности, то она продолжалась и в последние дни войны; можно отметить, что 7 марта было произведено 20 испытательных полетов, а 4

мая – 9. Последний испытательный полет военного времени был произведен Гринчиком 6 мая 1945 года на самолете Ла-7.

Весть о полной капитуляции фашистской Германии пришла в поселок в 2 часа ночи 9 мая 1945 года. Началось постепенное возвращение к мирной жизни. После окончания Великой Отечественной войны важнейшей задачей всей авиационной промышленности стало создание реактивной авиации. Летные испытания первых отечественных реактивных истребителей, создавались в конце 40 – начале 50-х годов в ОКБ А.И. Микояна, С.А. Лавочкина, А.С. Яковлева, проводились на летно-испытательных станциях в тесном взаимодействии с учеными, инженерами и летчиками ЛИИ. Хотя, интересно отметить, что работы по реактивной авиации начались еще до окончания войны. Например, 22 апреля 1945 года в ЛИИ была сформирована лаборатория реактивной техники, которую возглавил Тайц.

Работа коллектива Института в годы Великой Отечественной войны и его отдельных сотрудников многократно отмечалась приказами Наркома и указами Президиума Верховного Совета. Наиболее крупные награждения были в апреле и в августе 1944 года. Апрельских наград были удостоены летчики-испытатели Адамович Н.В.,

Галлай М.Л., Гимпель Е.Н., Ефимов А.А., Кудрин Б.Н., Савельев Д.И., Тарощин Л.И., Тютюрев А.М., инженеры Калачев Г.С., Коробан Т.Н., Руднев В.Е., Павлов А.В. и другие; а в августе были награждены такие ученые и специалисты по эксплуатации самолетов, как Деренковский А.С., Егоров М.С., Косточкин В.В., Орлов П.П., Пилюгин Н.А., Прокофьев П.П., Сагинов В.Н., Строев Н.С., Сувилов Н.П., Тартаков Л.Л. и Филизон Н.П. Были удостоены правительственных наград 40 специалистов Института, среди которых Тайц М.А., Ведров В.С., Карпович Д.И., Котельников В.А., Панкратов В.С., Поярков Г.И., Герасимов М.И., Молочаев В.Я., Уткин В.В., Остославский И.В., Чесалов А.В., Знаменский С.И., Лимар П.С., Лапин А.А. и другие. Наградами удостоены так же летчики-испытатели Гринчик, Шиянов, Галлай, Рыбко, Анохин.

А 16 сентября 1945 года указом Президиума Верховного совета СССР награды удостоен был весь коллектив. Летно-исследовательский институт был награжден за образцовое выполнение заданий правительства по испытанию боевых самолетов орденом Красного Знамени, которым в то время награждали исключительно участников боев или боевые соединения. Вот так, по достоинству был оценен вклад Летно-исследовательского института в дело Победы над злейшим врагом, фашистской Германией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Летно-исследовательский институт. События. Люди / Коллектив авторов. – М.: Машиностроение, 2001.
2. Обзорный доклад А.В. Чесалова по работам ЛИИ на конференции Народного Комиссариата Авиационной промышленности, 1942 г. // Музей Авиационной славы МОУ Гимназии №1 им. Заслуженного летчика-испытателя, Героя Советского Союза Э.П.Княгиничева, г.Жуковский Московской области.
3. Шогин Ю.М. Легендарный советский летчик, стоявший у истоков создания ЛИИ// На земле и в небе. Авт. Громов М.М.; М., 1999 год.
4. Громов М.М. На земле и в небе. –М.: "Гласность-АС", 2005.
5. Миронов А.Д. Летно-исследовательский институт имени М.М.Громова в годы Великой Отечественной войны // Единство фронта и тыла в Великой Отечественной войне (1941–1945). Материалы Всероссийской научно-практической конференции 21–22 апреля 2005 г., Москва, изд-во Академия, 2007 год.

© Т.Ю. Хаустова, (tu.zatravkina@gmail.com), Журнал «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики»,

ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОРПУСА МИРОВЫХ СУДЕЙ В ПРОЦЕССЕ РАЗРАБОТКИ СУДЕБНЫХ УСТАВОВ

(1861-1864 гг.)

PROBLEMS OF FORMING THE CORPS OF MAGISTRATES IN THE PROCESS OF COURT STATUTES' DEVELOPMENT (1861-1864)

*J. Shchedrina***Annotation**

Evolution of ideas about the procedure of forming the corps of magistrates in the view of the court reform of 1864 is analyzed. The author demonstrates the influence of the reform developers' views about magistrates on the peculiarities of building the institute of magistrates. Governmental discussions about election of magistrates and their terms of office are considered in the article.

Keywords: magistrates, court statutes, court reform, State Council, election of judges, independence of judges, property qualification.

Щедрина Юлия Владимировна
Доцент кафедры
государственного права
Регионального открытого
социального института, г. Курск

Аннотация

В статье анализируется эволюция взглядов на процедуру формирования мирового судейского корпуса в ходе подготовки судебной реформы 1864 г. Показывается, что на специфику формирования мирового института оказало существенное воздействие понимание авторами судебной реформы специфика мирового института. Рассматриваются дискуссии в правительственных кругах по вопросу о процедуре избрания мировых судей и сроке их полномочий.

Ключевые слова:

Мировые судьи, судебные уставы, судебная реформа, Государственный совет, выборность судей, независимость судей, имущественный ценз.

С 1861 г. начался новый этап в развитии основных положений судебной реформы. Разработка проектов о судостроительстве и судопроизводстве была передана из Второго отделения с.е.и.в. канцелярии в специально созданную комиссию. В неё вошли крупнейшие юристы: А.П. Плавский, обер-прокурор общего собрания московских департаментов Н.А. Буцковский, и.д. статс-секретарей Н.И. Стояновский и С.И. Зарудный, помощники статс-секретаря П.А. Даневский и Д.П. Шубин, обер-секретарь К.П. Победоносцев, московский губернский прокурор Д.А. Ровинский и экспедитор государственной канцелярии А.П. Виллинбахов[3, с.57].

Одной из задач на протяжении всей работы над судебными уставами законодатель ставил создание независимого суда. К числу важнейших гарантий его обеспечения относился порядок формирования судейского корпуса. Именно поэтому комиссия предпочла пожизненное назначение судей выбору, поскольку выборы связаны с сословными преимуществами, а также с зависимостью "судей от избирателей"[7, с.307]. Исключение было сделано только для мировых судей ввиду специфики этого института. Действительно, мировой судья рассматривался авторами реформы не как судья-профессионал, а как арбитр, примиряющий стороны. Лишь при невозможности достижения примирения, мировой судья должен был разбирать дело по существу. Для того, чтобы судья пользовался авторитетом в пределах территории, на которую распространялась его юрисдикция, предполагалось избирать судей на три года из числа местных жителей. Тем самым, не без иронии отмечал известный юрист Н.Н. По-

лянский, правительство освобождалось "от практически для него трудно осуществимой задачи – сделать хороший выбор судей для замещения большого числа вакансий"[17, с.177].

Все предложения комиссии были изложены в особых записках: 1) об основных началах гражданского судопроизводства; 2) об основных началах уголовного судопроизводства; 3) об основных началах судостроительства; 4) об особых родах уголовного судопроизводства, 5) о переходных мерах от существующего ныне судебного порядка; 6) о числе и штатах новых судебных учреждений. Высочайшим повелением 9 апреля 1862 г. эти записки были переданы на рассмотрение соединённых департаментов законов и гражданского Государственного совета в усиленном составе[3, с.57].

В целом, соединённые департаменты разделили точку зрения комиссии о необходимости введения как принципа назначения судей, так и их выборности. Однако если вопрос о назначении судей практически не вызвал споров, то проблема законодательного закрепления принципа выборности стала причиной разногласий среди присутствующих.

Так, В.Н. Панин предлагал не избирать мировых судей на местах на определенный срок, а назначать лиц, юридически образованных[14, с.119]. Но позиция министра юстиции не встретила поддержки в соединённых департаментах.

Признавая выборы наиболее оптимальным способом формирования мирового судейского корпуса, соединённые департаменты, вслед за комиссией, не могли не при-

знать: следствием краткости, или "срочности" пребывания мирового судьи в должности станет зависимость судьи от избирателей[7,с.308]. Вот почему отдельные сторонники выборного института предлагали избирать мировых судей на неопределенный срок[7,с.308].

Проект Основных положений преобразований судебной части (далее – Основные положения), принятый в соединенных департаментах, был передан в Общее собрание Государственного совета. На заседании 27 августа 1862 г., посвященном рассмотрению начал гражданского судопроизводства, вопрос о формировании мировой юстиции затрагивался вновь. Министр внутренних дел П.А.Валуев предлагал избирать исключительно участковых мировых судей, а почётных назначать от правительства; министр юстиции В.Н. Панин заявил, что в случае назначения мировых судей "невозможно людей набрать", поэтому условия формирования "мировых судей почётных и участковых должны быть выборные"[14,с.124]. Князь П.П.Гагарин поддержал идею о бессрочности для выборных мировых судей.

4 сентября 1862 г. состоялось экстренное заседание Государственного совета для рассмотрения основных начал судопроизводства[6,с.188]. Среди прочих вопросов обсуждали и проблему выборности мирового суда. Жесткую критику вызвала идея бессрочности полномочий мировых судей. К.В. Чевкин заявил, что в случае, когда "мировой судья б(удет) враждебен провинциям", его нельзя сместить, что приведет к нежелательным последствиям. Князь П.П. Гагарин и М. Корф отметили, что "мировые судьи д(олжны) б(ыть) доверенные от местных жителей и потому... выборные и срочные"[14,с.127].

Итоговое решение было принято единогласно: признать, что ввиду новизны мирового института, на первое время "было бы неудобно" вводить бессрочность пребывания мировых судей в должности, и установить, что срок их полномочий должен равняться трем годам[8,с.183].

Основные положения были подписаны императором 29 сентября 1862 г. [2]. В ст.2 давался перечень судебных органов (должностных лиц), учреждаемых новыми законами: мировые судьи и их съезды, окружные суды, судебные палаты и правительствующий сенат.

Вопросы формирования корпуса мировых судей регулировали ст.ст.13–15 Основных положений.

Мировые судьи избирались на три года "всеми условиями в совокупности" с последующим утверждением первым департаментом сената. Ст.14 устанавливала перечень цензов, которым должен соответствовать кандидат: возрастной, имущественный, нравственный, образовательный (как альтернатива ему – служебный). Список кандидатов, после проверки губернатором, предоставлялся избирателям, "которые, по указанному порядку, избирают из него, для каждого участка, могущих быть мировыми судьями".

Таким образом, в акте 1862 г. закладывались лишь основы построения будущего судопроизводства и судопроизводства, в том числе, формирования корпуса мировых судей, которые предполагалось развить в последующих уставах и положениях.

3 октября 1862 г. Основные положения были опубликованы в печати. За рубежом инициативу российского правительства встретили с воодушевлением. "Известие об обнаружении этой реформы, – писала газета "Independence Belge", – быстро распространилось, и с таким восторгом было встречено публикой, какого со времени эманципации не случалось еще видеть"[16,с.677].

С мест стали поступать предложения об изменении или дополнении отдельных начал будущего судопроизводства и судопроизводства. В части формирования мирового судейского корпуса наибольшие возражения и сомнения вызвал пункт о введении имущественного ценза для мировых судей. Главные опасения респондентов заключались в том, что в губерниях может не оказаться достаточного числа лиц, обладающих требуемым цензом[10,с.30]. Уездный стряпчий Тамбовской губернии Зыков предлагал в случае отсутствия имущественного ценза распространить право избрания на лиц, "пользующихся по службе и другим добросовестным деяниям общественным уважением и доверием"[12,с.42].

Предлагалось установить ценз оседлости в полном его объеме, когда кандидату следовало владеть в местности, где он будет избираться, собственностью не менее одного года – или проживать там не менее трех лет[11,с.74].

Некоторое недоумение вызывало отсутствие требования обязательного имущественного ценза. "Занимающийся при делах Киевской уголовной палаты" Янович удивлялся: "У нас нужно держать экзамен и в булочники, и в сапожники, и в портные, в судьи же, произносящие приговоры о нашей жизни, чести, об имуществе – могут быть назначены все, без разбора"[9,с.59–60].

Эти и все прочие замечания хотя и учитывались законодателем, но не оказали существенного влияния на судебные уставы.

Одновременно с подписанием Основных положений Александр II утвердил предположения Государственного совета о порядке составления законоположений судебной реформы вообще и об учреждении для этого при Государственной канцелярии особой комиссии под непосредственным ведением государственного секретаря. Судебные уставы следовало разработать до 15 января 1863 г. для дальнейшей передачи их во Второе отделение с.е.и.в. канцелярии и министру юстиции. Главному управляющему Вторым отделением и министру юстиции указывалось предоставить свои замечания в шестинедельный срок для того, чтобы Государственный совет мог приступить к их рассмотрению[4,л.1–1об].

В состав комиссии вошли авторы "Основных положений"; также, по словам Д.П. Шубина, "были привлечены все лучшие силы почти из всех ведомств, преимущественного судебного и со всех концов России. Кроме постоянных членов в трудах и совещаниях принимали участие и лица посторонние по разным специальностям, начиная от профессоров университета и кончая полицейскими чинами. Споров всюду было множество"[5,с.140].

Предметом острых дискуссии в части формирования мирового судейского корпуса стали следующие пробле-

мы:

1. Установление цензов для кандидатов на должность мировых судей. Основное место в этом вопросе занял спор о размере имущественного ценза. Необходимость его введения, по мнению авторов судебной реформы, заключалась прежде всего в том, чтобы обеспечить материальную независимость мировых судей, так как их жалование будет на порядок меньше годового оклада коронных судей. Первоначально планировалось установить доход в 100 руб.

Против законодательного закрепления этой суммы выступили восемь членов комиссии, в числе которых были Н.А. Буцковский и Д.А. Ровинский. Основным их аргумент сводился к тому, что определяемый проектом доход в 100 руб., равный доходу зажиточного крестьянина, мог бы считаться вполне приемлемым, если бы речь шла о выборах в органы крестьянского самоуправления. Для мировых же судей установление ценза в 100 руб. равносильно фактическому его уничтожению [15, с.9].

Авторы предлагали установить имущественный ценз не ниже, а возможно даже и выше, чем для мировых посредников, "потому что должность судей... "выше и полезнее должности нынешнего мирового посредника"". Поэтому рекомендовалось избирать в мировые судьи лиц, владеющих недвижимой собственностью, приносящей доход не менее 500 руб. (отметим, что именно на сумме в 500 руб. настаивали члены Государственного Совета [7, с.310], однако в окончательный вариант Основных положений, опубликованный в прессе, эта цифра не вошла; норма ст. 14 предписывала кандидатам владеть, "хотя бы и в разных местах, недвижимой собственностью, приносящей чистый годовой доход в размере, законом определенным").

Однако двадцать членов комиссии: С.И. Зарудный, М.Е. Ковалевский, А.П. Виллинбахов и др. сочли это требование неприемлемым, так как число лиц, владеющих указанным цензом, по всей России чрезвычайно мало, что неминуемо вызовет кадровый кризис. Кроме того, доход в сумме в 500 руб. при возрастающей дороговизне жизни не может служить действенной гарантией обеспечения независимости судей. В связи с этим большинство настояло на том, чтобы цифру дохода в 100 р. с недвижимого имущества не увеличивать [15, с.13].

2. Срок полномочий мировых судей. Особое мнение по данному вопросу высказали Д.А. Ровинский, С.И. Зарудный, М.Е. Ковалевский и другие (всего 8 человек). В основу их мнения была положена идея о возвышении должности мирового судьи, придания ей материальной и нравственной независимости. Именно для достижения последней и предлагалось отказаться от периодического избрания мировых судей. "Люди, довольные действиями служащего, у нас редко выступают на его защиту; недовольные, напротив, составляют партии, будут подбивать избирателей, – говорилось в особом мнении, – и хороший человек, привыкший к месту и делу, благодаря двум-трем лишним шарам, должен будет уступить место другому, что будет особо вредно в столицах, где большое содержание

неминуемо поведет к многочисленным искательствам" [13, с.33].

Для обеспечения действительной независимости судей авторы предлагали предоставить Первому Департаменту Сената в конце каждого трехлетия проверять утверждавшая императором список судей, выбранными всеми сословиями и составлять, при тщательной проверке имеющихся сведений, новый, чтобы для замещения оставшихся свободными вакансий производились новые выборы в установленном законом порядке [13, с.33].

Однако большинство членов комиссии выступили против этой идеи. По их мнению, если общество наделяется правом избирать мировых судей, то нет никаких оснований лишать его право контроля над мировым судейским корпусом. В случае, если общество "ошиблось в своем выборе", а избранное лицо "не оправдало оказанного к нему доверия", общество должно иметь право "избавиться от судьи, к которому оно потеряли всякое доверие и уважение" [15, с.18].

3. Порядок избрания мировых судей. Следуя основному принципу формирования мирового судейского корпуса: избрания судей всеми сословиями, выборы планировалось передать в земские собрания. Однако семь членов комиссии настаивали на организации для этой цели особых собраний избирателей в каждом избирательном участке. Земские же собрания, как создаваемые "для заведывания делами, относящимися к местным нуждам и пользам", будут состоять преимущественно из "местных собственников и капиталистов", что исключает всеобщность при проведении выборов мировых судей [15, с.283].

Двадцать один член комиссии раскритиковали предложенный порядок. В таком случае, отмечали они, неясно, как избирать почетных мировых судей, юрисдикция которых гораздо шире пределов мирового участка. Кроме того, учреждение на территории губернии многочисленных собраний – наряду с земскими ещё и для избрания мировых судей – окажется крайне невыгодным "в хозяйственном отношении" [15, с.290].

Итогом дискуссии стало окончательное решение передать выборы мировых судей в земские собрания.

Проекты судебных уставов рассматривались в Государственном совете в мае-июле 1864 г. В ходе заседания было решено увеличить имущественный ценз, на чём особенно настаивал министр внутренних дел, П.А. Валуев. По его мнению, ценз в 100 р. для кандидатов в мировые судьи слишком низок и не соответствует высокому имущественному цензу для избрания гласных в земские учреждения [14, с.105]. В окончательном варианте судебных уставов приводились следующие цифры. Кандидаты, их родители или жены должны были владеть или посторонством земли, вдвое больше того, которое определено для избрания гласных в земские собрания, или другим недвижимым имуществом не ниже 15 тысяч, а в городах – недвижимой собственностью, определенной при взимании налога: в столицах не менее 6 тысяч, в прочих городах – не менее 3 тысяч (ст. 19 Учреждения судебных уста-

новлений]. По мнению И. Г. Шарковой, подобная разница объяснялась желанием правительства "увеличить и укрепить малочисленный в то время городской класс"[19,с.80].

Вполне обоснованное опасение вызвала в Государственном совете периодичность избрания мировых судей. Собравшиеся не могли не признать: в результате борьбы партий в земском собрании, могут оказаться не переизбраны люди, достойные занять должность мирового судьи и уже имеющие соответствующий опыт. Но норма о выборах судей раз в три года всё же вошла в Судебные уставы. При этом Государственный совет предоставил министру юстиции право пересмотра срока, на который будут избираться мировые судьи. В случае, если министр найдёт целесообразным его увеличение, соответствующее предложение должно быть внесено в Государственный совет до окончания первого трёхлетия избрания мировых судей[18,с.47].

20 ноября 1864 г. Судебные уставы были подписаны Александром II. Они включали в себя четыре акта: "Учреждение судебных установлений", "Устав уголовного су-

допроизводства", "Устав гражданского судопроизводства" и "Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями". Вопросы формирования мирового судейского корпуса регулировала гл. II "Учреждения судебных установлений"[31].

Таким образом, в 1861–1864 гг. в ходе длительных дискуссий была окончательно сформирована та модель мировой юстиции, которая, с некоторыми изменениями в отдельных губерниях ввиду специфики их социально-экономического или национального положения, просуществовала в России вплоть до 1889 г. Выборный и всеобщий мировой суд, безусловно, должен был стать прогрессивным элементом в судебной системе. Однако, отсутствие обязательного образовательного ценза и требование ценза имущественного приводило на практике в отдельных случаях к формированию малопригодного для осуществления юридической деятельности судейского корпуса, а краткий срок службы в ряде губерний фактически уничтожал основной принцип судебной реформы: создание независимого суда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Высочайше утверждённое Учреждение судебных установлений от 20 ноября 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ РИ). Собр. 2-е. Т. XXXIX. № 41475.
2. Высочайше учрежденные основные положения преобразования судебной части в России // ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXXVII. № 38761.
3. Гессен И. В. Судебная реформа. СПб., 1905.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 728. Оп. 2. Д. 2699.
5. Джаншиев С.И. Зарудный и судебная реформа. М., 1889.
6. Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел: в 2 т. Т. I. 1861–1864. М., 1961.
7. Журнал соединенных департаментов законов и гражданский дел Государственного совета о преобразовании судебной части в России. СПб., 1862.
8. Журналы общего собрания Государственного совета о преобразовании судебной части в России. СПб., 1862.
9. Замечания занимающегося при делах Киевской уголовной палаты Яновича // Замечания о развитии Основных положений преобразования судебной части в России. Ч. 4. Санкт–Петербург, 1863.
10. Замечания исправляющего должность председателя Архангельской судебной палаты статского советника Макаренко // Замечания о развитии Основных положений преобразования судебной части в России. Ч. 4. Санкт–Петербург, 1863.
11. Замечания Смоленской губернии Поречского уездного судьи Троицкого // Замечания о развитии Основных положений преобразования судебной части в России. Ч. 4. Санкт–Петербург, 1863.
12. Замечания Тамбовской губернии Козловского уездного стряпчего коллежского асессора Зыкова // Замечания о развитии Основных положений преобразования судебной части в России. Ч. 4. Санкт–Петербург, 1863.
13. Кони А. Ф. Отцы и дети судебной реформы. (к пятидесятилетию Судебных уставов). М., 1914.
14. Коротких М. Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 г. в России. Воронеж, 1989. 15. Объяснительная записка к проекту Учреждения судебных мест. СПб., 1863.
16. Отзывы иностранных газет о судебной реформе в России // Журнал министерства юстиции. 1862. Т. XIV.
17. Полянский Н. Мировой суд // Судебная реформа / Под ред. Н.В. Давыдова и Н.Н. Полянского. М., 1915.
18. Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. III. СПб., 1867.
19. Шаркова И. Г. Мировой судья в дореволюционной России // Государство и право. 1998. № 9.

ОСОБЕННОСТИ СПОРТИВНОГО ВОСПИТАНИЯ В УСЛОВИЯХ ДЮСШ

FEATURES OF SPORTS EDUCATION IN A SPORTS SCHOOL

E. Maksachuk

Annotation

Educational process of addition, multifaceted and requires a systematic approach to implementation. Therefore, coaches who use one-sided approach to the education of the individual athlete, committed an error, which is sometimes very difficult to recover. Of great importance for the implementation of the educational function of school is the development of the educational system, which has a rather complicated structure, which includes objectives, activities which ensure their implementation, and management of the environment.

Keywords: educational process, moral values, humanistic outlook.

Максачук Екатерина Павловна

К.пед.н., Московская государственная академия физической культуры и спорта, Московская область, Люберецкий район

Аннотация

Воспитательный процесс сложен, многогранен и требует системного подхода в реализации. Поэтому тренеры, которые используют односторонний подход в воспитании личности спортсмена, совершают ошибку, которую иногда бывает очень сложно исправить. Большое значение для реализации воспитательной функции учебного заведения имеет развитие воспитательной системы, имеющей достаточно сложную структуру, включающую в себя цели, деятельность которой обеспечивает их реализацию, среду системы и управление.

Ключевые слова:

Воспитательный процесс, моральные ценности, гуманистическое мировоззрение.

Воспитательный процесс в условиях ДЮСШ рассматривается как целостная динамическая система, системообразующим фактором которой является цель развития личности воспитуемого, реализуемая во взаимодействии педагога (тренера) и ученика (юного спортсмена).

Конечно, основная цель в занятиях спортом – высокий спортивный результат, но необходимо понимать, что без комплексного подхода к спортивному воспитанию систематических побед быть не может. Упрощенное, одностороннее изучение юных спортсменов и условий, в которых происходит процесс их становления и развития, порождает предубеждения и заблуждения, оказывающие значительное влияние на направленность учебно-тренировочного процесса. Поэтому следует рассмотреть некоторые компоненты спортивного воспитания.

Воспитание необходимо рассматривать как стимулирование активности формируемой личности спортсмена в организуемой деятельности. Данное положение обуславливается тем, что эффективное развитие и формирование личности происходит только при условии, если она проявляет высокую активность в организуемой деятельности. Потребность как понятие означает психологическое переживание человеком нужды в том, чего ему недостает. Недостаток знаний или опыта для решения возникшей проблемы в той или иной сфере практической деятельности вызывает у развивающейся личности стремление (потребность) в учении, выработке необходимых умений и навыков. Большой движущей силой активности и развития человека является интерес. Интерес –

это окрашенная положительными эмоциями и прошедшая стадию мотивации потребность, придающая человеческой деятельности увлекательный характер [2]. Стимулирующая роль интереса с психологической точки зрения заключается в том, что основанная на нем деятельность и достигаемые при этом результаты вызывают у субъекта чувство радости, эмоциональный подъем и удовлетворение, что и побуждает его к проявлению активности.

Воспитательная работа тренера по формированию нравственной культуры учащихся ДЮСШ составляет одну из задач учебно-тренировочного процесса. Моральные нормы, принципы, категории, идеалы принимаются людьми, принадлежащими к определенной социальной группе, и выступают как форма общественного нравственного сознания.

Вместе с тем мораль – это не только форма общественного сознания, но и форма индивидуального нравственного сознания, так как человеку присущи свои особенности духовного склада, самобытные представления, чувства, переживания. Эти личные проявления имеют элемент общественного сознания. Усвоенные и принятые личностью нравственные нормы, принципы, категории, идеалы в то же время выражают определенные отношения к другим людям, к себе, к своему труду, к природе. Уровень нравственного сознания личности определяет ее поведение и деятельность.

Формирование моральных ценностей по отношению к другим людям предполагает воспитание гуманности, взаимного уважения между людьми, товарищеской вза-

имопомощи и требовательности, коллективизма [1].

Моральные ценности по отношению к себе представляют осознание собственного достоинства, чувства общественного долга, дисциплинированности, честности и правдивости, простоты и скромности, нетерпимости к несправедливости. Отношение к своему труду, коим является спортивная деятельность, проявляется в добросовестном, ответственном исполнении своих обязанностей, развитии творческих начал, признании важности своего дела и результатов труда других людей.

Гуманистическое мировоззрение как обобщенная система взглядов, убеждений, идеалов, в которой спортсмен выражает свое отношение к социальной среде, строится вокруг одного центра – человека. Если гуманизм – это основа системы определенных взглядов на мир, то именно человек оказывается системообразующим фактором, ядром гуманистического мировоззрения. При этом его отношение содержит не только оценку мира как объективной реальности, но и оценку своего места в окружающей действительности, связей с другими людьми. Следовательно, в гуманистическом мировоззрении находят свое выражение многообразные отношения к человеку, к обществу, к духовным ценностям, к деятельности, составляющие содержание гуманистической сущности личности.

Создание условий для формирования спортсмена, гармонически сочетающего в себе духовное богатство, моральную ценности и физическое совершенство, является одной из актуальных проблем. В воспитательной работе тренера должно быть не только разъяснение определенных норм, но и создание условий, в которых бы дети могли проверить свои взгляды, убедиться на опыте в их правильности.

Важным условием воспитания гуманности является организация коллективной деятельности, особенно таких ее видов, где юные спортсмены поставлены в ситуации непосредственного проявления в оказании помощи и поддержки друг другу [3]. Такие ситуации могут непосредственно возникать в процессе совместной деятельности, а могут быть специально предусмотрены педагогом.

Условиями реализации гуманистических ценностей являются:

- ◆ добровольность включения ребенка в спортивную деятельность;
- ◆ оптимистическая стратегия в определении воспитательных задач;
- ◆ предупреждение негативных последствий в процессе педагогического воздействия;
- ◆ учет интересов спортсменов, их индивидуальных вкусов, предпочтений, побуждение новых интересов.

Поэтому необходимо оптимизировать спортивное воспитание, определить разумную достаточность физических нагрузок в организации педагогических воздействий, строго сбалансированных с индивидуальными способностями, мотивацией и уровнем спортивных притязаний занимающихся. Целесообразно учитывать соблюдение этико-гуманистических положений при определении индивидуальных физических нагрузок, возможности использования спортивных или оздоровительных методик в соответствии с целями, поставленными самим занимающимся, с учетом потребностей и мотивов, приведших его к занятиям спортом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Визитей Н.Н. Спорт и эстетическая деятельность / отв. ред. В.Я. Кречиков – Кишинев: Штиинца, 1982.–183 с.
2. Сулов Ф.П. Детско-юношеский спорт // Физическая культура. Детский тренер.– №3, 2008.
3. Кофман Л.Б. Педагогические принципы и модели организации физкультурно-спортивной деятельности и молодежи: Дис. ... д-ра пед. наук в виде научного доклада. – М. – 1997. – 71 с

© Е.П. Максачук, [Kate-Maksachuk@yandex.ru], Журнал «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики».

РОЛЬ МАТЕРИ В ВОСПИТАНИИ СЫНА

THE ROLE OF MOTHER IN EDUCATION OF THE SON

V. Strilchuk

Annotation

The article contains a functional analysis of "mother – son" relations. The author of the article has attempted to describe the mother`s positions of education in order to reveal the inner potential of a "mother-son" relations as one of the means of forming a child's social experience. In this article are considered both positive and negative sides of various educational positions of mother.

Keywords: Education, masculinity, the positions of education, "mother-son" relations, disorders of attachment.

Стрильчук Вероника Петровна
Балтийский Федеральный
университет им.Канта,
г. Калининград

Аннотация

Статья содержит функциональный анализ отношений "мать – сын". Автором статьи сделана попытка описать воспитательные позиции матери с целью выявления внутреннего потенциала отношений "мать – сын" в качестве одного из средств формирования социального опыта ребенка. В этой статье рассмотрены как позитивные, так и негативные стороны различных воспитательных позиций матери.

Ключевые слова:

Воспитание, маскулинность, позиции воспитания, отношения "мать – сын", расстройства привязанности.

Материнская любовь к растущему ребенку, любовь, которая ничего не желает для себя, – это, возможно, наиболее трудная форма любви из всех достижимых и наиболее обманчивая из-за легкости, с которой мать любит свое дитя в младенчестве. [4]

Процесс воспитания ребенка начинает формироваться еще до его рождения. Пренатальное УЗИ сегодня позволяет выявить пол плода, которое будет наиболее достоверным во втором семестре беременности. Семьи, которые узнали про биологический пол ребенка, часто используют эту информацию для планирования определенных эмоциональных реакций. Гендерно обусловленные имена, одежда, игрушки, и даже ожидания от ребенка могут различаться в зависимости от ожидаемого пола. Таким образом, формируется идея предпочтения ребенка еще до того, как ребенок появился. Безусловно, все родители хотят, чтобы их ребенок рос здоровым, счастливым, а если ребенок – мальчик, то к тому же сильным и смелым. Иногда все усилия, направленные на воспитание этих качеств, дают совершенно противоположный результат: ребенок растет неуверенным в себе, избегает новых социальных контактов, боится трудностей. Большинство исследований, посвященных воспитанию мальчиков, рассматривает мать лишь в контексте воспитания ребенка максимум до 6-ти лет, после чего основным примером для подражания становится отец, на плечи которого переключается воспитание из мальчика мужчины. Считается, что лучшая женская позиция при воспитании из мальчика – мужчины – это поддержка позиции отца и его подхода к воспитанию (естественно, при условии, что этот мужчина в семье присутствует и что он – адекватен). У этой теории есть плю-

сы – мальчикам мнение и опыт отца действительно очень важны, но таким образом мать дистанцируется, предоставляя действовать и решать вопросы воспитания только отцу.

Зачастую мы слышим от женщин, что сейчас мальчикам не хватает мужского воспитания и в результате, став мужчинами, они не ведут себя по – мужски. И это современная действительность, это постепенное угасание традиционных форм поведения и замещение маскулиновых черт феминными.

В последнее время увеличилось количество неполных семей. Часто мать воспитывает детей в одиночестве и нередко её воспитанники – мальчики. Очень хорошо, если в окружении есть мужчины, способные продемонстрировать мужское поведение: дедушка, тренер спортивной секции, учитель и т.д. Но матери, воспитывающие детей без отцов, в два раза чаще чем замужние считают процесс воспитания трудным, а воспитание мальчиков – тяжелейшей задачей. Существует две противоположные по сути, но одинаково неверные позиции воспитания мальчиков матерью – одиночками:

◆ Жесткая позиция. Проявляется у матерей, переживающих о том, что без отца ребенок избалуется, "отобьется от рук" и пр. Мать начинает дозировать свою

нежность, часто повышать голос, играя роль "строгого отца". Это неприемлемо, так как ребенок подсознательно воспринимает критику матери в свой адрес, как отказ в любви. Нередко такая позиция деформирует половую идентификацию, нарушает эмоциональные связи с другими людьми.

◆ Позиция жалости к "ущербности" ребенка. Всеобщее попустительство и вседозволенность. Это формирует лишь эгоистические притязания ребенка и впоследствии он не получает опыта действительно искреннего присутствия взрослого в его жизни.

Необходимо отметить и тот факт, что вышеуказанные позиции нередко встречаются и в полных семьях, когда роль отца ослаблена.

При изучении девиантных позиций материнства необходимо анализировать особенности матерей, которые были лишены возможности адекватного взаимодействия с детьми на ранних этапах становления отношений "мать – дитя" (нарушение течения родов, патологии новорожденного, преждевременные роды). Исследования показывают, что становление материнского отношения связано не только с историей жизни женщины и ее личностными качествами, но и особенностями ребенка и организацией послеродового взаимодействия с ним [3].

Невозможно анализировать отношения "мать – сын", не встретив противодействия со стороны "мужской культуры", но возможно изменить их, осознав изменения, происходящие с мужчиной [7].

На сегодняшний день наиболее точно описывает отношения "мать – сын" психоаналитическая теория.

Теория привязанности Дж. Боулби – это традиционные представления психоанализа о развитии в совокупности с современными психологическими данными. Основной идеей его теории является то, что мать важна не только потому, что она удовлетворяет первичные органические потребности ребенка (например, утоляет голод), но самое главное – мать создает ребенку первое чувство привязанности [1]. С первого дня жизни крики и улыбки ребенка обеспечивают ему материнскую заботу, защищенность и внешнюю безопасность. Для эмоционально защищенного ребенка открыты пути здорового психического развития. И напротив, нарушения первичной эмоциональной связи между матерью и ребенком, "расстройства привязанности" повышают вероятность риска возникновения личностных проблем и психических заболеваний (например, депрессивных состояний, аутистичных проявлений и пр.). На практике идеи Боулби привели к пересмотру всей системы больничного режима для маленьких детей, что позволило не "отрывать" ребенка от матери.

Р. Шниц в книге "Психоанализ раннего детского воз-

раста" отмечал, что взаимоотношения между ребенком и матерью в самом раннем возрасте оказывают влияние на формирование его личности в последующем [6]. Очень важными в изучении развития в детском возрасте являются такие понятия, как "привязанность", "безопасность", установление близких взаимоотношений детей и взрослых, создание условий для налаживания взаимодействия детей и родителей даже в первые часы после рождения.

Э. Фромм по вопросу о роли матери в воспитании детей, об особенностях материнской любви однозначно утверждал, что материнская любовь – безусловна: ребенок любим просто за то, что он есть. Сама мать должна иметь веру в жизнь, не быть тревожной, только тогда она сможет передать ребенку ощущение безопасности. "В идеальном случае материнская любовь не пытается помешать ребенку взрослеть, не пытается назначить награду за беспомощность" [4].

В мужских обществах традиционно фигурирует "мать", как проблема в жизни мальчика [8]. Западная культура изобилует примерами, когда сыновья покоряются, приспособляются к своим матерям или отказываются от отношений с ними, чтобы стать "настоящими" мужчинами. Но и это противодействие вызывает у мальчиков чувство вины за свою формирующуюся маскулинность. В этом случае Б. Смитт в книге "Матери и сыновья" пола-

гает, что в узком смысле этот конфликт делает мальчика в лучшем случае "жертвой" [8].

Веками женщины воспитывали детей мужского пола без понимания особенностей развития, которые присущи их мальчикам. Многие вовсе не осознавали своего невежества, мужчины не считали нужным посвящать их в это – пол никогда не был предметом разговора. Женщины не понимают маскулинность по целому ряду причин, наиболее фундаментальная из них та, что мальчики на самом деле "противоположного" пола. Осознать другое развитие всегда тяжело, необходимо быть полностью толерантным к существующим различиям.

Мы постарались сформулировать принципы гармоничных отношений "мать – сын":

- ◆ "доза" материнской любви к сыну должна быть различной в разном возрасте. В подростковом и юношеском возрасте слишком сильная материнская любовь может стать "тормозом" в социальном развитии мальчика.
- ◆ Мама не должна забывать о том, что она женщина: слабая, ласковая, любящая, женственная. Так сын учится сочувствовать маме, поддерживать, помогать, т.е. приобретает качества сильного, уверенного мужчины,

умеющего принимать решения, отвечать за себя и других, оказывать женщине поддержку и стать ее опорой.

- ◆ Мать должна поощрять отделение сына.

Только женщина, для которой больше счастья в том, чтобы отдавать, чем в том, чтобы брать, может стать действительно любящей матерью, когда ребенок начнет отделяться от нее.

- ◆ Только через общение с другими мужчинами мальчик освоит мужские формы поведения, способы решения проблем, научится высказывать свое мнение и давать оценку происходящим событиям.

Перефразируя Дона и Джоан Элиум, отметим, что мать должна ясно осознавать индивидуальную ответственность садовника за возвращение своего сына. Мать должна всегда быть настроена на то время года, в котором живет сын. Мать должна чувствовать себя уверенно перед лицом самых суровых бурь и агрессивных выпадов, зная, что в глубине корни сформированы правильно.

Следуя архетипу садовника, мать сможет увидеть, как ее сын пускает корешки, набирает цвет и расцветает своей собственной жизнью [7].

ЛИТЕРАТУРА

1. Боулби Джон Привязанность/ Перевод с англ. – М.: Гардарики, 2003. – 477 стр.
2. Красовский А.С. Будущий муж и отец. – Минск, 1986 – 201 стр.
3. Филиппова Г.Г. Психология материнства. Учебное пособие. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002 – 240 стр.
4. Фромм Эрих Искусство любить. Исследование природы любви/ Перевод Л.А.Чернышевой Е.Fromm. The Art of loving. An Enquiry into the Nature of Love. М.: Педагогика, 1990 – 37 стр.
5. Хмяляйнен Ю. Воспитание родителей. – М. 1993– 112 стр.
6. Шпиц Рене Психоанализ раннего детского возраста: [Сборник]: перевод с англ. / Р.А. Шпиц. – СПб. : Университетская книга; М.: ПЕР СЭ, 2001– 159 стр.
7. Элиум Д., Элиум Дж. Воспитание сына. – СПб.: Питер, 2003. – 256 стр.
8. Babbette Smith. Mothers And Sons: The Truth About Mother-Son Relationships. – Allen & Unwin Pty., Limited (Australia).1997 – 252 p.
9. Bly Robert. Iron John. A Book About Men. – New York, Da Capopress, 2004 – 268 p.

© В.П. Стрельчук, (jawerona@mail.ru), Журнал «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики»,

ФОРМИРОВАНИЕ ДВИГАТЕЛЬНЫХ НАВЫКОВ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ПОДГОТОВКИ У ДЕТЕЙ И ЮНОШЕЙ, ЗАНИМАЮЩИХСЯ БОЕВЫМ САМБО

FORMATION OF IMPELLENT SKILLS
AT THE INITIAL STAGE OF PREPARATION
AT CHILDREN AND THE YOUNG MEN WHO ARE
ENGAGED IN COMBAT SAMBO

A. Khaustov

Annotation

In recent years the age of the beginning of occupations by combat sambo sharply decreased. Competitive practice at young combat sambo wrestlers begins in 6–8 years. Within 1–2 years there is a need to train young athletes to throws and other receptions, many characteristics differing from each other. Therefore more and more actual there is a development of such program of elementary education which will allow to optimize process of formation of impellent skills at young fighters.

Keywords: combat sambo, children, young men, Union of combat sports, Zhukovsky, Moscow region, impellent skill.

Хаустов Алексей Николаевич
Московский институт
физической культуры и спорта

Аннотация

За последние годы резко снизился возраст начала занятий боевым самбо. Соревновательная практика у юных боевых самбистов начинается уже в 6–8 лет. В течение 1–2 лет появляется необходимость обучить молодых спортсменов броскам и другим приемам, отличающимся друг от друга многими характеристиками. Поэтому все более актуальной становится разработка такой программы начального обучения, которая позволит оптимизировать процесс формирования двигательных навыков у юных бойцов.

Ключевые слова:

Боевое самбо, дети, юноши, Союз боевого спорта, Жуковский, Московская область, двигательный навык.

Актуальность проблемы формирования двигательного навыка также обусловлена тем, что она была и остается одной из базисных проблем физического воспитания и психологии, поскольку формирование навыка является основой любого научения [1].

Интерес к динамике формирования двигательного навыка и факторам его определяющим обусловлен тем, что, природу явления гораздо легче рассматривать в процессе их становления, нежели тогда, когда они рассматриваются, как нечто возникшее сразу в законченном виде [2].

Целью настоящего исследования является изучение особенностей формирования сложных двигательных навыков у юношей, активно занимающихся таким видом спорта как боевое самбо, на начальном этапе подготовки.

Исследование проводилось на базе секции боевого самбо Центра боевого спорта "Спектр" при Московской областной физкультурно-спортивной общественной организации "Союз боевого спорта" (городской округ Жуковский).

Исследуемые группы спортсменов: спортсмены из младшей группы в возрасте 6–10 лет (10 человек), из средней группы 11–14 лет (10 человек), а также из старшей группы 15–17 лет ЦБС "Спектр", занимающихся прикладным разделом боевого самбо в Доме Спорта

"Стрела" (10 человек).

С целью ознакомления с мнением ведущих специалистов в области спортивных единоборств о вопросе формирования сложного двигательного навыка, в зависимости от исследуемых факторов, использовался метод анкетного опроса.

Опрос проводился по специально разработанной анкете, среди опрошенных было 15 тренеров по различным видам боевых искусств, с высшим профессиональным образованием, со сроком преподавательской работы не менее 5 лет, в том числе и ведущие тренеры по боевому самбо.

Анализ полученных в результате анкетного опроса показал, что среди специалистов отсутствует однозначное мнение относительно значимости влияния исследуемых факторов на процесс формирования базового двигательного навыка. Ведущей методикой исследования данного исследования наряду с экспертной оценкой, являлось педагогическое наблюдение.

Помимо таких вариантов как "возраст" и "особенности нервной системы" чаще всего были указаны следующие причины, оказывающие значимое влияние на динамику усвоения двигательного навыка: а) двигательная одаренность, и индивидуальные способности занимающегося; б) мотивация ученика; в) личность преподавателя, либо система обучения.

Такой метод, как педагогическое наблюдение, проводился во время проведения второго трехнедельного цикла тренировок по боевому самбо в жуковском Центре боевого спорта "Спектр".

В программу цикла вошло изучение следующих движений: задняя подножка, прямой удар ногой в корпус и рычаг локтя противнику, лежащему на спине. Занятия проходили четыре раза в неделю по два часа. В конце каждой недели тренер выставлял оценки, оценивающие признаки сформированности навыка: структурную целостность и устойчивость [3].

Под структурной целостностью понимается освоение всех элементов, входящих в состав данного приёма, и выполнение их слитно в правильной последовательности [4]. Устойчивость навыка представляет собой выполнение двигательной задачи, несмотря на воздействие сбивающих факторов той или иной интенсивности.

Структурная целостность навыка оценивалась тренером-преподавателем по результатам разучивания приёма, особое внимание обращалось на заключительный этап отработки. Целостность оценивалась по пятибалльной шкале.

Оценкам придавались следующие значения:

- ◆ "2" - не усвоено большинство основных элементов разучиваемого движения; прием выполняется со значительными интервалами, последовательность элементов грубо нарушена;

- ◆ "3" - не усвоены отдельные элементы, движение выполняется не слитно, допускаются отдельные неточности в последовательности движений;

- ◆ "4" - элементы приема усвоены, однако, прием приводится не слитно, либо допускаются незначительные отклонения в структуре приема;

- ◆ "5" - все элементы движения усвоены, прием проводится быстро, слитно, без ошибок.

Устойчивость оценивалась во время тренировочных схваток и упражнений на внезапность. Упражнение на внезапность заключалось в следующем: атакующий становился спиной к атакуемому, по сигналу преподавателя поворачивался к противнику, выполнял кувырок вперед и проводил прием.

- ◆ Оценка "2" означала то, что минимальные изменения условий проведения приводили к полному разрушению структуры движения и невыполнению приема;

- ◆ "3" - сбивающие воздействия приводили к нарушению структуры, четкости и целостности, при этом само движение выполнялось полностью;

- ◆ "4" - в упражнениях на внезапность движение выполнялось правильно, однако, самбист не мог провести прием в учебном поединке;

- ◆ "5" - прием четко и регулярно проводился в нескольких учебных поединках.

Кроме того, тренер-преподаватель ставил общую оценку усвоения двигательного действия, включавшую в себя также учёт таких факторов, как осознанность, автоматизм и гибкость навыка.

Плановая сдача нормативов по изученной технике проводится в конце каждого трёхнедельного тренировочного цикла боевого самбо.

Сдача нормативов проходит по следующей схеме: сдающий называет выполняемый приём, кратко описывает его структуру движения, пять раз демонстрирует выполнение сдаваемой техники и пять раз прием выполняется с упражнением на внезапность. После этого, самбист проводит два учебных поединка с односторонним, дозируемым сопротивлением. Данная методика позволяет достаточно четко учитывать такие структурные элементы навыка, как осознанность, целостность, устойчивость и гибкость.

Оценки выполненного приёма следующие:

- ◆ "2" - приём не выполнен;
- ◆ "3" - приём выполнен со значительными ошибками, не было попыток проведения движения в тренировочной схватке;

- ◆ “4” – приём выполнен с незначительными ошибками,
- ◆ “5” – ошибки отсутствуют, техника эффективно применялась в учебном поединке.

Результаты итоговой сдачи техники у юношей показали следующие соотношения оценок овладения навыком выполнения изучаемых приемов юношами:

- ◆ Младшая группа. По критерию оценки экспертов критерия устойчивости результаты разделились следующим образом удовлетворительно – 10%, хорошо – 60% и отлично – 30%. Оценку получили по критерию целостности, по мнению экспертов: отлично – 20%, хорошо – 80% занимающихся юношей. Общая оценка: хорошо – 80%, отлично – 20%.

- ◆ Средняя группа. Оценки экспертной комиссии разделились между спортсменами следующим образом. Устойчивость. Удовлетворительно – 9%, хорошо – 17%, отлично – 74%. Оценки целостности составили хорошо – у 19% самбистов, отлично – 81%. Общая оценка хорошо – 19% человек, отлично – 81%.

- ◆ Старшая группа. 40% занимающихся юношей получили оценку удовлетворительно по критерию устойчивости и 60% удовлетворительно по тому же самому критерию. Целостность была оценена хорошо у 40% , удовлетворительно у 50% и отлично 10%.

Таким образом, вопрос формирования двигательного навыка в боевом самбо на начальном этапе подготовки у детей и юношей является очень важной проблемой.

Анализ итоговой сдачи техники показал, что в исследуемых группах наиболее успешными в усвоении сложного двигательного навыка выполнения изучаемых движений оказались юноши средней возрастной группы (11 – 14 лет).

Влияние на динамику формирования сложного двигательного навыка в группах самбистов, участвовавших в данном исследовании, таких показателей типа высшей нервной деятельности, как сила–слабость по торможению и подвижность оказывали крайне незначительное влияние.

Практические выводы из данного исследования следующие:

- ◆ Относительно ранний возраст 6 – 10 лет не может быть препятствием для начала занятиями спортивными единоборствами, а, напротив, является наиболее благоприятным возрастом для приобщению к занятиям спортом.

- ◆ Такие показатели как тип высшей нервной деятельности, сила–слабость по торможению и подвижность не оказывают значимого влияния на динамику формирования сложного двигательного навыка.

Таким образом, принимая во внимание все полученные автором результаты исследования, напрашиваются следующие практические рекомендации:

1) Принимая во внимание особенность гибкости, координационной подготовленности спортсменов – новичков на этапе начальной технической подготовки, рекомендуется разучивать базовые приемы боевого самбо, с использованием комплекса подводящих и специальных подготовительных упражнений.

2) Опосредованность процесса восприятия спортсменами на начальном этапе подготовки информации о правильных двигательных представлениях, вне зависимости от возраста и других изложенных выше факторов требует активного использования при формировании двигательного навыка таких методов, как демонстрация в сочетании с образным объяснением, а также элементы игрового метода.

3) Целесообразно использовать на занятиях ряд методических приемов:

- ◆ зрительных "бесконтактных" и слуховых ориентиров с целью координации усилий занимающегося в нужном направлении;

- ◆ оценочных и образных суждений, замечаний, физической помощи тренера с целью коррекции движения и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гиппенрейтер Ю. Б. Введение в общую психологию. – М., 2000.
2. Декарт Р. Собрание сочинений. – М., 1983.
3. Ашмарин Б.А. Измерения показателей в спорте.– Свердловск, 1978.
4. Найдифер Р.М. Психология соревнующегося спортсмена. М., 1979

РЕАЛИЗАЦИЯ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ ДИДАКТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА

THE DEVELOPMENT OF THE MODEL IMPLEMENTATION OF DIDACTIC COMPETENCE FOR A HIGH SCHOOL TEACHER

E. Khramova

Annotation

This article shows three main stages of didactic competence development of a high school teacher – analytical, formative and reflective.

Keywords: analytical stage, didactic competence of a high school teacher, forming stag, model of competences development, reflective stage.

*Храмова Елена Валерьевна
Новгородский Государственный
Университет имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород*

Аннотация

Статья раскрывает три основных этапа реализации модели развития дидактической компетентности преподавателя вуза – аналитический, формирующий и рефлексивный.

Ключевые слова:

Аналитический этап, дидактическая компетентность преподавателя вуза, модель развития компетентности, рефлексивный этап, формирующий этап.

В условиях инновационной среды происходит быстрое устаревание педагогического опыта, это провоцирует разрыв между современным этапом развития образования и накопленным преподавателем высшей школы дидактическим потенциалом. Следовательно, преподаватель вуза должен иметь возможность самостоятельно определять уровень дидактической компетентности, что позволит ему позиционировать себя как субъекта деятельности и выйти на более высокий уровень мастерства и профессионализма. Дидактическая компетентность преподавателя вуза – это составная, ключевая часть профессионально-педагогической компетентности как обобщённой комплексной характеристики уровня профессионализма, который обнаруживает себя в характере субъектности педагога в организации дидактического процесса [1].

В данной статье представлено одно из приоритетных направлений работы Консультативного дистанционного центра как открытой системы, способствующей развитию дидактической компетентности преподавателя вуза. Это методика реализации модели развития дидактической компетентности преподавателя вуза на основе трёх взаимосвязанных этапов работы – аналитического, формирующего и рефлексивного.

Реализуя модель развития дидактической компетентности преподавателя вуза необходимо: 1) апробировать эффективность использования разработанного диагностического инструментария (критерии, показатели, уровни, индикаторы); 2) рассмотреть возможность актуализации субъектной позиции преподавателя вуза через создание индивидуальной траектории развития дидактической

компетентности; 3) проверить допустимость использования инновационных технологий (дистанционный курс) с целью развития дидактической компетентности преподавателя вуза.

Опытно-экспериментальная работа проводилась в несколько этапов, в соответствии с поставленными задачами.

Первый этап (2008г.) – аналитический – представляет создание условий для выбора осознанного пути развития дидактической компетентности преподавателя вуза. Исходными данными для дальнейшей работы явились результаты контрольно-измерительных материалов Консультативного дистанционного центра. Задания были направлены на анализ деятельности, систематизацию материала, обоснование точки зрения, проявление умения трансформировать технические вопросы в учебные проблемы.

На первом этапе работы индикаторы показателей по критериям дидактической компетентности преподавателя вуза были подвергнуты дополнительному анализу. В беседе, преподаватели экспериментальной группы отметили отсутствие системы, позволяющей установить связь между накопленным опытом работы и современным контекстом образования. Индикатор уровня дидактической компетентности по основным критериям находится в рамках эвристического уровня.

Преподаватели реализуют себя в деятельности с большими затратами времени и сил, ощущают усталость и напряжение, возникают проблемные моменты. Преподаватели акцентируют внимание на необходимости подробного анализа особенностей современного многоуровневого образования, новых технологий, организации научно-исследовательской деятельности и способов реализации компетентного подхода в организации дидактического процесса. Преподаватели экспериментальной группы активны, желают и имеют возможность преобразовывать свою деятельность. Высокий уровень мотивации мы рассматриваем как основу для дальнейшей работы в направлении развития дидактической компетентности преподавателя вуза.

Индикаторы с более низким числовым выражением мы будем использовать как отправные точки проектирования индивидуальной траектории развития дидактической компетентности и проследим их изменения и влияние на другие показатели и критерии.

В процессе работы было выявлено, что преподаватели обладают высокой способностью к организации и планированию дидактического процесса, используют стандартную постановку целей, адекватно выбирают эффективные средства организации дидактического процесса, способны к профессионально-творческому саморазвитию, но в недостаточной степени внедряют творчество в организацию процесса обучения. Преподавателей характеризует недостаточная мобильность, а также низкая способность работать в междисциплинарной команде.

Также, рассматривая критерии дидактической компетентности преподавателя вуза, мы обратили внимание на низкий индикатор по показателям "проявление авторства в профессии", "степень участия в обмене опытом с коллегами". Цель дальнейшей работы по развитию дидактической компетентности преподавателя вуза мы видим в актуализации направлений работы преподавателя вуза по раскрытию уникальностей собственной деятельности (профессионализма, мастерства) в организации дидактического процесса.

На этом этапе работы все преподаватели экспериментальной группы отметили условия, с которыми они вынуждены считаться – это значительные изменения в системе образования, инновационность, вариативность,

непрерывность дидактического процесса, необходимость рефлексивной деятельности, анализа собственной работы.

Второй этап работы – формирующий – заключается в проблематизации деятельности преподавателя вуза, что позволяет увидеть уровень критического мышления, интерес к тем или иным аспектам педагогической деятельности, а также даёт возможность выявить основные проблемные моменты в организации дидактического процесса, способы выхода из затруднительной ситуации.

На данном этапе проявляется субъектность позиции преподавателя, стандартность или уникальность его деятельности. С этим направлением работы мы связываем создание индивидуальной траектории развития дидактической компетентности преподавателя вуза, а также выявление взаимосвязи критериев, их влияния друг на друга в процессе развития компетентности. Индивидуальная траектория развития предусматривает подбор заданий в зависимости от личностных качеств преподавателя, уровня сформированности дидактической компетентности, её критериев и тесно связана с опытом, мотивацией, интересами преподавателя вуза.

Добровольное согласие каждого преподавателя экспериментальной группы на участие в дальнейшей работе было основным показателем высокой мотивации к достижению цели. Таким образом, совместно с преподавателями были выбраны следующие направления работы: 1) новые подходы к традиционным технологиям; 2) инновационные технологии и их использование на данном этапе образования в вузе; 3) определение направления организации научно-исследовательской деятельности; 4) междисциплинарность деятельности и реализация данного направления работы; 5) пути актуализации накопленного опыта и уникальности деятельности.

В процессе реализации модели развития дидактической компетентности преподавателя вуза Консультативным центром был подготовлен ряд теоретических разработок, позволяющих дать преподавателю начальную информацию с последующим её самостоятельным совершенствованием, а также благодаря проведённой работе были дополнены и расширены уровневые характеристики дидактической компетентности.

Определяя индивидуальную траекторию развития дидактической компетентности преподавателя вуза, каждый из преподавателей самостоятельно выбирал приоритетные направления деятельности, подбирались инструментарий оказания помощи, а также мы опирались на основные рабочие модули Консультативного дистанционного центра. В рамках этих модулей были выделены направления работы, сориентированные на один или несколько показателей исходя из четырёх критериев дидактической компетентности преподавателя вуза. Такая система работы дала возможность чётко определить на-

правления деятельности, способы и условия, необходимые для её реализации.

В большей степени мы уделили внимание самообразованию, что позволило рационально использовать время и формы работы самого преподавателя. Индикаторами эффективности опытно-экспериментальной работы была выбрана самооценка преподавателями вуза степени продвижения по уровням дидактической компетентности.

Основополагающим моментом аналитического и формирующего этапов работы является диагностика уровня динамики индивидуального развития на пути становления более высокого уровня дидактической компетентности преподавателя вуза. В течение первых шести месяцев работы трудно было увидеть преобразования в деятельности преподавателя, основные изменения произошли в течение последующего года работы.

Аналитический и формирующий этапы работы были направлены на создание оптимальных условий самообразования преподавателя вуза, способствовали целенаправленной организации работы с целью развития дидактической компетентности, содействовали предупреждению состояния профессиональной стагнации и повышению обоснованности формирования групповых и индивидуальных планов развития персонала на основе анализа разницы между желаемым и фактическим уровнем компетентности, расширили потенциал преподавателя в умении устанавливать связи между имеющимися знаниями, опытом и новой ситуацией, в которой необходимо кардинальным образом изменить подход к организации дидактического процесса в вузе.

Заключительный этап работы (2011-2012гг.) - рефлексивный - позволил нам сделать ряд выводов:

1. Разработанная нами модель развития дидактической компетентности в рамках проводимой опытно-экспериментальной работы, а также система диагностики дала возможность увидеть динамичный прирост не только в уровне целенаправленно развиваемых компетенций в целом, но и по ряду отдельных показателей в составе дидактической компетентности преподавателя вуза.

2. Результаты экспериментальной работы по реализации модели развития дидактической компетентности преподавателя вуза помогли определить и обосновать основные направления развития дидактической компетентности преподавателя вуза, условия, при которых этот процесс наиболее эффективен, а также возможность использования разработанного диагностического инструментария на современном этапе образования.

3. Реализация модели развития дидактической компетентности преподавателя вуза является отправной точкой, способствующей не только анализу, но и совершенствованию уровня профессионализма, который обнаруживает себя в характере субъектности преподавателя вуза в организации дидактического процесса.

4. Предпринятый анализ деятельности актуализирует субъектную позицию, индивидуальные способности преподавателя вуза, развивает рефлексивные навыки, критическое мышление, обуславливает уровень мотивации, создаёт взаимосвязь внутренних и внешних условий через создание индивидуальной траектории развития дидактической компетентности преподавателя вуза.

5. Реализованная модель подтверждает допустимость использования инновационных технологий (дистанционный курс) с целью развития дидактической компетентности преподавателя вуза.

Каждый преподаватель вуза – индивидуальность. Он обладает определённым уровнем дидактической компетентности и индикаторами его проявления. В процессе работы происходит осознание невозможности овладения высоким уровнем дидактической компетентности в короткий промежуток времени, но результаты аналитической деятельности позволяют провести диагностику уровня дидактической компетентности, определить приоритетные направления развития, выделить проблемы, необходимые для ближайшего разрешения. Рефлексия собственной деятельности по организации дидактического процесса определяет направления самообразования в соответствии со своими особенностями, способностями, интересами.

Определение индивидуальной образовательной траектории становится потенциалом для дальнейшего развития дидактической компетентности преподавателя вуза.

ЛИТЕРАТУРА

1. Научно-методическое сопровождение персонала школы: педагогическое консультирование и супервизия: монография / под ред. М.Н.Певзнера, О.М. Зайченко и др. Глава: Дидактическое консультирование: содержательные основы и технологические аспекты под ред. С.Н. Горьчевой. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого; Институт образовательного маркетинга и кадровых ресурсов, 2002. – С.268

СВЯЗЬ ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ С ПРОГНОЗИРОВАНИЕМ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СТРЕССОГЕННОЙ СИТУАЦИИ

Жученко Ольга Александровна
ФГБОУ ВПО
"Удмуртский государственный
университет", г. Ижевск

RELATIONSHIP OF PERSONAL CHARACTERISTICS WITH PREDICTING EFFECTIVENESS IN STRESSFUL SITUATION

O. Zhuchenko

Annotation

The article considers stressful situation in the example exam in high school. The adequacy of the prediction performance contributes to the preservation of psychological homeostasis, management in conditions that cause increased level mental stress. Found that resistance to stress associated with the degree of adequacy predicting effectiveness. The formation of the communicative properties do not determine the consistency of predicted and actual performance in a stress situation.

Keywords: stressful situation, exam, stress tolerance, sociability, predicting effectiveness.

Аннотация

В статье рассмотрена стрессогенная ситуация на примере экзамена в вузе. Адекватность прогнозирования результативности деятельности способствует сохранению психологического гомеостаза, управлению деятельностью в условиях, вызывающих повышенный уровень психической напряженности. Выявлено, что устойчивость к стрессу связана со степенью адекватности прогнозирования результативности деятельности. Сформированность коммуникативных свойств не определяют согласованности прогнозируемых и реальных результатов деятельности в стрессогенной ситуации.

Ключевые слова:

Стрессогенная ситуация, экзамен, стрессоустойчивость, общительность, прогнозирование результативности деятельности.

Каждый человек в своей жизни сталкивается с большим количеством стрессогенных ситуаций, трудных информационной неопределенностью, интенсивной умственной деятельностью, дефицитом времени, повышенными требованиями к его самооценке. В связи с этим обнаруживаются ошибки в действиях, необъяснимые поступки, стрессовые реакции [8], мешающие проявить свой потенциал, компетенции в полной мере. Одной из таких ситуаций является экзамен в вузе – что эмпирически подтверждено многими исследователями [3; 11; 12; 13; 14], – дающий ложную и искаженную картину поведения и большей частью понижающий и расстраивающий системы воспроизведения реакций [2].

Неотъемлемой частью любой деятельности является прогнозирование, так как то, что человек ожидает, во многом определяет то, что он думает или делает [10]. Адекватность прогнозирования результативности деятельности (ПРД) способствует управлению своей деятельностью, поведением, сохранению психологического гомеостаза за счет повышения устойчивости к стрессу в ситуациях, вызывающий повышенный уровень психической напряженности, среди которых можно выделить экзамен в вузе.

Учащийся реагирует на экзамены в соответствии со своей когнитивной интерпретацией внешних стимулов. Это зависит от таких параметров, как личностные особенности, социальный статус, социально-ролевое поведение студентов и других. Эмпирическое изучение личностных качеств, связанных с особенностями ПРД в стрессогенной ситуации (на примере экзамена в вузе), и явля-

ется задачей настоящей работы. Выборку на данном этапе составили 587 человек. Используемые психодиагностические методики: личностный многофакторный опросник Р. Кеттелла (16 PF); тест "Опросник структуры темперамента" (ОСТ) В.М. Русалова; тест "Уровень субъективного контроля" (УСК) Дж. Роттера, адаптированный Е.Ф. Бажиным. Замеры по данным методикам производились в стандартных условиях (обычный учебный день).

Компонентами ПРД, согласно нашей модели [4], являются желаемый результат ("оценка желаемая"), ожидаемый результат ("оценка ожидаемая"), оценка себе, исходя из уровня компетенции. Студент заполнял анкету на определение данных показателей ПРД непосредственно перед началом экзамена, так как перед началом экзамена он уже испытывает некоторый уровень, как правило, повышенный, психической напряженности вследствие того, что "в период ожидания экзамена ведущим компонентом при формировании симптомокомплекса напряжения выступает эмоциональный, а во время самой работы активизируется другой – оперативный компонент" [7, 40]. Адекватность ПРД изучалась нами через выявление сдвига между реальным результатом деятельности человека в стрессогенной ситуации (на экзамене) – оценкой, поставленной преподавателем – и прогнозируемыми (оценками, определяемыми испытуемыми перед началом контроля).

Анализ личностных особенностей студентов в зависимости от адекватности ПРД в стрессогенной ситуации включал вычисление коэффициента корреляции Пирсона между шкалами тестов (хи-квадрат Пирсона показал

их нормальное распределение) (таблица 1).

Таблица 1

Коэффициенты линейной корреляции Пирсона для шкал тестов Кеттелла, ОСТ, УСК в зависимости от адекватности ПРД в стрессогенной ситуации ($p < 0.01$)

Шкалы тестов	Адекватность ПРД	Неадекватность ПРД
А - F	0.40	0.28
А - Н	0.41	0.32
А - Q2	-0.40	-0.40
А - СЭР	0.55	0.55
С - Н	0.34	0.36
С - О	-	-0.37
С - Q4	-	-0.36
С - П	0.31	0.35
С - СТ	0.35	0.36
С - Т	0.45	0.30
С - СЭМ	-	-0.42
С - ЭМ	-0.36	-0.44
F - СЭР	0.57	0.45
F - СП	0.34	0.41
F - СТ	0.32	0.36
G - Q3	0.34	0.29
Н - Им	-	0.36
Н - П	0.49	0.44
Н - СТ	0.63	0.48
Н - Т	0.31	0.34
Н - СЭР	0.62	0.44
Н - ЭМ	-	-0.44
Н - СЭМ	-	-0.40
Н - СП	0.38	0.31
М - СП	-0.38	-
О - Q4	0.37	0.42
О - СЭМ	0.41	0.59
О - ЭМ	0.33	0.50
Q2 - Т	-0.37	-0.30
Q2 - П	-0.41	-0.18
Q2 - СЭР	-0.38	-0.44
Q4 - СЭМ	0.52	0.52
Q4 - ЭМ	0.52	0.43
Ид - Им	0.47	0.44
Ид - Ин	0.40	0.33
Ид - ИО	0.78	0.73
Ид - Ип	0.59	0.49
Ид - Ис	0.58	0.47
Иэ - ИО	0.41	0.34
Им - ИО	0.38	0.46
Им - СЭР	-	0.39
Ин - ИО	0.71	0.67
Ин - Ип	0.47	0.39
Ин - Ис	0.66	0.65
ИО - Ип	0.74	0.68
ИО - Ис	0.76	0.66
Ип - Ис	0.48	0.30
П - СЭР	0.49	0.44
П - Т	0.63	0.55
П - СТ	0.38	0.48
П - ЭР	-	0.44
СП - СЭР	0.42	0.42
СТ - СЭР	0.45	0.52
СТ - Т	0.49	0.51
СЭМ - ЭМ	0.66	0.71

Адекватность всех компонентов ПРД связана с коммуникативными свойствами личности: общительностью, легкостью и плавностью речи (социальный темп), экспрессивностью, социальной смелостью. В силу своей общительности, высокой выносливости в стрессе [5] эти испытуемые отличаются адекватностью ПРД в ситуациях с межличностными отношениями. Другая группа шкал, выделенная нами, – уравновешенность, низкая чувствительность к расхождению между ожидаемым и реальным результатом как при выполнении предметной деятельности, так и в сфере общения. Полученные результаты пересекаются с данными из психологической литературы [1; 6; 9]. Эмоционально стабильным людям свойственны объективная оценка себя и других людей, высокая резистентность к негативным воздействиям, осознанность регуляторных звеньев.

У людей с адекватностью ПРД меньше взаимосвязей между личностными особенностями, по сравнению с другими группами, потому что у них, видимо, выработаны стили и способы преодоления стресса, в частности, через выраженность коммуникативных особенностей, уравновешенность и уверенность в себе. Это определенные сложившиеся конструкты, на которые уходит меньше напряжения и сил. Как только появляется несогласованность хотя бы одного компонента ПРД с действительностью, количество взаимосвязей между личностными особенностями увеличивается, так как субъекты с неадекватностью прогнозирования неустойчивы, ищут варианты повышения стрессоустойчивости, обеспечивающие успешность.

Лиц с **неадекватностью ПРД** отличает, прежде всего, низкая стрессоустойчивость: высокая чувствительность к расхождению между ожидаемым и реальным результатом как при выполнении дела, так и в социальной сфере коррелирует с тревожностью и напряженностью, что мешает построению точного прогноза.

Следует отметить, что от уровня сформированности коммуникативных навыков зависит направленность несоответствия прогнозирования действительности: при завышении ПРД отмечается общительность, при занижении – замкнутость. Соответственно, показатель общительности обратно коррелирует с конформизмом и прямо – с социальной смелостью, которая, в свою очередь, связана с социальным темпом. Для субъектов из данной группы значимо установление социальных контактов, но они испытывают беспокойство при этом.

Исходя из полученных результатов, можно сделать вывод о том, что адекватность прогнозирования результативности деятельности в ситуации, вызывающий повышенный уровень психической напряженности, связана, прежде всего, с устойчивостью к стрессу, проявляющейся в уверенности в себе, уравновешенности, низкой чувствительности к расхождению между ожидаемым и реальным результатом. Особенности межличностного вза-

имодействия не определяют соответствия прогнозируемых результатов деятельности реальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бадмаева, Д.Г. Саморегуляция активности личности в стрессовых ситуациях (на примере экзаменационного стресса): Дисс. ... канд. псих. наук / Д.Г. Бадмаева. – Красноярск, 2004. – 157 с.
2. Выготский, Л.С. Педагогическая психология / Л.С. Выготский. – М.: Педагогика-Пресс, 1996. – 536 с.
3. Дьяченко, М.И., Кандыбович, Л.А., Кандыбович, С.Л. Психология высшей школы / М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович, С.Л. Кандыбович. – Мн.: Харвест, 2006. – 416 с.
4. Жученко, О.А. Прогностическая деятельность студентов вуза в контрольно-оценочной ситуации как проявление процессов саморегуляции / О.А. Жученко. // Учитель XXI века: стратегии профессионального взаимодействия и саморазвития: Материалы Всеросс. научно-практич. конф. с международным участием. Ч.2. / под ред. Т.Ф. Вострокнутовой. – Ижевск: Изд-во "Удмуртский университет", 2010. – С. 54 – 56.
5. Мейли, Р. Факторный анализ личности / Р. Мейли. // Психологическая типология: Хрестоматия / сост. Сельченко К.В. – Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2000. – С. 33 – 58.
6. Моросанова, В.И., Коноз, Е.М. Регуляторные аспекты экстраверсии и нейротизма: новый взгляд / В.И. Моросанова, Е.М. Коноз. // Вопросы психологии. – 2001. – №2. – С. 59 – 73.
7. Немчин, Т.А. Состояния нервно-психического напряжения / Т.А. Немчин. – Л.: Изд-во Ленинг. Ун-та, 1983. – 167 с.
8. Осницкий, А.К. Регуляторный опыт, субъектная активность и самостоятельность человека. Часть 2 / А.К. Осницкий. // Психологические исследования: электрон. науч. журн. – 2009. – № 6(8). – URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2009n6-8/241-osnitsky8.html> (дата обращения: 11.02.2010).
9. Попова, Т.В. Формирование мотивационной составляющей психической саморегуляции учебной деятельности студентов филологического факультета: Автореферат дис. ... канд. псих. наук / Т.В. Попова. – Казань, 2002. – 25 с.
10. Регуш, Л.А. Психология прогнозирования: успехи в познании будущего / Л.А. Регуш. – СПб.: Речь, 2003. – 352 с.
11. Соловьев, В.Н. Адаптация студентов к учебному процессу как методологическая и теоретическая проблема педагогики / В.Н. Соловьев. – Ижевск: Изд. дом "Удмуртский университет", 2005. – 850 с.
12. Шевченко, Ю. Еще раз об экзамене / Ю. Шевченко. // Высшее образование в России. – 2004. – № 3. – С. 172 – 173.
13. Щербатых, Ю.В. Экзаменационный стресс: диагностика, течение и коррекция / Ю.В. Щербатых. – Воронеж: ООО Студия "ИАН", 2000. – 168 с.
14. Яковлев, Б.П., Литовченко, О.Г. Теоретические аспекты исследования психической нагрузки в условиях учебной деятельности / Б.П. Яковлев, О.Г. Литовченко. // Alma mater. Вестник высшей школы. – 2005. – № 6. – С. 3 – 6.

© О.А. Жученко, (adlog@mail.ru), Журнал «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики»,

Организована по инициативе губернатора Ивановской области М.А. Меня
 Действует при поддержке Департамента экономического развития Ивановской области

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ БИЗНЕСА

INSTITUTIONALIZATION OF SOCIAL RESPONSIBILITY OF BUSINESS

K. Safonov

Annotation

The article is devoted to analysis of formation and development of the concepts of social responsibility of business. The author investigates the institutionalization of these concepts, the peculiarities of their theoretical bases and practical implementation in the modern society. Also attention is paid to the consideration of corporate social responsibility as the part of social relationship.

Keywords: Business, responsibility, social relationship, social institution, corporate social responsibility.

Сафонов Кирилл Борисович

*К. филос. н., преподаватель
Новомосковского института (филиал)
Российского химико-технологического
университета им. Д.И. Менделеева*

Аннотация

Статья посвящена анализу проблем формирования и развития концепций социальной ответственности бизнеса. Автор исследует институционализацию данных концепций, особенности их теоретических оснований и практического воплощения в современном обществе. Также внимание уделяется рассмотрению корпоративной социальной ответственности как части общественных отношений.

Ключевые слова:

Бизнес, ответственность, общественные отношения, социальный институт, корпоративная социальная ответственность.

Неоднородность социальной структуры современного общества одновременно является и неоспоримым преимуществом, и серьезным недостатком. Различия в подходах к решению тех или иных проблем, развитию социума, которые можно наблюдать у представителей социальных групп и институтов, позволяют выбрать оптимальный путь достижения высших целей развития. Но вместе с тем не следует забывать, что возможные противоречия могут привести к утрате социальной устойчивости, росту нестабильности и прочим негативным явлениям. Чтобы предотвратить подобное развитие событий, каждый институт общества должен развиваться с учетом потребностей других институтов. Например, экономическая сфера не может превалировать над социальной, предприниматели должны не просто стремиться к росту прибыли, но и содействовать обществу в развитии всех его членов. Подобный бизнес, представители которого учитывают социальные нужды, принимая взвешенные управленческие решения, может быть охарактеризован как социально ответственный.

Следует отметить, однако, что выполнение рекомендаций о взвешенности реализуемых управленческих действий должно носить ограниченный характер. Проблема в том, что "искусственное замедление, сдерживание экономических преобразований в интересах "социальной справедливости", "социальной стабильности" приводит к тяжелому застою, к потере позиций в международном разделении труда, а порой к пусть отсроченным, но страшным социальным катастрофам" [1, с. 110]. Искусность профессионального менеджера как раз и заключается в поиске той грани, которая отделяет стагнацию от непропорционального и низкоэффективного пути развития социально-экономических процессов, что оз-

начает соблюдение в управленческой практике тех требований, которые общество предъявляет к бизнесу, не ущемляя при этом его стратегических интересов. Социальные структуры должны при любых обстоятельствах сохранять свою устойчивость, только так может быть гарантирована успешность деятельности хозяйствующих субъектов. Не стоит забывать, что "устойчивость социально-экономического развития означает, что наращивание экономической мощи и преодоление социальных трудностей будет происходить постоянно без ощутимых спадов, постепенно, но с неуклонным нарастанием объемов и скорости производства конкурентоспособных товаров и услуг" [2, с. 8]. Данный тезис, перенесенный из хозяйственного в социальный контекст, сохраняя свой основной смысл, приобретает новые оттенки значения. В том случае, когда мы рассматриваем развитие производственных отношений сквозь призму общественного развития, выпуск товаров и оказание услуг должны анализироваться вне отрыва от полного развития потенциала каждой конкретной личности, усиления ее преимуществ и улучшения адаптации к стремительно изменяющимся условиям. Таким образом, рост уровней выпуска конкурентоспособной продукции бессмыслен без одновременного повышения уровня социальной защиты населения. И речь здесь идет не о безвозмездном предоставлении определенного набора материальных и духовных благ, но об улучшении возможностей для существования в обществе, о всемерном содействии потенциальным возможностям индивидуального развития.

Конечно, нельзя иметь в виду полное погружение деловых структур в решение социальных проблем. Предположить такое невозможно, поскольку основной задачей бизнеса является максимизация прибыли. Забота об об-

ществе и его благе – прямая задача государства. А.И. Ракизов указывает: "Необходимо, чтобы на уровне государственной региональной политики, на уровне стратегии, вырабатываемой субъектами производства, учитывался и соблюдался баланс между социальными процессами и окружающей природной средой, чтобы соблюдались "интересы" природы и человека" [2, с. 9]. Немного изменив используемую терминологию, мы можем рассмотреть баланс интересов организаций и общества. При этом под организациями мы будем понимать любой хозяйствующий субъект, любую предпринимательскую структуру, нацеленную на получение и максимизацию прибыли путем осуществления инновационной деятельности, производства товаров и оказания услуг. Конечно, для подобных структур развитие – это, прежде всего, экономический рост. Именно поэтому в глазах обывателей они зачастую выглядят безнравственными охотниками за деньгами, готовыми на все ради дополнительного нуля в графе "Прибыль". В итоге получается так, что "люди по-разному относятся к корпорациям, государственным учреждениям, профсоюзам и прочим организациям, однако в целом приверженность тем или иным организациям невысока" [3, с. 53]. Как следствие – рост социальной апатии, разочарование в возможностях рыночной экономики и неизбежная стагнация национального и мирового хозяйства, время от времени сотрясаемых кризисами различного масштаба. Подобная участь в разные моменты исторического развития, к сожалению, ждет абсолютно все страны. Конечно, степень проявления негативных последствий будет различна, однако общая парадигма хода событий едина для всех народов, населяющих любой континент. И проблема здесь не в низкой эффективности экономических моделей, как это может показаться на первый взгляд, а в особенностях человеческой природы. Все мы очень хорошо улавливаем малейшие оттенки возможной социальной несправедливости, и наше сознание трансформирует их в серьезнейшие просчеты и упущения, которые непременно будут препятствовать поступательному и приемлемому для всех развитию. В итоге сама идея развития представляется человеку чуждой, и рано или поздно начинает отторгаться обществом: происходящие изменения кажутся минимальными, в то время как понесенные ради них духовные и материальные затраты – огромными.

Представленную проблему, тем не менее, нельзя воспринимать одномерно. Общество не должно полностью перекладывать на плечи деловых структур заботу о развитии потенциала своих членов. Это просто невозможно в силу нескольких причин. Во-первых, несмотря на то, что предпринимательские структуры играют важную роль в хозяйственной жизни любой современной страны, заметное влияние на нее оказывают также объединения, выведенные за рамки предпринимательства. К числу таких мы с уверенностью можем отнести благотворительные, государственные и частные некоммерческие организации. Они обычно накапливают солидный экономический потенциал, являются источником средств существования и занятости, субъектом социализации для

огромного числа людей. А, во-вторых, одного желания предпринимателей мало для практической реализации концепций устойчивого и поступательного развития общества. Исключительно важными в данном контексте нам видятся условия хозяйствования, поскольку они являются решающим фактором для полной реализации социального потенциала бизнеса. Мы все прекрасно понимаем, что "эффективное законодательство, рациональное управление, укрепление правопорядка и т.д. образуют систему условий, обеспечивающих устойчивость и постепенное нарастание скорости социально-экономического развития страны" [2, с. 5]. Следовательно, перечисленные выше условия для осуществления хозяйственной деятельности может создать лишь государство, действуя от имени и по поручению общества. Таким образом, общество само должно принимать на себя полную меру ответственности за реализацию возможностей устойчивого развития. Бизнес, будучи его неотъемлемой частью, не может не прислушаться к социальным запросам и нуждам. Но деловые структуры в полной мере осознают сопричастность к происходящим переменам только в том случае, когда траектория развития процесса перемен затрагивает интересы всех, каждого члена общества и любой социальный институт.

Предпринимательские структуры должны находиться в дружественном социальном окружении. От общества требуется готовность потреблять производимые товары и оказываемые услуги, бизнесу же необходима свобода маневра, защита от коррупции и организованной преступности. Все это возможно лишь в обществе с высоким уровнем жизни и развития человеческого потенциала, в зрелом гражданском обществе с сильной государственной властью и широко представленными социальными институтами. Уровень развития возможностей конкретной организации или отдельного индивида может показаться ничтожным в масштабах страны. Но подобное мнение не учитывает особенности современных концепций управления в социальных и экономических системах. При анализе эффективности осуществляемого руководства и конкурентоспособности стран в литературе предлагается рассматривать десять принципов, среди которых можно выделить применение комплексного подхода, основанное на исследовании политического, социального, духовного, экологического, технического, экономического развития страны или человека [4, с. 116].

Благополучие современного общества зависит от многих факторов, к числу которых, прежде всего, нужно отнести устойчивое развитие экономики. Состояние экономики практически любой страны мира напрямую связано с теми процессами, которые имеют место в рамках такого социального института, как предпринимательство, являющимся одним из ведущих субъектов модернизации национального хозяйства, создания и распределения экономического продукта, осуществления многочисленных перспективных проектов, как при производстве товаров и оказании услуг, так и в социальной сфере. Кроме того, участие индивида в предпринимательской деятельности – это важнейший фактор социализации, усвоения

профессиональных навыков. Таким образом, современный бизнес несет не только и не столько экономическую, сколько социальную нагрузку. В течение последних десятилетий в развитых странах превалирует мнение, что "организации должны направлять часть своих ресурсов и усилий на пользу общества, в котором функционируют предприятие и его подразделения, на пользу общества в целом" [5, с. 47]. Для бизнеса это должно быть не тяжким бременем, а осознанной необходимостью. Современный предприниматель видит в обществе неисчерпаемый источник трудовых ресурсов, потребителя производимых товаров и оказываемых услуг, союзника в решении многих проблем. Предпринимательство, в свою очередь, должно поддерживать своего партнера и контрагента, с тем, чтобы обеспечить его устойчивое и стабильное развитие, поскольку это является необходимым условием успешности реализации большинства социально-экономических инициатив.

На современном этапе в условиях перехода к постиндустриальному и информационному обществу предпринимательство меняется до неузнаваемости. Обыденными становятся ранее абсолютно не характерные для него черты. Так, многие "российские компании захотели разобраться, что такое ответственность перед обществом и каким образом она должна соотноситься с ожиданиями акционеров, сотрудников, потребителей, сообществ, где работают компании, и других стейкхолдеров" [6, с. 3]. Подобное желание свидетельствует о сформированном понимании необходимости участия в решении социальных вопросов. При этом следует отметить, что именно свобода выбора осуществляемых действий является важным показателем возможности успешной реализации потенциала бизнеса по содействию обществу. Опираясь на тезис о том, что "ценность социальной свободы в обществе состоит, прежде всего, в том, что свобода является критерием уровня развития общества в целом" [7, с. 6], мы можем прийти к выводу о формировании у предпринимателей осознанной потребности в проявлении ответственного отношения к обществу лишь в том случае, когда оно стоит на достаточно высокой ступени развития. В условиях постиндустриального общества концепции социальной ответственности бизнеса из разрозненных воззрений отдельных предпринимателей становятся полноправными социальными институтами, без учета особенностей которых успешное предпринимательство попросту невозможно.

До середины XX века ответственное поведение по отношению к обществу было личным делом каждого представителя бизнеса. Безнравственность и безответственность, пренебрежение социальными нуждами часто не приводили к серьезным последствиям. И лишь общество, пережившее Вторую мировую войну, понявшее истинную цену человеческой жизни и не желающее понести более ни одной жертвы, встало на путь борьбы за ответственное поведение предпринимательских структур. На наш взгляд, именно начавшиеся на Западе в 1950-е годы бурное развитие институтов социальной ответственности бизнеса ознаменовало неотвратимость и неизбежность

полного перехода от индустриального общества к постиндустриальному. В то время окончательно было закреплена расстановка сил в современном обществе, в центре внимания которого встал человек с его нуждами, чаяниями и неповторимыми особенностями, которые следует не только беречь, но и всемерно развивать. Этому могли способствовать лишь ответственные предпринимательские структуры, вынужденные изменяться под давлением общественного мнения. Данные процессы запустили выработку новых форм взаимодействия бизнеса и общества: если раньше они существовали в своеобразных параллельных плоскостях, имеющих лишь некоторые точки соприкосновения, то теперь возникла целая система социально-делового партнерства. Предприниматели стали принимать активное участие во всех сферах жизни общества. Представители деловых кругов, конечно, делали это не бескорыстно. Они боялись снижения привлекательности своих товаров и услуг в глазах потенциального потребителя. К подобным результатам могло привести формирование их репутации как производителей с низкой социальной ответственностью. Таким образом, на первоначальном этапе формирования представлений предпринимателей о собственной сопричастности проблемам общества ведущую роль играли факторы риска максимизации потерь от невыгодной позиции в общественном мнении.

Со временем, однако, ситуация стала меняться. Социальная ответственность постепенно становилась неотъемлемой чертой и необходимым условием не просто успешности, но и самого существования предпринимательских структур. В 1960-е годы курсы социальной ответственности были введены в качестве обязательной части учебных планов абсолютного большинства американских колледжей и бизнес-школ. Современные исследователи справедливо полагают, что это, в значительной мере, стало результатом разворачивающейся с участием США войны во Вьетнаме [8]. Постепенно предпринимательская социальная ответственность стала больше, чем просто выполнение требований общества к представителям деловых кругов, она приобрела форму академической области, находящейся в сфере интересов экономистов и философов, социологов и менеджеров. По мере перехода российской экономики к рынку концепции социальной ответственности стали проникать и в нашу страну – сначала в качестве научных положений, а затем и как руководство к действию для субъектов предпринимательства.

Термин "корпоративная социальная ответственность", на первый взгляд, может показаться противоречивым. Неясным остается направление данной ответственности – лишь от бизнеса к обществу или разнонаправленная ответственность предпринимательских структур к социуму и к самим себе. На наш взгляд, нельзя быть частично ответственным. Гуманный и открытый бизнес считается с нуждами каждого индивида, имеющего к нему то или иное отношение. Подобные предпринимательские структуры готовы участвовать во всестороннем развитии общества через поступательное, но не-

прерывное развитие его членов. Только так можно достичь устойчивого положения социума в целом и каждой из его частей, к числу которых может быть отнесен и конкретный субъект предпринимательства.

Особенности институтов корпоративной социальной ответственности все шире обсуждаются в научных кругах, научных, научно-популярных и общественно-политических изданиях. Причиной этого, помимо всего прочего, является высокая актуальность данных проблем, которая определяется "необходимостью осмысления процессов создания нравственного климата и выработки деловой этики, способствующих развитию цивилизованного предпринимательства" [9, с. 286]. Любое современное государство, независимо от социально-политической формации, господствующей идеологии и особенностей существующих экономических отношений, если оно ориентировано на прогресс в хозяйстве и науке, укрепление национальной безопасности и обороноспособности, а, в конечном итоге, сохранение независимости, заинтересовано в повышении благосостояния граждан, полном и всестороннем раскрытии заложенного в каждом из них потенциала. И развитие, и развивающиеся страны должны стремиться к привлечению экономических агентов к решению проблем общества. Подобное участие должно быть осознанным, а не принудительным. Только в этом случае сотрудничество принесет пользу обеим взаимодействующим сторонам, позволит бизнесу стать гуманнее, а обществу перейти на качественно новую ступень развития. В плане развития ответственного предпринимательства Россия пока отстает от ведущих стран Западной Европы и Северной Америки. Но этот разрыв сокращается по мере того, как "среди российских предприятий появляется осознание того, что конкурировать на рынке труда можно не только по уровню заработной платы, но и по объему и содержанию социальных пакетов" [10, с. 400].

Любой субъект предпринимательства является частью общества, в рамках которого он осуществляет деятельность. Бизнес вовлечен в систему общественных от-

ношений, на его становление и развитие решающее влияние оказывают социальные ценности и нормы. Общество участвует в жизни бизнеса на каждой из стадий становления и развития. И этим участием оно заставляет вносить коррективы в управленческую стратегию, принимаемые управленческие решения. Таким образом, общество (пусть в большинстве случаев косвенно) является одним из субъектов управления бизнесом. В сфере внимания данного субъекта управления как раз и находится институт корпоративной социальной ответственности, развитие которого в значительной мере представляет собой социальное управление, ориентированное на успех как конкретного бизнеса, так и общества в целом. Каждая из сторон управленческого взаимодействия в данном случае будет прикладывать все усилия для достижения поставленных стратегических целей и решения сформулированных в соответствии этими целями тактических и оперативных задач. Конечно, это возможно лишь при выполнении целого ряда условий: зрелости бизнеса, его готовности к взаимодействию с обществом на пути ускорения социального прогресса, а также определенной открытости самого общества, наличия в нем отлаженных механизмов социального регулирования деятельности хозяйствующих субъектов. Применяя термин "корпоративная социальная ответственность", мы, прежде всего, имеем в виду ответственное отношение предпринимательства, вне зависимости от его организационно-правовой формы и особенностей развития, к своей роли в обществе. Стремительное развитие институтов социальной ответственности современного бизнеса представляет собой важнейший фактор обновления систем общественных и экономических отношений, модернизации всех сторон жизни социума. Гуманный бизнес третьего тысячелетия не может не вести себя ответственно по отношению к социуму, в котором он существует. Эта ответственность, в конечном итоге, должна стать одним из главных факторов движения вперед на пути построения государства и общества всеобщего благоденствия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабаева Л.В. Новые ориентиры в развитии общества // Социологические исследования. 1995. № 9 – С. 110–113.
2. Ракитов А.И. Наука и устойчивое развитие общества // Общественные науки и современность. 1997. № 4 – С. 5–11.
3. Басовский Л.Е., Басовская Е.Н. Маркетинг. – М.: ИНФРА-М, 2010. – 432 с.
4. Фатхутдинов Р.А. Управленческие решения. – М.: ИНФРА-М, 2003. – 314 с.
5. Басовский Л.Е. Менеджмент. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 216 с.
6. Бизнес и права человека: практическое пособие. – М.: Агентство социальной информации, 2009. – 160 с.
7. Пучков О.А. Социальная свобода. Теоретико-правовые вопросы сущности. – Екатеринбург, 1999. – 259 с.
8. De George R.T. A History of Business Ethics [Электрон. ресурс] // <http://www.scu.edu/ethics/practicing/focusareas/business/conference/presentations/business-ethics-history.html>
9. Корпоративная социальная ответственность // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3. № 3 – С. 285–286.
10. Плотникова Е.В. Социальная политика современных российских предприятий: традиции и инновации // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3. № 3 – С. 397–408.

Я-СУБЪЕКТ В УСЛОВИЯХ ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

I-SUBJECT IN THE CONTEXT OF LEGAL DISCOURSE

O. Krapivkina

Annotation

The use of the personal pronoun I and its paradigmatic forms in the context of legal discourse is in the focus of the article. The meaning of the pronoun I from foreign and Russian researchers' points of view is investigated as well.

Keywords: Subject, utterance, pronoun, deixis.

Крапивкина Ольга Александровна
К.филол. н., доцент кафедры
иностранных языков,
Иркутский государственный
технический университет

Аннотация

В статье рассматривается употребление личного местоимения я и его вариативных формах в условиях юридического дискурса. Исследуется семантика данного местоимения с позиций зарубежных и отечественных лингвистов.

Ключевые слова:

Субъект, высказывание, местоимение, дейксис.

Ведущим признаком субъекта как категории дискурса является его "присвоение" посредством саморепрезентации. Язык предоставляет большое количество вариантов для репрезентации самых разнообразных оттенков видения субъектом своего места в создаваемом им дискурсивном мире.

Каждый дискурс несет в себе определенные антропологические следы, следы присутствия своего индивидуального, творческого, неповторимого "я", которое является конститутивным свойством человека, или, по М. Фуко, "знаки, отсылающие к автору" [14; 27].

Степень проявления антропологических следов в юридическом дискурсе обусловлена степенью его персонализированности, которая детерминирована типологическими характеристиками субъекта: либо это субъект-индивидуум, свободный в своем волеизъявлении и отсылающий к себе с помощью местоимения я, либо институциональный субъект, зависимый от Другого – дискурсивного экспертного сообщества (ДЭС) – и скрывающий свое "я" за безличными формулировками. В фокусе внимания настоящего исследования находится субъект первого типа и особенности его репрезентации в условиях юридического дискурса.

Местоимение я еще в работах В. фон Гумбольдта связывалось с осознанием личности говорящего. Личные местоимения традиционно определяются в лингвистике как эгоцентрические слова, относящиеся к прагматической парадигме языка (Э. Бенвенист, А.В. Кравченко, М.Я. Блох, К. Бюлер др.). Из них только местоимение я – центр эгоцентрической системы, ее точка отсчета – эксплицируют, по словам Л.М. Ковалевой, "прототипического

субъекта – субъекта в 1–м лице единственного числа" [6; 68], субъекта речи, соотносящего все со своей точкой зрения в момент "присваивания" себе языка [12; 55], являющегося, по Э. Бенвенисту, опорной точкой для проявления субъективности в языке [2]. Я употребляется для обозначения самого себя, своей сущности, себя как личности [4; 1530]. Субъекты в остальных формах лица и числа допускают, как отмечает О.Л. Бодягина, "деперсонализацию высказывания" [3; 13–15].

Содержание семантики местоимения я вызывает определенные разногласия среди лингвистов. Так, способность местоимения указывать на субъекта высказывания дает некоторым исследователям повод рассматривать его как средство индивидуализации (Е.М. Вольф, В. Фляйшер и др.). Как отмечает Е.М. Вольф, личные местоимения являются индивидуализирующими обозначениями наряду с именами собственными. Правда, служить средством индивидуализации, поясняет Е.М. Вольф со ссылкой на Р. Якобсона, они могут только "опираясь на дополнительную информацию, полученную из текста или коммуникативной ситуации" [5; 24].

Индивидуализирующая роль местоимения я вызывает обоснованные возражения у О.Н. Селиверстовой, которая полагает, вслед за Э. Бенвенистом, что местоимение я, в отличие от имени собственного, не становится постоянным обозначением того или иного лица. На этом основании О.Н. Селиверстова делает вывод, что оно не может выполнять индивидуализирующую функцию. Оно носит "отсылочный характер": отсылает к автору речи как к тому, кто идентичен индивидуализированно представленному участнику события [10; 26–36]. Аналогичный подход мы находим и в работе

Т.Н. Семеновой, которая пишет, что "личные местоимения осуществляют в тексте конситуативно связанное назывное указание, функционируя как прагматические переменные, отражающие релятивные признаки обозначаемых объектов (указывающие на отношения своих референтов к говорящему) в рамках протекающего акта речи" [11; 20].

"Знак я, – пишет Э. Бенвенист, – не принадлежит языку, и каждый раз создается в актах речи" [2; 286]. "Такое я, – отмечает П.А. Флоренский, – есть чистая субъективность, подлежащее, ничуть себя не раскрывшее и невысказавшее, а потому никак не соотношенное с действительностью и, следовательно, начисто лишённое объективности и воплощения <...>. Оно индивидуализирует субъекта высказывания, вступая в связь с именем собственным, непременно через имена, без имен же означающее все что угодно, а потому – ничего определенного" [13; 82–83].

Вслед за О.Н. Селиверстовой отметим, что своеобразие местоимений я, I заключается в том, что они всегда показывают, что "актант ситуации представлен как личность, индивидуальность и эта личность тождественна самому говорящему" [10; 29–32]:

[1] I give and bequest all of my interest in the following property ... to the persons or entities as follows [19].

[2] Все мое имущество я завещаю Литвиновой Надежде Викторовне.

Местоимения я, I в приведенных примерах точно отсылают к субъекту волеизъявления, характеризуя его как уникального индивида. В юридическом дискурсе в их значении может содержаться и дополнительная информация. Так, в завещаниях я, I не только представляет индивида в его единственности, но и позволяет заключить, что субъект высказывания является дееспособным лицом, достигшим 18 лет, которое может вполне сознательно относиться к существу его завещательных распоряжений.

Таким образом, отсутствие у я устойчивой денотативной соотношенности "не позволяет, тем не менее, рассматривать его как "пустую" метку, употребляющуюся вместо имени, оно "обозначает отношение самого мыслящего к тому, о чем он мыслит" [9; 163]. Его местоименное значение определяется через понятия указательности и характеристики лица – референта. Оно отражает онтологическую сущность самого субъекта речи [1; 58–60], характеризует его как уникального индивида, представляет в языке человеческое существо в процессе осмысления мира и самого себя в этом мире [2; 285 – 300].

Помимо представления субъекта в его единственности, местоимения я, I субъективируют высказываний, придавая изложению личностный и не претендующий на аб-

солютную истину характер. Как заметил П.А. Флоренский, "когда в разговоре мы говорим Я, ты, он и прочее, это делается или потому, что ономотологическое предсцирование уже сделано и подразумеваемо содержится в этих местоимениях – вместиимениях, или же в смысле обратного ухождения из объективности в сокровенную субъективность, и тогда становится психологизмом" [13; 85]. Если первое употребление местоимений, следуя точке зрения П.А. Флоренского, заключается в замещении имен – функции, отмеченной Г. Суитом, Л. Блумфильдом и др. [Sweet, 1930; Блумфильд, 1968 и др.], второе – наполняет высказывание субъективным смыслом. Проиллюстрировать эту особенность могут следующие высказывания:

The path it has taken to reach its outcome will, I fear, do damage to this institution [18].

Я убежден, что полномочия Президента не могут произвольно выводиться из его статуса [16].

С помощью местоимений я, I, сопровождаемых модусными предикатами опасения и уверенности, индивид сигнализирует, что сказанное является личным, имеет для него статус субъективной истины. Я–высказывания "лучше всего отвечают потребностям в самовыражении" [8; 123], "несут в себе оттенок самоутверждения", согласно

И.С. Кону [7; 134].

Придавать высказываниям субъективный смысл помогают и модусные предикаты знания и мнения, сомнения и волеизъявления, употребляя которые субъект позиционирует себя как мыслящего, сомневающегося, волевого индивида. Эти предикаты придают последующему утверждению определенный субъективный контекст – сомнение, предположение, заключение, – который характеризует отношение субъекта к пропозиции. Это проявление субъективности, как отмечает Э. Бенвенист, обнаруживается только в первом лице [2; 298]:

Я полагаю, что, будучи осужденным за покушение на преступление, должен считаться отбывающим наказание тяжкой, а не особо тяжкой категории [15].

Используемый в примере предикат мнения связан с "семантикой уверенности в достоверности высказываемой пропозиции" [6; 249]. Субъект демонстрирует, что его высказывание может трактоваться как результат субъективного отражения ситуации.

I think that resistance to the United States means some forcible act of opposition to some proceeding of the United

States in pursuance of the war [17].

Предикат think, следующий за местоимением I, согласно Л.М. Ковалевой, "обозначает мыслительный процесс" и "характеризуется вероятностной модальностью" [6; 250]. Он номинирует мнение–оценку Субъекта, которое он выводит, исходя из личного опыта и знаний, что свидетельствует о выражении им индивидуальной точки зрения.

Таким образом, я, I – это не только и не столько действительные знаки. Они имеют собственное значение, отражая онтологическую сущность Субъекта, характеризуя его как личность.

В заключение хочется отметить, что институциональные жанры юридического дискурса, которым мы отнесли закон, судебное решение, договор и некоторые другие, будучи продуктами ДЭС, представляют собой среду, которая ограничивает употребление местоимения я и его вариативных форм. В то же время в текстах персонализированных юридических жанров (завещание, особое мнение судьи, судебная жалоба) эти местоимения употребляются весьма регулярно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антропологическая лингвистика: Концепты. Категории / под ред. Ю.М. Малиновича. М. – Иркутск, 2003. 251 с.
2. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
3. Бодягина, О.Л. Полифакторный подход к выбору актанта на роль подлежащего (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук / О.Л. Бодягина. Барнаул, 2003. 207 с.
4. Большой толковый словарь русского язык / под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
5. Вольф, Е.М. Грамматика и семантика местоимений / Е.М. Вольф. М.: Наука, 1974. 224 с.
6. Ковалева, Л.М. Английская грамматика: предложение и слово / Л.М. Ковалева. Иркутск, 2008. 397 с.
7. Кон, И.С. Открытие "Я" / И.С. Кон. М.: Политиздат, 1978. 156 с.
8. Милосердова, Е.В. Семантика и прагматика модальности (на материале простого предложения современного немецкого языка) / Е.В. Милосердова. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. 196 с.
9. Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. М.: Учпедгиз, 1956. 511 с.
10. Селиверстова, О.Н. Местоимения в языке и речи / О.Н. Селиверстова. М.: Наука, 1988. 151 с.
11. Семенова, Т.Н. Семантика индивидуализации и ее отражение в тексте / Т.Н. Семенова. М., 2001. 345 с.
12. Серебренникова, Е.Ф. Способы представления лица личными местоимениями во французском языке / Е.Ф. Серебренникова. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1997. 200 с.
13. Флоренский, П.А. Имена / П.А. Флоренский. СПб.: Авалань, Азбука–классика, 2007. 336 с.
14. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко. Киев: Ника–Центр, 1996. 208 с.
15. Жалоба в Конституционный суд РФ [Электронный ресурс]. – URL: http://msk.ukon.su/news-moscow_175.html.
16. Особое мнение Лучина В.О. по Постановлению Конституционного суда РФ № 10–П (1995) // СПС Консультант Плюс.
17. Justice Holmes' Dissenting, *Abrams v. United States* (1919) [Electronic resource]. – URL: <http://www.law.cornell.edu>
18. Justice Stevens' Dissenting, *Citizens United v. Federal Election Commission* (2010) [Electronic resource]. – URL: <http://www.law.cornell.edu>
19. Last Will and Testament of Webster J. (1999) [Electronic resource]. – URL: <http://www.legaldocs.com/htsgif.d/xwill-1.htm>

СУЩНОСТЬ ЛИБЕРАЛИЗМА: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ

Зотов Дмитрий Александрович

ГБОУ ВПО

"Забайкальский государственный
университет", г. Чита

THE ESSENCE OF LIBERALISM: BASIC APPROACHES

D. Zotov

Annotation

The main approaches to studying of liberalism essence are considered in the article, the problem of absence in a modern science a uniform approach to determination of liberalism is designated. The author's approach to a solution of the problem of definition of liberalism essence is offered.

Keywords: Ideology, liberalism.

Аннотация

В статье рассмотрены основные подходы к изучению сущности либерализма, обозначена проблема отсутствия современной науке единого подхода к определению либерализма. Предложен авторский подход к решению проблемы определения сущности либерализма.

Ключевые слова:

Идеология, либерализм.

Уже стало академическим правилом, по крайней мере, в системе наук гуманитарного цикла, приступая к рассмотрению любого феномена, постулировать отсутствие общепринятого и устойчивого понимания его сущности. Понятие либерализма в полной мере отвечает указанному правилу. Несмотря на достаточно большое число исследований этого феномена, однообразия в его определении до сих пор не достигнуто.

По словам Дж. Шварцмантеля сегодня "либерализм – это "многоквартирный дом", идеология, которая имеет множество вариаций" [10, с.83]. Н. Сирота вообще приходит к выводу, что либерализм не имеет общепризнанного и устоявшегося содержания [7, с.23]. В частности, различают либерализм как идейный феномен и как явление социальной практики. Так во Всемирной энциклопедии по философии можно прочесть, что либерализм – это "социально-политическое учение и общественное движение" [2, с.554].

Подобным образом о двойной сущности либерализма говорит В.А. Мельник, определяя его одновременно как систему идей, тип мышления, социально-политическую теорию, политическую доктрину, с одной стороны, и как политическую программу и политическую практику – с другой [4, с.66].

В свою очередь Е.А. Шаталин считает, что понятие "либерализм" "объединяет три разные вещи: идеологию; политическую практику; форму социальной реальности" [9, с.3].

Понятно, что сущность либерализма и как социально-политического учения, и как политической практики определяется либеральной теорией. Поэтому именно ее

анализ находится в центре философских исследований либерализма. Однако в этом анализе необходимо принимать во внимание праксиологическое значение либеральных концепций и идей, так как без учета их связи с социальной практикой невозможен действительный, сущностный анализ его содержания.

Итак, определение сущности либерализма требует, прежде всего, его анализа как идейного феномена. Переходя к исследованию либерализма в этом качестве, мы обнаруживаем большое разнообразие его определений.

Во-первых, либеральные учения различаются по предметному признаку и предстают в качестве философской, политической и экономической теорий [1].

Во-вторых, либерализм выступает в качестве буржуазной идеологии [8, с.241–242].

В-третьих, либерализм характеризуется как выражение "общечеловеческих демократических и гуманистических ценностей" [5, с. 8].

Наконец, в-четвертых, либерализм получает свою характеристику через перечень основных его идей, образующих "идейное ядро" всех его исторических и теоретических концепций. Так, А. Раквишвили основные идеи классического либерализма представляет следующим образом: однозначная поддержка свободной торговли; поддержка государства, как механизма защиты интересов граждан; неприятие государственного вмешательства в экономику за исключением активности правительства, связанной с системой образования и строительством дорог; однозначная поддержка прав индивида на свободный выбор собственного образа жизни, выражаю-

щаяся в неприятии насилия, поддержке свободного предпринимательства, веротерпимости и т.д. [6, с. 36]

Выделяют также центральные идеи отдельно для политического либерализма и экономического. Их можно обнаружить, например, в "Малом энциклопедическом словаре" Брокгауза и Эфрона: "Политический либерализм нашел выражение во французской "Декларации прав человека и гражданина", где были установлены основы гражданских свобод: народный суверенитет, личная неприкосновенность, свобода совести и мысли, слова и печати, граждан, равенство. Либерализм отстаивает начала народовластия и конституционных ограничений против абсолютизма, местное самоуправление против бюрократической централизации, равенство граждан против сословных привилегий, участие общественного элемента в отправлении правосудия и прочее. Либерализм в экономической жизни выставляет требование возможно полной свободы промышленной деятельности от вмешательства государства; отсюда отрицание каких-либо государственных регламентаций и стеснений промышленной и торговой деятельности, требование свободы торговли, невмешательства государства в отношения между предпринимателями и рабочими" [3, с. 338–339].

В противоположность подобным обстоятельным характеристикам либерализма существуют и более лаконичные определения его идейной сущности. Например, такое: "Либерализм – социально-политическое учение и общественное движение, основной идеей которого является самодостаточная ценность свободы индивида в экономической, политической и др. сферах жизни общества"

[2, с. 554].

Наличие множества определений идейной сущности либерализма вызывает необходимость их анализа и упорядочивания. По нашему мнению, определения общего плана являются слишком абстрактными. В частности, они оставляют открытым вопрос, о каких конкретно свободах индивида идет речь. Поэтому такие "краткие" определения либерализма оказываются малопригодными для анализа того или иного конкретного либерального учения.

Определения либерализма, содержащие перечень центральных его идей также имеют свой недостаток, который заключается в отождествлении либерализма с исторически конкретными его принципами. Подобное отождествление приводит к тому, что потеря любого из этих принципов приводит к невозможности квалифицировать соответствующее учение как либеральное. Например, признание необходимости государственного вмешательства в сферу распределения расценивается как противоречащее политике либерализма. Другими словами, если нет принципа полного невмешательства государства в сферу экономики, то нет и либерализма.

По нашему мнению, характеристику идейной сущности либерализма следует давать через дополняющие друг друга определения: общее и конкретное, пригодное для конкретной исторической эпохи. Нам представляются не вполне отвечающими этой задаче уже существующие, перечисленные выше как общие, так и конкретные определения. Однако, рассмотрение данной проблемы является задачей более обстоятельных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Википедия: Интернет-энциклопедия – 2011 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org>, свободный.
2. Всемирная энциклопедия: Философия / гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. – М.: АСТ, 2001.
3. Малый энциклопедический словарь. – СПб.: Изд-во Брокгауз-Эфрон, 1907. – Т.1.
4. Мельник В.А. Политические идеологии: учеб. пособие / В.А. Мельник. – Минск: Высш. шк., 2009.
5. Ойзерман Т.И. Является ли либерализм только идеологией? / Т.И. Ойзерман // Социологические исследования. – 2003. – № 3.
6. Раквишвили А.А. Либерализм: эволюция идей / А.А. Раквишвили. – М.: ЛЕНАНД, 2010.
7. Сирота Н.М. Политические идеологии: генезис и современные формы: учеб. пособие / Н.М. Сирота. – СПб.: ИКЦ, 2009.
8. Философский энциклопедический словарь / ред. Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко. – М.: Инфра-М, 1997.
9. Шаталин Е.А. Либерализм: ценностные основания и идеология / дис. на соиск. уч. степ. канд. полит. наук 23.00.01. / Е.А. Шаталин. – Екатеринбург, 1997.
10. Шварцмантель Дж. Идеология и политика / Дж. Шварцмантель. – Харьков: Гуманитарный центр, 2009.

© Д.А. Зотов, (zotov_d@inbox.ru), Журнал «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики»,

9-я международная выставка экологических технологий и инноваций
23 – 25 октября 2012
Россия. Москва. КВЦ «Сокольники»

СУЖДЕНИЯ О ТРУДЕ И КАПИТАЛЕ

CONSIDERATIONS ON LABOUR AND CAPITAL

Sh. Saifullaev

Annotation

A wrong definition of conception of "labour" is shown. A formule for discovery is given and it is further shown that economics of a society cannot be beneficial due to labour only being in contradiction with the basic lows of nature.

Keywords: Labour, capital, scientific theories and discoveries, lows of logic, economics and nature, Marx, Podolinskiy, Lenin.

Аннотация

Показана ошибочность определения понятия "труд". Представлена формула научного открытия и доказано, что экономика общества не может быть только за счет труда прибыльной и, что это противоречит фундаментальным законам природы.

Ключевые слова:

Труд, капитал, научные теории и открытия, законы логики, экономики и природы, Маркс, Подолинский, Ленин.

Очевидно, что весь наш современный мир со своего происхождения, причем независимо, какое бы само это начало происхождения мира ни было в реальной действительности, бесспорно, покоится на довольно прочном и практически ничем непоколебимом очень твердом фундаменте причинно – следственной взаимосвязи между всеми явлениями и событиями, как в самой природе, так и в любом обществе, хотя, однако, не всем современным пока ещё ученым, как доказывает научно-исследовательская практика, данный реальный факт не вполне очевиден, но особенно в областях, относящихся гуманитарным научным поискам и общественным исследованиям, в том числе в экономике и даже философии.

Также большинству ученых хорошо известно, что в начале любого теоретического поиска и научного анализа, прежде всего, необходимо представить, хоть какое-нибудь например, частное или же, конкретное, или, может, наиболее общее, чем какое-нибудь частное или конкретное, в зависимости от поставленных целей и решаемых задач, определение всем тем объектам природы, предметам и явлениям реальности, которые ученый собрался исследовать и изучать, при этом для достаточности в начальной стадии всех подобного рода изысканий также нужно уразуметь и все те понятия предмета или явления, которые могут или должны войти в ими данные основные определения объекта для последующего выявления причинно – следственной связи между всеми явлениями и событиями. Этому именно и посвящена данная работа на примере понятий "труд" и капитала, где проанализированы ошибочные определения труда и иссле-

дованы источники различных видов накоплений – капиталов. [1–7, 12–17]

В связи с такой задачей необходимо начать анализ с разносторонних возможных определений своих предметов из различных источников, в том числе словарей и энциклопедий, что удобней всего начинать, очевидно, со словаря русского языка С.И.Ожегова, а сами предметы нашего научного поиска и логического исследования – это есть экономические понятия и философские одновременно категории "труд" и "капитал", в том числе также и все логические понятия, входящие в сами эти их научные определения.

Общим и вполне очевидным результатом такого известного метода может и должно быть выявление и достижение возможных доказательств, которые имеются в действительности, как существующие реальности диалектики природы, по крайней мере, хотя бы некоторых причинно-следственных связей между всеми этими словами, как между понятиями и категориями, и диалектики и её логики, и существующей реальности бытия, что в своей совокупности, возможно, лишней раз способствует, как развитию самой диалектики, так и доказательству реальной силы и мощи диалектической логики и диалектического мышления человека, являющегося и вершиной, и мощью интеллектуального мышления личности, которую может, создает в процессе труда, но только не любого труда, а как будет очевидно далее, в основном интеллектуального труда, скрытый внутренний стимул к познанию и внутреннее стремление человека к созидательному творчеству. Очевидно также и то, что кор-

невой, то есть смысловой основой любого творчества, без каких-либо разделений творчества на виды, формы и типы, может быть только понятие "труд", в силу чего и начнем свой анализ с труда. [4–7]

Итак, труд -

во-первых, это есть, целесообразная деятельность человека, направленная на создание с помощью орудий материальных и духовных ценностей;

во-вторых, это есть работа или занятие;

в-третьих, это усилие, направленное к достижению чего-нибудь;

в-четвертых, это есть результат какой-либо деятельности или работы, в результате которой появилось произведение, и т.д., что, естественно, для всех наших здешних нужд уже и этих пояснений из словаря вполне достаточно.

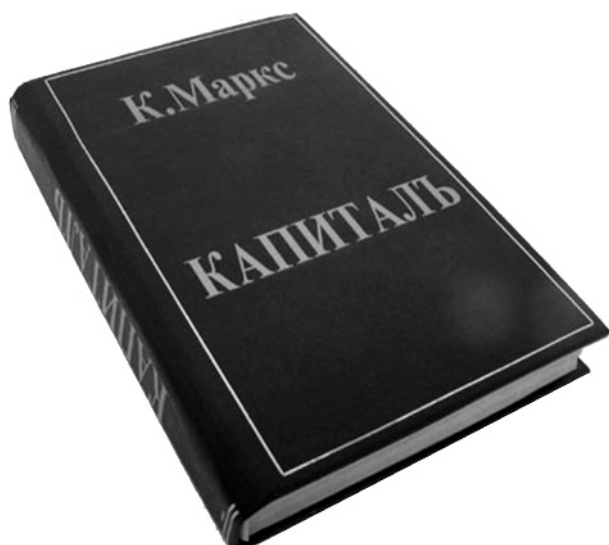
Из числа этих определений для нас достаточно даже только одно первое определение, но для всей полноты анализа необходимы все же, три первых определения, в которых новые все понятия, требующие собственных ещё и новых определений следующие: целесообразная деятельность, работа, усилие и занятие. Однако, по определению всё того же, словаря С.И.Ожегова, понятие "целесообразная деятельность" – это есть обычно не более чем, как имеющее соответствие какой-либо поставленной цели, всегда разумное и практически полезное занятие или же, труд, причем занятие, в свою очередь – это есть также дело, труд или же работа, которой занят человек, а усилие – это есть только напряжение всего-навсего каких-нибудь сил. И, в то же время, работа – это есть опять же, ни что иное, как занятие или труд, или же дея-

тельность, что есть, на наш взгляд, и в действительности является, как очевидно, не более чем "масло масляное", то есть, это является элементарной тавтологией, так как ещё раз, очевидно, что все эти понятия в данном словаре определены через друг друга, то есть нелогично, и из-за такой возможности и необходимо знание, хоть в кратком виде основных законов и правил логики.

Во всех этих определениях с точки зрения логики нарушены сразу два основных правила их формулирования, а именно: первое – это то, что любое определение должно быть соразмерным, то есть адекватным, и второе – определение не должно содержать в себе логического круга, то есть не должно определяться через производные от имени определяемого.

Во всех этих определениях здесь в первом случае смысл и реальный объем понятия "труд" сужены до уровня "деятельности", а во втором же случае "труд" определен через себя или свои производные – работа, занятие и т.д.

Таким образом, определение понятия "труда" по словарю С.И.Ожегова, как теперь это оказывается, не совсем пригодно с научной точки зрения, а тем более, оно непригодно для диалектико-логического его использования при научно-логическом анализе. Возможно, такого рода определения понятий и категорий, может и достаточно для их обиходного использования, для их примитивного применения человеком, у которого уже есть или сложился в течение жизни не совсем адекватный свой стихийный стереотип какого-либо "здорового смысла". Попутно нам необходимо заметить, что любая начальная трудовая деятельность всех первобытных людей, которая уже по самому определению являющаяся целесообразной, по смыслу в своей сути должна содержать, как очевидно, логическую, каузальную основу смысла труда, то есть причинно-следственную связь возникновения самого процесса труда, как первобытной человеческой деятельности и одну из новых потребностей, превратившуюся на каком-то одном определенном этапе предысторического эволюционного развития человека в его жизненно необходимую, желанную и мотивированную цель. Добавим к сказанному о логичности и каузальности диалектики и её диалектического метода, что в данном конкретном случае поставленная человеком перед собой цель труда, наверняка, очевидная не только нам, является ничем иным, как лишь превращенной формой самой причины возникновения первобытного человеческого труда и, тем самым, начала трудовой деятельности человека, что, очевидно, и позволяет нам диалектический метод понимать и трактовать, как причинно-следственный, то есть каузальный именно способ обоснования и исследования природы и общества – анализа реальной действительности, в отличие от различных взглядов и мнений западных философов и экономистов [4 – 6, 11, 12 – 17]

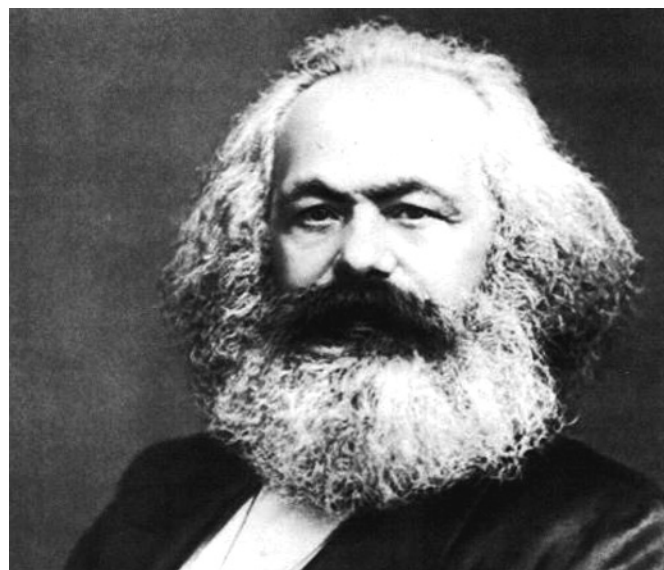
А теперь же, обратимся к определению понятия "капитал", причем по тому же словарю, откуда уже имеем: капитал – это есть стоимость, которая в результате эксплуатации наемной силы и труда человека приносит некую прибавочную стоимость. Здесь теперь уже последующему определению подлежат ещё два новых логических понятия или экономических категорий – это есть "стоимость" и "прибавочная стоимость", у которых в основании, как это, видно, лежит ещё одно новое понятие – это "товар", причем стоимость определяется как количество общественно необходимого человеческого труда, затраченного на производство товара и, тем самым, овеществленного в этом товаре, а прибавочная стоимость – это есть часть стоимости, которая производится наемными рабочими сверх стоимости рабочей силы и далее присваивается капиталистом и, в свою очередь, товар – это есть продукт труда, изготовленный или для обмена, или же, для продажи. [4 – 6, 12 – 17]

Если в самом определении понятия "труд" по словарю С.И.Ожегова имелись логические противоречия, что было выявленные без какого-либо нашего обращения к иным возможным источникам этих определений, то в определении понятия "капитал" таких явных противоречий пока что нет, хотя в Экономическом словаре за 1999 год понятию "капитал" было дано уже следующее определение: капитал – это то, что способно приносить доход, или это ресурсы, созданные людьми для производства товаров и услуг, или же, это есть вложенные в дело, функционирующий источник в виде средств производства. Здесь нужно отметить, что для четкого и ясного представления смысла этих понятий нам необходимо обратиться к ещё некоторым другим доступным источникам и попытаться найти в таком логико-грамматическом сравнении реальную истину в определениях труда и капитала.

Так, например, в БЭС РФ за 1997 год дано следующие определения этим основным понятиям экономики: труд – это есть целесообразная деятельность человека, направленная на сохранение, видоизменение, приспособление среды обитания для удовлетворения своих потребностей, на производство товаров и услуг, и при этом капитал – это есть созданные человеком ресурсы, которые, используемы для производства товаров и услуг, и тем, приносящие какой-либо доход, хотя самого определения понятия "доход" не дано в этой энциклопедии, но тем не менее, там имеется производное от понятия "доход" и это понятие "прибыль", чем мы и должны далее пока довольствоваться: прибыль – это есть обобщающий показатель финансовых результатов любой возможной хозяйственной деятельности, представляющая собой излишек выручки от продажи товара над всеми материальными и иными затратами, которые были необходимы на их производство и реализацию. Эти и многие подобные определения философских и экономических понятий есть плод труда не советских, а некоторых российских

ученых – псевдо философов и экономистов, чья ущербная философская и экономическая алогичность будет и без наших каких-то дальнейших комментариев понятна при логическом сравнении их определений с другими, из иных научных, энциклопедических и словарных источников подобный же определений всех этих понятий.

Поэтому вернемся опять к словарю С.И.Ожегова: доход – это деньги или материальные ценности, получаемые от предприятия или какого-нибудь рода деятельности, а прибыль – это есть сумма, на которую доход превышает все затраты, что примерно таким же образом обстоятельно подтверждено и в Экономическом словаре России. Здесь следует отметить, что во времена Маркса до его труда "Капитал" определение "труда" представлялось ученым в двух вариантах, а именно: труд – это простая "физиологическая" затрата энергии, измеряемая длительностью усилий, проработанным временем или, второй вариант этого определения того времени: труд – это производство: опредмечивание той или иной идеи с помощью той или иной энергии и орудий. Первое из этих двух определений якобы должно характеризовать первобытный труд человека и относится к древней стадии производства, а второе, классическое, определение якобы должно представлять теперь уже характеристику развитой стадии производства, имевшегося в XIX веке. В обоих определениях также нарушены правила логических построений, но, так как в своих рассуждениях мы во времени все ещё находимся пока что только у истоков научного понимания и осознания причин возникновения труда, то нас из определений середины XIX века будет временно устраивать даже хотя бы только следующее, обобщенное или синтезированное уже нами определение, которому мы придали следующий вид: труд – это есть простая "физиологическая" затрата энергии на производстве для опредмечивания какой-нибудь человеческой

идеи с помощью орудия и какой-либо энергии.

Такой искусственный синтез определений до Марксовской экономико-философской эпохи нельзя считать сейчас отвечающим нашим современным понятиям и представлением, но именно это искусственно синтезированное на время определение труда, на наш взгляд, более логично передает основные свойства и главную сущность примитивного человеческого труда, и, вместе с тем, осознанного уже труда древнего человека, что в отличие от предыдущих определений, позволяет нам заглянуть в смысловую сущность первобытной трудовой деятельности, хотя бы наших древних предков, вследствие чего такое представление о труде человека дает первую возможность, наконец-то, понять происхождение не только истоков, но и причин возникновения капитала, что не совсем верно было представлено и отражено "Капитале", хотя, на наш взгляд, Карл Маркс всё же, смог бы исправить эту свою явную логическую ошибку, если бы только сам смог дописать весь свой "Капитал", заметим, что если бы только, особенно после знаменитого письма к нему С.А.Подолинского, Карл Маркс сам бы смог, бесспорно, полностью до конца, дописать свой фундаментальный труд, так как, конечно же, в отличие от Карла Маркса, его "Капитал" нам всем известен – то всё же полностью весь, что и позволило нам, может быть, разглядеть его логические ошибки [8–10].

Советское философско-экономическое определение понятия "труд" по "Капиталу" имеет следующее выражение: труд – это "прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой", и далее, у самого Карла Маркса уже следует: "простыми моментами процесса труда являются следующие: целесообразная деятельность, или самый труд, предмет труда и средства труда". При этом сам же капитал по трудовой теории Карла Маркса в его "Капитале" может возникать лишь на такой ступени развития товарного производства, когда любая рабочая сила уже сама может становиться и должна быть товаром, и образуется из той самой прибыли, которая, являясь собственно прибавочной стоимостью, создается трудом наемных рабочих и практически полностью присваивается обычно собственником капитала.

Однако, забегая вперед в своих рассуждениях, можно здесь отметить то, что в нашем представлении, истинный источник капитала Карлом Марксом не совсем правильно определен и не очень верно интерпретирован, что будет достаточно очевидно вытекать из последующего анализа, а, следовательно, Карлом Марксом не совсем верно выявлен и сам момент, то есть, истинный источник возникновения любого капитала, хотя частично он, несомненно, был в то время прав, и его основные выводы остаются до сих пор абсолютно верными и никем ещё на

сегодняшний день научно-логическим образом обоснованно не опровергнуты, а экономический крах всей системы якобы социалистического хозяйствования этому ни в какой мере не может быть научно-логичным доказательством по множеству вполне известных и ещё не столь широко многим известных – научно пока не осознанных причин.

В после уже Марксовской экономической эпохе улучшить это научное определение или же каким-либо образом хотя бы переопределить его, а, следовательно, тем самым, может, преднамеренно, исходя, может, из неких корыстных целей приуменьшить его истинное значение для философии и экономики пытались многие псевдо ученые философы и экономисты, хотя нам, тем не менее, доподлинно пока ещё неизвестно полностью сознательно ли они всё это пытались делать или нет, но, пробуя и пытаясь, тем самым, доказать якобы телеологичность диалектической логики и алогичность всей диалектики. Однако, диалектика – это есть наука о наиболее общих законах развития не только природы, но и общества, и мышления человека, и потому не Карл Маркс же, виноват в том, что очень многие мыслители, в том числе и знаменитые философы, психологи и экономисты XX века, а также многие политики, социологи и финансисты, так и не смогли до логического конца понять хотя бы только одну лишь суть его главного труда, уже не говоря и не вспоминая об осознании истинного смысла, а кроме того, также до сих пор все они так и не могут себе представить все сущности его "Капитала", что до настоящего времени удавалось очень и очень не многим. Именно потому-то, не поняв и не осмыслив этот труд Карла Маркса, такие псевдо ученые так и не смогли не только осознать всю ценность, хотя бы лишь для себя, его этого интеллектуального труда – шедевра, но и найти в нем, как бы им этого, ни хотелось и как бы они не пытались, следовательно, допущенные все-таки им в "Капитале" непреднамеренно несколько существенных логических ошибок в построениях своих соритов или полисиллогизмов, что вполне очевидно по абсолютному бессилию всей критики сути его главного труда. [4, 12–17]

Изучая основные труды предшественников – экономистов и философов, включая и великолепную для своего времени экономическую диалектику Ж.Прудона, в том числе и диалектику Г.Гегеля, Карл Маркс, тем не менее, сам не совсем в полной мере сумел преуспеть в истинном представлении самой диалектики природы и общества, в силу чего именно он сам не только вполне мог бы, даже, несмотря на свой высокий интеллект, заблуждаться относительно определения понятия "труд", а, следовательно, и "капитала", но и, что вполне естественно, мог допустить довольно серьезные ошибки в выявлении источников возникновения и интерпретации причин появления прибыли и капитала от человеческого труда, что, тем не менее, в принципе не умоляет вообще-то достоинство,

значимость и всю ценность его "Капитала", который так и остался им незавершенным, как один из великих научно-философских и экономических шедевров во всей истории интеллектуального творчества человечества, и является сегодня непревзойденной самой главной вершиной философии, экономической мысли и диалектического мышления.

Ведь главная ценность "Капитала" Карла Маркса не в том, бесспорно, что в этом научном труде автор исследовал экономику и смог показать всем истинную суть экономики капитализма, и смог тем самым даже предсказать многие негативные последствия такой экономики для всего человечества, а совершенно в другом: в своем фундаментальном труде Карл Маркс смог всем продемонстрировать намного более важную суть нашей действительности, а именно: всю мощь и силу методов диалектической логики в исследованиях законов природы и общества, чего так чрезмерно и страшились практически все его прошлые критики и боятся современные оппоненты, то есть иными словами, то Карл Маркс дал своим "Капиталом", если образно выразиться, всем голодным по знанию не одну только "рыбу" для утоления голодной любознательности, и даже не только "удочку" для ловли этой "рыбы", но и обучил методам, как "удочку" соорудить и потом ещё и как её пользоваться – "удить" знания, чего больше всего и побаиваются все догматы и демагоги, исполняющие роль псевдо мыслителей и якобы ученых, вполне возможно, по специальному идеологическому заказу, чтобы никто из образованных людей не смог научиться методам диалектического – логическому мышлению!

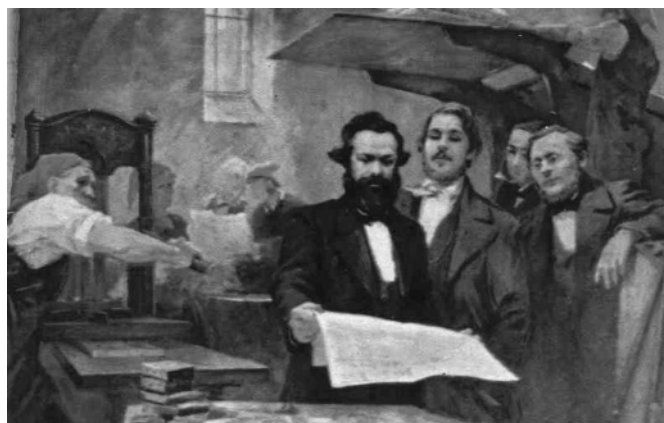
Теперь же, в заключение, приведем довольно простой пример для полной ясности и очевидности всего выше сказанного, но особенно для того, что содержит в своей сути одно из научных открытий в экономике, а именно то, что труд не является источником богатств, при этом численные показатели в примере мы округляем для удобства, так как этот пример не есть численный, а демонстрация лишь метода расчета истинной сути труда человека. [1,2,5,6]

Итак, допустим, что какой-то земледелец с помощью простой мотыги или, может, лопаты и серповидного ножа или же серпа, причем без какого-либо применения плуга и животной тяговой силы, работая, например, 100 дней смог получить урожай пшеницы в объеме 20-ти центнеров с двух гектаров им обработанной земли, так как большую площадь земли один человек, просто не сможет обработать с помощью мотыги или лопаты и ещё своевременно засеять, а после же и убрать весь урожай за один сезон. При этом он затратил всего 50 килограмм посевных семян и свой стодневный физический труд. Урожайность пшеницы принята здесь минимальной, а именно: 1 к 40, то есть это 10 центнеров с одного гекта-

ра, а калорийность пшеница всегда была равна примерно 2 – двум килокалориям на один грамм или двум тысячам – 2 000 Ккал на килограмм пшеницы. И после этого, можно спросить: Какой же доход и прибыль смог получить с помощью простого труда этот земледелец?

Посчитаем, прежде всего, то, что именно он смог внести – потратить для этого, то есть вынужденно потерять для получения такого урожая: 50 кг посевных семян – это 100 тысяч килокалорий, 100 дней своего труда – это ещё порядка 200 тысяч килокалорий, в силу лишь того, что он мог тратить на свой физический труд ежедневно примерно по 200 Ккал в день при десяти часовой работе, но при 10-ти процентном КПД человека, земледелец всегда должен был употреблять ежедневно в виде пищи, как известно, минимум по 2000 Ккал, что также является, очевидно, его необходимыми для реализации своего физического труда в этом деле реальными затратами, а, значит, весь урожай земледельца, очевидно, равен 4-м миллионам килокалориям, при этом прибыль его должна составлять, не считая пока, конечно же, стоимости лопаты и серпа, или же, их амортизацию, 3,7 миллионов килокалорий!

А если учесть амортизацию орудий труда, это на 100 тысяч меньше, в силу того, что стоимость амортизации любых орудий труда или средств производства обычно должно быть, как правило, всегда меньше стоимости труда всех людей ими замещенных, в противном случае не будет никакого смысла в использовании машин и механизмов вместо человека, так как будет намного дешевле всякому собственнику вместо лошади использовать пять наемных рабочих, а вместо трактора – пятьсот человек, и т.д., и т.п. Однако же, посчитаем реальную прибыль с рентабельностью такого "производства: общий доход равен 4 млн. Ккал, весь расход – 400 тысяч Ккал, итого: чистая прибыль равно, как видно, 3,6 млн. Ккал, а рентабельность – 1000%! Откуда же могла взяться такая прибыль, из-за чего же появилась столь огромная рентабельность, причем при не столь великих реальных энергофизических – трудовых затратах человека, как в этом случае – в 20 тысяч килокалорий?

Итак, из этого примера уже вполне очевидно то, что совершенно никакой человеческий труд, в том числе и на любом производстве, никак не может и не способен приносить ничего рентабельного для жизнедеятельности самого трудящегося человека и всего общества – этот труд человека является всего лишь необходимыми затратами в экономике, а всю реальную прибыль принесли земная почва с водой да Солнце, то есть, если иными словами, то только одна, лишь наша планета со своими различными ресурсами и самой нашей природой на Земле, включая и Солнце, способствуют рентабельности человеческого целенаправленного труда и позволяют получать посредством труда человека какую-либо прибыль, в том числе и на любом производстве, которые в своей совокупности – сырьевые и энергетические ресурсы, по определению вообще никак не могут и в принципе никогда не должны принадлежать абсолютно никому или принадлежать всем в равных долях!

А вот как именно вся эта реальная прибыль от нашей общей планеты и природы теперь может распределяться в каждой экономической эпохе или формации – это уже совершенно другая проблема, из чего логическим образом может и должна следовать такая наука, как политическая именно, в нашем представлении, экономика, которая уже, в свою очередь, не только должна, но, и обязана, далее исследовать, по какому принципу оплачивать

труд человека, и определять, каким образом могут и должны распределяться результаты человеческого труда в каком-нибудь обществе людей, что должно зависеть, очевидно, прежде всего, теперь только от качества психологии самих людей, воспитанных в этом обществе – от их морального уровня и степени, достигнутой ими ответственности – гуманности и человеколюбия.

Ведь ни один собственник – хозяин производства никогда не платил и никак не платит за сырьевые и энергетические ресурсы нашей планеты, так как он платил и платит лишь за добычу их из недр планеты и их доставку на производство, в силу того, что любой собственник ничего не платит за их природную внутреннюю суть – их физическую ценность для производства, которая была накоплена планетой в течение всей её историей и сохранена до нашего времени не посредством труда человека, и которая, являясь самой главной ценностью, принадлежит не только одному лишь собственнику производства, а всем землянам и их потомкам. Именно эту самую главную суть рентабельности любого производства не смогла раскрыть и показать классическая политическая экономика, в том числе она не вскрыта и в "Капитале" Карла Маркса, не говоря уже об остальных классиках философии и экономики от Адама Смита, причем до В.И.Ленина и, до наших дней.

ЛИТЕРАТУРА

Ш.Р. Сайфуллаев:

1. "Первые шаги к новой экономической теории". СПб, 2000 г.
2. "Описания и формулы научных открытий в экономике". СПб, 2000 г.
3. Научные открытия и законы в философии и экономике. СПб, 2001 г.
4. "Эволюция и природа интеллекта". В 2-х томах, СПб, 2005 г.
5. "Человек, труд и "Капитал"! Научно-аналитический сборник ЕАЕН – Европейской Академии Естественных наук, № 6. Ганновер, 2011
6. "Труд, капитал и производство. Научно-аналитический сборник ЕАЕН – Европейской Академии Естественных наук, № 7. Ганновер, 2012 г.
7. Создаем вместе новую экономическую теорию? Интернет-журнал "Капитал страны". 04.04.2012 г.
8. С.А.Подолинский. Труд человека и его отношение к распределению энергии на планете. Журнал "Слово" № 4, 5, СПб, 1880 г.
9. В.С.Чесноков. Сергей Андреевич Подолинский. 1850–1891. М., 2006 г.
10. Б.Е.Большаков. Анализ критики Ф.Энгельсом взглядов С.А.Подолинского. Докторская диссертация. М. 1999 г.
11. А.Г.Войтов. История экономических учений. М., 2006 г.
12. Р.Р.Сайфуллаева, А.А.Горбунов, Ш.Р.Сайфуллаев, В.Г.Тыминский и др. Новые экономические теории и мысли об обществе и философии. Научно-аналитический сборн. ЕАЕН, № 1. стр. 88–123, Ганновер, 2010 г.
13. А.А.Горбунов, В.В.Лукоянов, Ш.Р.Сайфуллаев, В.Г.Тыминский. Политика, экономика и стратегия государства ... Научно-аналитический сборник ЕАЕН, № 1. стр. 124–183, Ганновер, 2010 г.
14. Е.Ш.Сайфуллаева, Т.Ш.Сайфуллаев, Р.Р.Сайфуллаева, Ш.Р.Сайфуллаев. Философия логического и психология интеллектуального мышления. Научно-аналитический сборн. ЕАЕН, № 1. стр. 200–235, Ганновер, 2010 г.
15. Р.Р.Сайфуллаева, А.А.Горбунов, Ш.Р.Сайфуллаев, В.Г.Тыминский. Космологическая гипотеза и антропный принцип в философии. Научно-аналитический сборн. ЕАЕН, № 2. стр. 195–228, Ганновер, 2010 г.
16. Р.Р.Сайфуллаева, Ш.Р.Сайфуллаев и др. Кратко о феноменальной сущности человека. Научно-аналитический сборник ЕАЕН, № 4. стр. 102–167, Ганновер, 2011 г.
17. Р.Р.Сайфуллаева, Ш.Р.Сайфуллаев, А.А.Горбунов. Экономические теории и современная философия. Научно-аналитический журнал Регион: "Политика. Экономика. Социология", № 2–3, стр. 125–136, СПб, 2010 г.

ИСТИННАЯ ЦЕЛЬ ТРУДА ЧЕЛОВЕКА

A PROPER AIM OF HUMAN LABOUR

Sh. Saifullaev

Annotation

A wrong definition of modern scientific conceptions about a proper aim of human labour is shown. A real aim of any labour is shown, which is related to energetic metabolism of the organism and should fit with the basic laws of nature.

Keywords: Labour and production, economics and philosophy, scientific conceptions and definitions, laws of nature and economics, surplus value and Karl Marx.

Аннотация

Показана ошибочность современных научных представлений об истинной цели труда человека. Представлена реальная цель любого труда, связанная с тепловым обменом организма, которая должна подчиняться фундаментальным законам природы.

Ключевые слова:

Труд и производство, экономика и философия, научные понятия и определения, законы природы и экономики, прибавочная стоимость и Карл Маркс.

Как известно, в повседневной жизни любой человек постоянно и всегда теряет свою энергию – своё тепло только из-за того, что он является живым теплокровным существом, нагретым более окружающей его внешней среды, то есть, организм человека постоянно теряет тепловую энергию в точном соответствии с законами теплового излучения природы, в данном случае физики, когда происходит излучении тепловой энергии, которая должна переноситься от более горячих – нагретых тел, к более холодным телам, причем абсолютно не зависимо от того, трудится ли сам человек или нет. В силу этого у человека задолго до какой-либо своей трудовой деятельности постоянно возникает потребность восполнения потерянной вне всякого его труда своей физиологической – тепловой энергии, и он, потому всегда в свою очередь, "задумывается" и обычно "стремится" через возникающее в связи с этим, например, чувство голода к тому, чтобы хоть каким-нибудь образом компенсировать все эти свои тепловые – энергетические потери, иными словами у него должны возникать разного рода мысли на этот счет или идеи по этому поводу. Всей сутью именно этих мыслей и идей любого человека, обычно, как правило, всегда не столь осознаваемых, является постоянный поиск какого-нибудь способа компенсации не какой-то своей идеи, мысли или же утраченной силы, а способа компенсации своей постоянно только утрачиваемой тепловой, жизненной энергии через естественный поиск хоть какой-либо пищи, любой еды, которая содержит в своей сути в ранее уже запасенном виде природой всю эту необходимую ему энергию. Поэтому каждое живое существо, в том числе и человек, может жить и существовать, не обязательно трудясь, а питаясь лишь дарами природы. [1–5, 13–17]

Вместе с этим, одним из таких компенсирующих все тепловые потери способом для существования человека является не столько собирательство и питание лишь дарами природы, а сколько поиск хоть какой-то пищи через человеческий труд, но можно, однако, и без осознанного труда, как всё это всегда делают все иные живые существа. Следовательно, именно один лишь человеческий труд, в данном случае, и в трудовом варианте компенсации, должен обеспечивать для человека восполнение ежедневных и постоянных всех без исключения его потерь тепловой энергии. Именно поэтому никакая человеческая надуманная идея или же мысль сами по себе никаким образом не могут являться хоть каким-нибудь предметом опредмечивания, так как эти мысли и идеи могут лишь показывать человеку путь опредмечивания или метод, способ их реализации, иными словами, любая идея и каждая мысль могут являться только каким-то орудием опредмечивания чего-либо, то есть, являются неким возможным орудием компенсации всей утраченной энергии каким-нибудь опредмечиванием чего-либо совершенно иного, но, однако, только не самих этих человеческих идей или мыслей. При этом реальному опредмечиванию подлежит также и та простая "физиологическая" или же, тепловая энергия человека, которая была потрачена им уже и в самом процессе своего труда. Конечно же, бесспорно здесь то, что любая трудовая деятельность осуществляется человеком в соответствии со своими или же, иными идеями и мыслями, которые возникли в голове человека до начала самого его труда, но ведь они же возникли не с целью реализовать самих себя на практике и тем, стать самим необходимой едой – пищевым резервуаром для человека, так как они энергию в себе не содержат, и никакими идеями и мыслями сыт

человек никогда не будет, а с целью реализовать свои простые энергетические возможности для эффективно-го поиска и добычи возможной и необходимой пищи, а в отсутствие таких возможностей любая идея или мысль были бы абсолютно бесполезны – напомним, что в данный момент мы рассуждаем пока только о начальной, первобытной стадии человека. [4–9]

Следовательно, труд – это есть сознательная и необходимая затрата человеком своей энергии и времени с помощью каких-то орудий и мыслей для чего-нибудь полезного и необходимого, в силу того, что ещё до самого возникновения самой любой мысли и идеи у человека смогла возникнуть потребность в энергии, вследствие чего лишь и возникла мысль о возможных способах удовлетворения своей потребности в пище – энергии, родившая некую идею метода или орудия реализации этой потребности уже в труде.

Но ведь в процессе такого своего труда, человек вынужден затрачивать, кроме постоянно-необходимой траты энергии для поддержания теплового баланса в теле и тем поддержки жизни организма, ещё и дополнительно свою тепловую энергию на сам процесс труда, а отсюда следует, что результат труда должен обеспечивать не только компенсирующий трудовые траты, возврат энергии, но и обязательно именно "прибыльный" возврат для полного обеспечения всей повседневной жизнедеятельности человека вне всякого своего труда, что строго логически с научной точки зрения, то есть по законам физики абсолютно невозможно – этого ни один мыслитель от философии, социологии, психологии и, особенно, экономики пока никак не учитывает и в силу этого многие ученые при научном определении таких понятий, как "труд", "прибыль" и "капитал" обычно приходят к абсолютно неверным выводам из-за своих нелогичностей и естественнонаучной своей невежественности, в чем и заключается реальная суть и смысл одного из научных открытий из всех нами выявленных по мере своих поисков и усилий по созданию новой научно-логической экономическо-философской теории.

Но, очевидно, в реальности ведь все должно обстоять, довольно, просто, и заключается всё в том, что именно такой тепловой, энергетический процесс практически никогда, нигде и никак невозможен по одному из основных законов природы, так как человек, так же, как и любое живое существо, с точки зрения физики – это есть ничего иное, как лишь "тепловая машина", которая так же, как и физическая тепловая машина имеет свой коэффициент полезного действия – КПД, который на практике никогда не превышающий теоретический КПД любой тепловой машины, что есть не превышающий более чем 40%, от затраченной исходной энергии, но, а в силу того, что практический КПД человеческого организма не превышает всего лишь даже 10–12%, а все остальные проценты энергии расходуются постоянно в течение всей жизни на поддержание теплового режима в организме, в том числе на работу сердца, легких и мозга, то результа-

том любого человеческого труда должен быть обязательно такой обеспечивающий человека "продукт труда" – результат его трудовой деятельности, который обычно должен практически всегда и постоянно полностью гарантировать любому трудящемуся как минимум не менее чем, хотя бы только десятикратную энергетическую компенсацию, что, однако, никаким образом не выполнить на практике ни одному человеку, ни в одном трудовом процессе, и даже хотя бы лишь в своем уме, мыслями, то есть даже исключительно теоретически. [5–12]

Если всё это иными словами, то получается, что человек, затративший в процессе труда, например, одну единицу тепловой энергии уже никак не сможет получить для себя в этом процессе даже возврата всё той же одной, лишь единицы своей физиологической энергии, при этом не говоря о том, чтобы вернуть назад, то есть компенсировать все десять необходимых для жизни единиц тепловой энергии без помощи нашей планеты и её природы.

Однако, в силу очевидности того, что трудящийся продолжает всё же жить и не гибнет от своих постоянных тепловых – энергетических потерь, и в то же время, этот человек ещё изо дня в день в течение длительного времени ежедневно имеет также возможность трудиться, тратя свою энергию, то, следовательно, результат ежедневного его труда каким-то образом, вопреки всем законам природы, должен всегда обеспечивать ему такую тепловую компенсацию в полной мере. Если же законы природы всегда справедливы и ни один человек не может и не смеет их нарушать и никогда не нарушает, то откуда же тогда, в таком случае, всегда и постоянно берется вся эта сверх всего "противозаконная" тепловая энергия, откуда именно может возникать и постоянно появляться такая компенсирующая все человеческие затраты в жизни и труде, в том числе и дополнительная "прибыльная" энергия, дающая "прибыль" от его труда и деятельности производств, если только человек является не более чем, лишь "тепловой машиной" со своим довольно низким – практически десяти процентным физическим КПД?

Конечно же, из пищи, – ответит любой даже необразованный человек! Но тогда другой вопрос: Откуда в самой ежедневной пище взялась эта энергия, которая должна быть равна 10 единицам тепловой энергии, тогда как человек ежедневной может тратить на труд – добывание пищи всего одну единицу? В связи с этим, откуда взялись эти девять единиц недостающей энергии?

Очевидно, что мы здесь так чрезмерно подробно и слишком "заумно" начали рассуждать о достаточно известных всем и довольно элементарных процессах, явлениях и вещах ведь не для одного лишь "красного словца", тем самым, возможно, невольно порождая при этом у многих наших читателей недоверие не только к нам, но и нашим рассуждениям. Но, однако, какого-нибудь другого научно правильного пути и логически верного способа для вскрытия и осознания истинной природы каких-либо

явлений или вещей у нас просто нет, так как любой иной путь и все остальные возможные способы анализа не позволят нам заглянуть в корневую суть проблемы, в силу того, что мы без этой простоты и такой элементарщины не будем в состоянии себе представлять изначально правильные логические предпосылки для своего логического анализа, что уже не один раз было, как известно, в истории наук, особенно гуманитарного направления, в силу чего все другие подходы в данном случае только будут уводить нас от истинного понимания смысла человеческого труда, а тем более ещё и от верного представления самой сути и всех сущностей любого трудового процесса на каком-либо производстве.

Поэтому-то, если только здесь мы, верно, представим себе возможную логическую предпосылку для последующих своих логических рассуждений и тем самым, правильно сможем выявить и представить всю эту, несомненно, возникающую в процессе труда и деятельности производства "прибыльную энергию", которая только и может составлять реальную прибыль, в том числе даже и прибавочную прибыль по Карлу Марксу от человеческого труда, то именно таким образом, по всей вероятности, мы далее вполне сможем верно, докопаться до истинного источника возникновения овеященной любой прибыли или сверхприбыли, обычно возникающей, как правило, всегда от всякого человеческого труда, включая и любого рода наёмный труд, а тем более, как необходимой, так и имеющейся на всяком капиталистическом производстве с наёмным трудом, до опредмеченного любого и каждого современного мысленного и возможного капитала, несомненно, имеющегося в процессе не только капиталистического производства, что в своё время, Карлом Марксом не было вообще-то выявлено и осуществлено, да и сейчас в действительности, ещё абсолютно никем объективно и правильно так и не определено до сих пор, хотя, тем не менее, этот основной, образующий прибавочную стоимость любого товара или же услуги истинный источник любого современного капитала был довольно очевиден и настолько очень, как правило, всегда прозрачен, что не увидеть его не только при довольно строго научно-логическом подходе, но даже в принципе и невооруженным логикой разумом практически было невозможно, что и предопределяет всю predeterminedность якобы логичных рассуждений многих псевдоученых, но особенно, западных разного рода псевдо философов и якобы экономистов.

Именно поэтому, продолжив, за одно отметим, что, как сам человек не может отложить для себя лично в качестве своей прибыли, так и никто другой у него не может отнять также для себя в качестве будущего капитала, что-нибудь для овеящения и, следовательно, для создания какого-либо материального блага или накопления возможного капитала ничего другое, как только свою или же любую чужую лишь "физиологическую" энергию и человеческое время. Причем, при любых потребностях или желаниях кого-либо, независимо от кого именно, нельзя

даже отнять ни у одного человека для последующего их овеящения или опредмечивания с какой-нибудь целью, его мысли, идеи, опыт или знания, или же даже его жизнь. А тем более нельзя купить или занять на время у человека, как предполагал сам Карл Маркс, каким-то другим человеком – собственником и работодателем или капиталистом его некие особенности – свойства и способности, такие, например, как рабочая сила и мощь, талант и догадливость, трудолюбие и честность, алчность и хитрость, внешний облик и привлекательность, и т.д. для использования в процессе труда в производстве прибыли для себя, в чем Карл Маркс в своё время всё же, глубоко заблуждался, обычно считая, как правило, всегда физическую мощь и рабочую силу любого человека именно товарами, продаваемыми со стороны любого рабочего другим людям, являющимися собственниками и нанимателями. Рабочая сила и физическая мощь наемного рабочего, а также талантливость и интеллектуальность любой образованной личности – это есть свойства организма каждого человека, а не какие-то там вещи, которые можно было бы купить или же нанять на какое-то время для производства дохода и прибыли работодателем посредством труда рабочего или с помощью интеллекта ученого, чем именно Карл Маркс, как это, очевидно, лишь скрыл от самого рабочего и даже от ученого истинный источник их прибыли и обделил, тем самым, каждого наемного человека, в том числе и каждого рабочего, и любого ученого их вполне законной части – рабочей и умственной доли в прибыли капиталиста, компенсируя их труд лишь заработной платой, которая всего лишь малая часть от полагающейся любому наемному человеку его природной – законной доли из всей прибыли любого и каждого работодателя.

Все подобные личные принадлежности, некие особенности – свойства и качества или способности человека можно использовать только лишь как некие средства человеческого труда, в том числе и умственного труда, то есть, как орудия и/или способ для возможного опредмечивания какой-нибудь природной или же мускульной, физиологической энергии, а не чего-нибудь ещё некоего иного природного и материального, или любой иной какой-либо материи, кроме, как только энергии самой нашей природы, заимствованной безвозвратно у общей для всех нас планеты и самого человека, его времени и мускульной, то есть тепловой энергии какого-нибудь животного. Если бы только было возможным что-либо иное в природе и обществе, и тем более, без энергетических потерь можно было бы осуществлять любые процессы опредмечивания или, может, овеящения чего-нибудь другого, кроме как только энергии, то на нашей планете не было бы такой необходимости как, например, Солнце, так как уже давно бы не было самой нашей планеты – все существовавшее на ней, да и сама она давно бы уже были опредмечены и овеящены и превращены в прибыль многими чрезмерно "деятельными" людьми капиталистической формации и с рыночным мышлением.

Это и есть всеобщий закон нашей природы, диалекти-

ка нашего бытия – закон преобразования энергии в другой вид материи, когда, создавая или производя, например, машину или двигатель, корабль или самолет каким-либо образом мы не теряем абсолютно никакого количества материи – вещества, но, однако, при этом теряем одну лишь энергию и только энергию, что мы, следовательно, и опредмечиваем или овеществляем в удобной форме или необходимом виде для себя и всех остальных людей в обществе. До сих пор невозможно было в реальной природе чего-то приобрести просто так, то есть получить безвозмездно, что-либо именно в дар, например, каким-нибудь опредмечиванием или каким-то овеществлением, не отдав ей – природе, и не потеряв при этом чего-нибудь своего – превращая, металлы в рудах в металл в двигателе или машине мы количество металла в природе не теряем, мы также при этом не теряем ни свой опыт, ни свои знания и даже ни свои мысли и идеи, в том числе мы не теряем и ни орудия труда или производства. Единственное, что мы все в процессе труда с природой вместе теряем, когда в опредмеченной форме взамен что-то получаем, так это энергия и время человеческое. Именно поэтому – то многие ученые, в том числе философы и экономисты, совершая серьезную логическую ошибку, вводят сами себя же, и нас в том числе, в свои заблуждение,

обычно ошибочно считая до сих пор, что их философские мысли и экономические идеи опредмечиваются всеми ими их умственным трудом, чем все они, думая ошибочно, компенсируют свои энергетические затраты и тепловые потери.

Нет, конечно, в силу того, что "свой хлеб" они зарабатывают путем или способом, или с помощью своего экономико-философствования, но только не своё же, ведь они это умственное мышление – экономико-философствование опредмечивают, так как в ином случае, практически все люди были бы выдающимися философами и экономистами, и экономико-философствовали бы неустанно и постоянно, и лишь, таким образом, что именно этот способ всегда был бы и на сегодня являлся бы, возможно, самым легким способом опредмечивания чего-нибудь идеального и абстрактного, невещественного в самое, что ни есть обозримое, вещественное и материальное, причем все те люди, которые так и не смогли бы научиться экономико-философствовать за всё это время, возможно, "опредмечивались" бы в своей жизни, уже всегда, вероятно, какими-либо совершенно иными, любыми другими способами, путями и орудиями, которые более доступны их пониманию. [11–17]

ЛИТЕРАТУРА

Ш.Р. Сайфуллаев:

1. "Описания и формулы научных открытий в экономике". СПб, 2000 г.
2. "Первые шаги к новой экономической теории". СПб, 2000 г.
3. Научные открытия и законы в философии и экономике. СПб, 2001г.
4. О тотеме и табу, о каннибализме и нравственности. СПб, 2002 г.
5. "Эволюция и природа интеллекта". В 2-х томах, СПб, 2005 г.
6. Вступительное слово Главного редактора: Об экономике и философии. Научно-аналитический сборник ЕАЕН, № 1. стр. 20–87, Ганновер, 2010 г.
7. "Человек, труд и "Капитал!" Научно-аналитический сборник ЕАЕН – Европейской Академии Естественных наук, № 6. Ганновер, 2011 г.
8. "Труд, капитал и производство. Научно-аналитический сборник ЕАЕН – Европейской Академии Естественных наук, № 7. Ганновер, 2012 г.
9. Создаем вместе новую экономическую теорию? Интернет-журнал "Капитал страны". 04.04.2012 г.
10. Р.Р.Сайфуллаева, Ш.Р.Сайфуллаев, А.А.Горбунов. Экономические теории и современная философия. Научно-аналитический журнал Регион: "Политика. Экономика. Социология", № 2–3, стр. 125–136, СПб, 2010 г.
11. А.А.Горбунов, Ш.Р.Сайфуллаев, В.Г.Тыминский и др. Новые экономические теории и мысли об обществе и философии. Научно-аналитический сборник ЕАЕН, № 1, с. 88–123, Ганновер, 2010 г.
12. А.А.Горбунов, В.В.Лукоянов, Ш.Р.Сайфуллаев, В.Г.Тыминский. Политика, экономика и стратегия государства ... Научно-аналитический сборник ЕАЕН, № 1, с. 124–183, Ганновер, 2010 г.
13. Е.Ш.Сайфуллаева, Т.Ш.Сайфуллаев, Р.Р.Сайфуллаева, Ш.Р.Сайфуллаев. Философия логического и психология интеллектуального мышления. Научно-аналитический сборник ЕАЕН, № 1, с. 200–235, Ганновер, 2010 г.
14. Р.Р.Сайфуллаева, А.А.Горбунов, Ш.Р.Сайфуллаев, В.Г.Тыминский. Космологическая гипотеза и антропный принцип в философии. Научно-аналитический сборник ЕАЕН, № 2, с. 195–228, Ганновер, 2010 г.
15. Е.Ш.Сайфуллаева, Т.Ш.Сайфуллаев, Р.Р.Сайфуллаева, Ш.Р.Сайфуллаев. О психологии и логичности мышления гениев. Научно-аналитический сборник ЕАЕН, № 3, с. 162–217, Ганновер, 2010 г.
16. Р.Р.Сайфуллаева, Ш.Р.Сайфуллаев и др. Кратко о феноменальной сущности человека. Научно-аналитический сборник ЕАЕН, № 4, с. 102–167, Ганновер, 2011 г.
17. Р.Р.Сайфуллаева, Ш.Р.Сайфуллаев и др. Об общей культуре общества и философии. Научно-аналитический сб. ЕАЕН, № 5, с. 58–104, Ганновер, 2011 г.

НАУЧНЫЙ ПУТЬ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТРУДА

SCIENTIFIC PATHWAY OF LABOUR'S DEFINITION

Sh. Saifullaev

Annotation

Concerns about modern scientific and logical definitions of such basic conceptions and categories of economics and philosophy as labour, production, capital etc. are provided. A pathway for solutions of such kind of delusions in the modern humanities is demonstrated.

Keywords: Labour and capital, economics and philosophy, Karl Marx.

Аннотация

Высказаны сомнения в правильности представления современных научно обоснованных и логичных научных определений таким основным понятиям и категориям экономической науки и философии, как труд, производство, капитал и т.д. Показан путь разрешения подобного рода заблуждений в современных гуманитарных областях.

Ключевые слова:

Труд и капитал, экономика, логика и философия, Карл Маркс.

Известно, что весь современный мир с самого своего начала, то есть со своего происхождения, причем вне зависимости, какое бы само это начало не было в реальности покоится на довольно прочном и ничем непоколебимом твердом фундаменте причинно – следственной взаимосвязи между всеми явлениями и событиями, как в самой природе, так и в любом обществе, хотя, однако, не всем современным ученым, как показывает научная практика, данный реальный факт пока очевиден, но особенно это должно относиться к поискам научной истины именно в гуманитарной сфере.

Поэтому, прежде, перед тем, как представить научные определения таким экономическим понятиям и категориям как, например, "капитал", "труд" и "производство, и лишь после с помощью этих новых определений не только начать понимать "здравым смыслом", но и строго логически в какой-то мере, начать осознавать саму истинную суть, сущность и смысл производящего человеческого труда, включая в это число ещё и сущность прибыли и даже смысл источника накопленных всех богатств, и наконец-то, таким образом, дойти до самой главной, фундаментальной проблемы не только одной лишь современной экономики, но и всей ещё философии с психологией о реальной человеческой сути и смысле его бытия, может быть, заключенной именно в целенаправленном и вполне осознанном труде человека, нам, прежде, для всей последующей четкости и ясности понимания необходимо выяснить строго логически в начале, что же, такое означает само в действительности это понятие "научное определение", хотя имеющийся у каждого из нас свой собственный "здравый смысл", может и без всякой

логической строгости подсказать всем нам – что это, может быть, такое в быту и даже науке. [1–8]

Итак, на сегодня, понятие "определение" – это дефиниция, объяснение, формулировка, раскрывающее, разъясняющее содержание, смысл и суть чего-нибудь, причем, сама дефиниция – это есть истолкование понятия, что прямо соответствует тому, что мы в действительности в данный момент делаем с таким термином, как понятие, а формулировка – это есть в довольно краткой форме очень точно выраженная мысль, и объяснение – это есть не что другое, как только растолковать кому-либо или осмыслить для самого себя, то есть сделать четким и ясным и хорошо понятным содержание – суть или смысл, или же сущности определяемого понятия или категории.

Следовательно, из этого получается, что, если только в ещё более краткой форме, то определение – это есть раскрытие смысла языкового выражения, а смысл – это есть содержание, значение чего-нибудь, постигаемое нашим разумом. Ко всему этому можно ещё добавить то, что суть – это есть самое существенное и главное в чем-нибудь, а сущности – это выражающееся в единстве всего возможного в конкретном случае многообразных свойств и разных отношений внутреннего содержания чего-нибудь или какого-либо предмета или объекта, явления или события, закона или мышления, которые может быть обычно обнаруживаются во всех внешних формах и видах их пространственно-временного возникновения, последующего развития и ещё существования в реальной действительности – Мире, Природе и Обществе.

Таким образом, в результате всех этих наших рассуждений к данному моменту, как о логике и диалектике, так и о труде, капитале и прибыли у нас, как и у всех, многих других возможных аналитиков должен был собраться уже тот достаточный минимум необходимой информации, который может быть позволит всем нам теперь выяснить достоверность – правильность понимания всеми нами того, что понятие: "труд" – это некая, может быть, всего лишь простая "физиологическая" затрата энергии для опредмечивания какой-нибудь идеи с помощью орудия труда и энергии.

В данном определении "труда" сутью понятия является то, что в самом процессе любого труда человека тратится какая-либо энергия, в противном случае, очевидно, теряется всякий смысл такого трудового процесса, но, однако, выражение, что некая простая энергия человека теряется или же, возможно, преобразовывается с помощью какой-нибудь и все той же самой энергии, в нашем представлении, является достаточно глубоко ошибочным суждением любого образованного человека, в том числе и ученого, в силу того, что во всяком процессе человеческого труда никакая энергия не может никаким образом теряться с помощью самой же энергии, она может теряться с помощью только чего-либо совсем иного, например, орудия, но только не с помощью энергии, в противном случае, если бы только такой процесс был, хотя бы в малых долях возможным в принципе, то за множество миллиардов лет вся энергия и энергетическая мощь нашей планеты, очевидно, уже давно была бы безвозвратно потеряна или, может, преобразована во что-нибудь нам всем пока неизвестное – здесь, в основном, это есть результат того, что сказывается возможное отсутствие у большинства, именно таким образом, мыслящих людей – авторов подобных определений не только человеческого труда, но и любого иного понятия или категории, истинного знания самого предмета исследования и, что в данном случае особенно существенно, это очевидное отсутствие самого главного у многих таких – диалектического мышления и использования диалектической логики. [1, 2, 9 – 12]

Кроме этого, необходимо заметить, что в процессе любого труда любая возможная энергия, в том числе, даже такая простая, как "физиологическая", не может никаким образом тратиться, а процесс с такой тратой энергии никак не может происходить, вне всякого какого-либо времени, которое также принадлежит тому же, кто тратит свою энергию, и в силу чего, трата своего времени в процессе труда, наряду с тратой энергии также является главной особенностью и принадлежностью, как этого понятия, так и самого процесса, каким является человеческий труд. Именно поэтому – то в суть определения труда обязательно должно входить понятие "время", в противном случае же, с одной стороны, окажется, что труд – это процесс траты своей энергии из какой-то "бездонной

энергетической бочки", непонятно откуда черпающей свою энергию для своего труда и в этом случае автоматически так же, как и выше будет теряться смысл любого человеческого труда, ввиду наличия у тратившего свою энергию её неограниченного количества. Здесь отметим, что не наличия огромной силы – рабочей силы, а именно наличия энергии, так как труд – это не простая трата силы, сила при этом никуда не исчезает, а простая трата энергии человека, что должно являться также существенной и одной из главных особенностей процесса любого труда. [11 – 15]

Кроме всего этого, с другой стороны – это будет выглядеть, как какой-то одноразовый и мгновенный в пространстве и во времени процесс траты со стороны любого живого существа простой своей "физиологической" энергии, что, как известно, для мускульной энергии человека практически совсем невозможно, в силу того, что такой процесс был бы для любого организма уже не каким-либо продолжающимся длительное время и повторяющимся процессом, а только мгновенным, взрывным процессом, что для любой живой материи не только не свойственно и абсолютно невозможно, но и противоестественно и губительно. Таким образом, логичней было бы, если бы в определение сути процесса труда присутствовала обязательная трата чего-либо для чего-нибудь, иными словами, лежала бы необходимость затрат своей энергии и обязательно во времени, и, следовательно, труд – это есть необходимая затрата энергии и времени человеком для чего-нибудь. Однако же, в такой формуле не раскрыта ещё вся суть понятия "труд", так как эта формулировка не содержит ещё всех необходимых видовых отличий и при этом отсутствует достаточная родовая суть всех трудовых затрат, то есть необходимого действия или если сказать другими словами, то обязательность обменного характера необходимых затрат энергии и времени человека. [1,12]

Таким образом, после такой последовательности суждений получаем следующее предварительное определение понятия "труд" – это есть некий необходимый процесс затрата энергии и времени в обмен на что-нибудь полезное, и тем самым, теперь здесь выделена вся суть труда человека как реального обменного процесса, как обмена собственной энергии и личного времени на что-нибудь очень необходимое для всего общества, жизненно чрезмерно важное и весьма полезное и для самого трудящегося человека.

Итак, реальной сущностью же, такого процесса является то, что при этом энергия, затрачиваемая во времени в процессе труда человеком всегда имеет свойство быть простой и "физиологической", это то, **во-первых**, что внешне указывает не на какой-нибудь механизм или устройство – орудие труда, а только именно на живое существо с ограниченным количеством своей такой очень

простой физиологической, мускульной энергии, которое может тратить свою энергию также ограниченное количество времени, что является для живого существа очень существенным, в силу чего напоминаем ещё раз, что не сила ограниченная, а энергия, так как сила – то, то есть рабочая сила может быть в реальности и не столь ограниченной, она может быть и огромной, как, например, сила рук нескольких миллионов рабов, но, однако же, тем не менее, простая энергия всех этих миллионов рабов весьма ограничена и может тратиться исключительно ограниченное количество время, а после такого труда всем им необходима обязательная компенсация, причем не столько рабочей их силы, которая не была потеряна, так как рабочая сила человека является свойством самого организма любого человека, в связи, с чем рабочая сила любого человека никак и никогда не теряется, и как то-вар, по Карлу Марксу, не может никаким образом продаваться нанимателю, или передаваться кому-нибудь, как некая вещь, а сколько затраченной ими в труде своей энергии и потраченного времени, в отличие от всевозможных механизмов, устройств или двигателей, которые только и способны иметь, в практическом смысле, не одну только неограниченную свою силу, но ещё и энергию, и при этом в любом виде, и в неограниченном количестве, что ограничиваться может, в свою очередь, как это не удивительно, одной лишь конечностью – ограниченностью самих природно-сырьевых энергетических ресурсов на планете и мощностью излучения Солнца. [9–14]

Во-вторых, при всем этом, также в процессе труда обнаруживается, что вся эта простая энергия живого существа – человека может тратиться лишь с помощью каких-нибудь орудий по заранее "начерченной в голове" какой-нибудь идее или чьей-то мысли, что указывает на основные, выраженные в единстве четыре свойства и отношения внутреннего содержания процесса, что в совокупном единстве может относиться только к свободному человеку, а не к рабу, в силу чего труд – это необходимая затрата свободным человеком своей энергии и времени с помощью орудия, осмысленно для чего-либо в обмен на что-нибудь полезное. Далее ниже мы поясним, почему необходимо здесь обязательно указывать на тот факт, что все это относится только к свободному человеку, в том числе и к наемному рабочему, но не может относиться никаким образом, например, к рабу – генезис труда не раба!

В-третьих, таким образом, любой человеческий труд, как это, теперь очевидно, должен быть всегда направлен только на одно – компенсацию всех своих затрат, и ничего иного, не затраченного и не потерянного в процессе труда, а именно: своей затраченной энергии и потерянного времени, хотя потраченное в процессе труда человеческое время, в отличие от утерянной энергии, уже не восстановить никаким образом, но, однако, можно только каким-то образом компенсировать это, хотя время

каждому человеку дано природой безвозмездно в достаточно неограниченных и для него в больших относительно количествах, в отличие от всё той же его "физиологической" энергии, которую ему всегда и каждый раз необходимо в обязательном порядке каким-нибудь образом или путем периодически и своевременно именно получать, а не только компенсировать, откуда-нибудь в каком-либо виде, например, в овеществленном виде или же, в опредмеченной форме.

Таким же образом, как и физиологическую энергию человека, можно компенсировать всегда и его потраченное в любом труде собственное время, то есть, обменять его потраченное это время, и при этом вынужденно, и по необходимости на какой-нибудь его овеществленный вид, на опредмеченную его и возможную какую-нибудь приемлемую для самого человека форму. Здесь появившееся совершенно новое понятие – "опредмечивание", имеет следующее своё определение – это есть создание человеком необходимых всяческих благ, включая и материальные, на основе своей сознательной деятельности в полном соответствии со своими некими определенными способностями и возможностями, идеями, мыслями или опытом и знаниями.

Именно поэтому не только в связи подобными реальностями в далеком прошлом у многих первобытных людей обычно возникала в свое время, но и в связи с недостаточностью реальных знаний, идей и опыта, и, конечно же, сознательности, и не только у наших древних предков, но и сейчас у многих современных людей, следующая, всегда, как правило, вполне возможная коллизия: и зачем же, именно нужно начинать трудиться, и тратить свою энергию, да ещё при этом нужно и необходимо думать о том, чтобы всех тех результатов своего труда, которые в принципе обычно всегда возможны, достигать с наименьшими своими мускульными энергозатратами, когда все это, вполне возможно, просто взять в уже вполне готовом виде, в той же опредмеченной форме у кого-либо или где-нибудь, например, хотя бы в той же природной среде, что являлось в те древние времена, очевидно, для довольно многих, с одной стороны, очень соблазнительной возможностью, которую в принципе можно, как правило, всегда очень легко реализовать.

Однако, в то же время, с другой стороны, такая реальная действительность являлась не очень посильной задачей, которую тогда обычно, как правило, не всякий первобытный человек мог всё же своевременно предвидеть, а тем более ещё и решать, что в итоге – в результате, возможно, и привело именно таких первобытных людей к последующему своему полному вымиранию, что, в нашем представлении, довольно вероятно и очевидно. [1,2, 12–16]

Поэтому, из этого можно заключить, **в-четвертых**, что

труд не только необходимый, но и обязательно сознательный процесс, который должен был бы по необходимости обеспечивать компенсацию всей затраченной энергии и по достаточности компенсировать потерянное время, в любом ином же, случае всякий труд человека уже не имел бы также никакого своего смысла и был бы тогда лишен жизненно важной основы под собой. Следовательно на данный момент мы уже имеем теперь то, что труд – это есть сознательная и необходимая затрата человеком лично своей энергии и времени с помощью орудий, осмысленно с целью их компенсации чем-нибудь. И, таким образом, вся совокупность сущностей труда заключается в том, чтобы любой процесс труда человека был бы всегда не просто лишь обменным, а был бы ещё и компенсационным процессом и, по всей возможности, при всем этом сам трудящийся человек мог посредством своего труда вполне восполнить свои именно эти две реальные потери. Но, а если бы труд человека не имел бы такую общую характеристику, то он терял бы в этом случае, как свою суть, так и любые свои сущности, и всякий свой даже смысл, то есть, человеческий труд тогда был бы абсолютно для самого человека бесполезным занятием.

Ввиду всего именно этого реальным уже смыслом определения понятия "труд", очевидно, является опредмечивания человеком своей какой-либо возможной, якобы идеи, мысли, разумное постижение какого-то значения в этом процессе, то есть, человек всегда имеет цель и процесс труда должен обычно, как правило, происходить с полного ведома и контроля со стороны самого человека, а, следовательно, должен со стороны человека происхо-

дить только сознательно, из чего уже следует, что труд – это есть сознательный процесс затраты человеком своей энергии и времени с помощью каких-либо орудий для чего-нибудь полезного и жизненно важного. Здесь необходимо заметить, что в традиционном, классическом смысле процесс труда идет на опредмечивание посредством труда какой-то идеи или же мысли, возникшей в голове у человека, что, на наш взгляд, является абсолютно неправильной трактовкой трудового процесса, так как при такой интерпретации теряется уже цель труда, а без целесообразности любой труд – это есть всего лишь бессмысленный процесс. В чем же, в данном случае, может заключаться потеря самой цели? Хотя ответ довольно давно известен всем и весьма даже тривиален, однако, недопонимание мощи диалектики и отсутствие у многих прошлых и современных ученых – экономистов, философов и многих иных мыслителей диалектического мышления всем им не позволяет правильно представить в реальности смысл и цель труда в его научном определении.

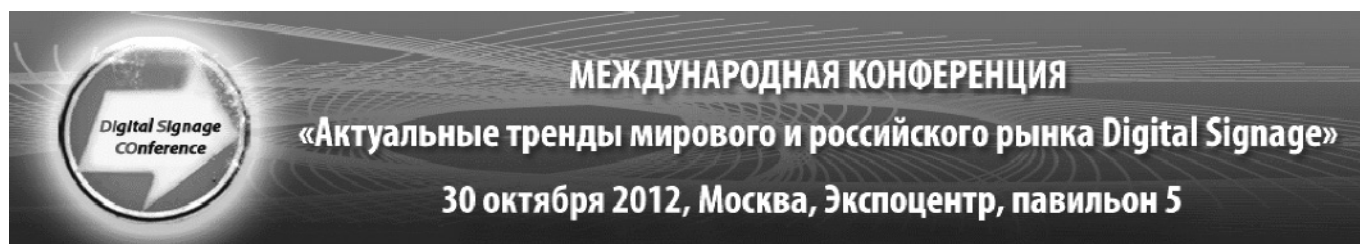
В чем же суть всех этих заблуждений всех прошлых и наших ученых, особенно и в основном гуманитариев, если только целью труда человека не может являться опредмечивание какой-либо идеи или мысли?

Ответ на этот вопрос можно найти лишь на истинном – научному пути поиска определений основным понятиям и категориям науки, в частности и экономики, и философии, чего именно многие гуманитарии, как показывает научный опыт, не всегда придерживаются, в силу чего многие определения сегодня не отвечают научным критериям и правилам логики. [1–8, 12–14]

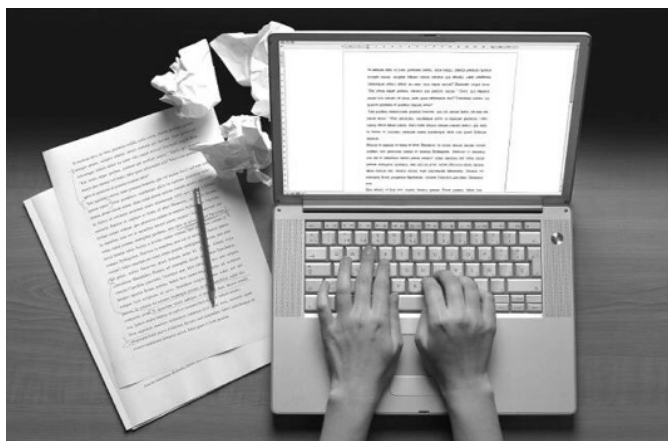
ЛИТЕРАТУРА

1. А.Г.Войтов. Философия М., 2003 г.
2. А.Г.Войтов. История экономических учений. М., 2006 г.
3. В.А. Каменецкий. Труд. М., 2004 г.; Капитал. М., 2006 г.
4. В.К.Нусратуллин. Неравновесная экономика. М., 2006 г.
5. А.Л.Вугальтер. Фундаментальная экономика. М., 2007 г.
6. М.Ю.Медведев. Альтернативная экономика. М., 2010 г.
7. Ю.Александров. Синтетическая концепция стоимости. М., 2011 г.
8. В.Е.Чабанов. Начала фундаментальной экономики. М., 2011 г.

© Ш.П. Сайфуллаев, (shuhrat.saifullaev@mail.ru), Журнал «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики»,

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«Актуальные тренды мирового и российского рынка Digital Signage»
30 октября 2012, Москва, Экспоцентр, павильон 5

Avericheva O.

Orel state university

e-mail : avericheva57@gmail.com

Borovikov S.

P. G. Demidov Yaroslavl State University, historical faculty, department of museology and region study

e-mail : sergey.borowikow@yandex.ru

Khaustov A.

Moscow Institute of Physical Culture and Sport

e-mail : bsspektr@gmail.com

Khaustova T.

Moscow State Humanitarian University named after Sholokhov

e-mail : tu.zatravkina@gmail.com

Khramova E.

The Yaroslavl-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod

e-mail : leceka@mail.ru

Kovaleova M.

Federal budgetary state educational establishment of the higher vocational training "The State university – an educational, scientific and industrial complex", Orel

e-mail : lenhorlens@mail.ru

Krapivkina O.

PhD of Philological Sciences, Associate Professor, Irkutsk State Technical University

e-mail : olgak78@mail.ru

Lupareva N.

Candidate of historical sciences, professor of the Voronezh State Medical Academy. NN Burdenko

e-mail : lnupareva@vmail.ru

Maksachuk E.

PhD, Moscow State Academy of Physical Culture and Sport, Moscow Region, Lyubertsy

e-mail : Kate-Maksachyk@yandex.ru

НАШИ АВТОРЫ OUR AUTHORS

Nesterova O.

Art critic, lecturer Chow VPO St. Petersburg Institute of Economics and Management

e-mail : oll-holm@yandex.ru

Petrova E.

Graduate student of modern Russian history, Yaroslavl State University. PG Demidov

e-mail : djeny.petrova@gmail.com

Safonov K.

Ph.D., professor Novomoskovsk Institute (branch) of Chemical Technology University. DI Mendeleev

e-mail : k_b_s_k_b@list.ru

Saifullaev Sh.

President of "Peter the Great", St. Petersburg, Full member of the Union of Scientific and Engineering Societies

e-mail : shuhrat.saifullaev@mail.ru

Shchedrina J.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Public Law Regional Open Social Institute, Kursk

e-mail : shchedrinaj@gmail.com

Strilchuk V.

Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad)

e-mail : jawerona@mail.ru

Zhuchenko O.

FGBOU VPO "Udmurt State University", Izhevsk

e-mail : adlog@mail.ru

Zotov D.

Federal state budgetary educational establishment of higher professional education "Transbaikal State University" (Chita)

e-mail : zotov_d@inbox.ru

Требования к оформлению рукописей статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно–практического журнала "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе "Антиплагиат".

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно–практический журнал "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением ".doc", или ".rtf", шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1–2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0–11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные – 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф–редактору научно–практического журнала "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" (e–mail: redaktor@nauteh-journal.ru).